

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **3** *2026*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Учредитель: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Редакционная коллегия

О.Ю. Малинова – д-р филос. наук, *главный редактор*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **С.Т. Золян** – д-р филол. наук, профессор Российско-Армянского университета (Армения), профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ю.Г. Коргунок** – д-р полит. наук, и.о. зав. отделом политической науки ИНИОН РАН; **А.В. Кузнецов** – д-р эконом. наук, член-корреспондент РАН, и.о. директора ИНИОН РАН; **Е.Ю. Мелешкина** – д-р полит. наук, *заместитель главного редактора*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туrowsкий** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Цуй Вэнь И** – PhD (Int. Pol.), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Научный редактор: д-р полит. наук *И.Л. Недяк*, канд. ист. наук **С.В. Патрушев**,
канд. полит. наук *Л.Е. Филиппова*

Главный редактор: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Заместитель главного редактора: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Литературный редактор: канд. полит. наук *Д.В. Алексеев*, *Д.О. Растегаев*

Технические редакторы: *П.С. Копылова*, *Т.Л. Прокопчук*

Ответственный за номер: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ НФС77–36084 от 28.04.2009.

ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2026.03.00

© ИНИОН РАН, 2026

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), chief researcher, INION;
Deputy Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), chief researcher, INION (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Suren ZOLYAN**, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Russian-Armenian University (Armenia), Professor of the Baltic Federal Immanuel Kant University; **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Yuriy KORGUNYUK**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting head of Political Science Department, INION (Moscow, Russia); **Alexey KUZNETSOV**, Dr. Sci. (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting Director, INION (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Qu WENYI**, PhD (Int. Pol.), Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD (Pol. Sci.), Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК
В РОССИИ И МИРЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ В РАКУРСЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Недяк И.Л., <u>Патрушев С.В.</u>, Филиппова Л.Е.</i> Институциональный порядок в России и мире: теория и практики в ракурсе институциональной политологии. Представляем номер	9
--	---

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Недяк И.Л.</i> Институциональный порядок господства: опыт концептуализации и эмпирического измерения	20
<i>Павлова Т.В.</i> Социокультурные факторы формирования российского институционального порядка и потенциал институциональных изменений	44
<i>Никифоров С.В.</i> Форпосты междивизиационного взаимодействия России и Монголии как предметное поле институционального и цивилизационного подходов.....	68

ИНТЕРВЬЮ

Интервью Л.Е. Филипповой с С.В. Патрушевым, руководителем отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.....	88
--	----

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Харитоновна О.Г., Мальченко А.А.</i> Идеологическая дистанция и ловушки шантажного потенциала: структурные факторы создания правительственных коалиций в Латинской Америке	103
---	-----

<i>Коньков А.Е., Думбадзе А.Р.</i> Пространство как объект государственной политики на примере стратегии пространственного развития РФ до 2030 года.....	132
<i>Мирясова О.А.</i> Между (де)политизированным и квазиполитическим: гражданская активность в неполитическом пространстве	155

РАКУРСЫ

<i>Шкель С.Н., Дмитриева В.Д., Швая А.Ю.</i> Факторы институционального многообразия регионов России: случай перехода на одноуровневую модель местного самоуправления в 2020–2025 годах	177
<i>Стремоухов Д.А., Черников П., Стародубцев А.В.</i> Динамика государственной политики обновления городской среды в России (2000–2020-е гг.): факторы институциональной изменчивости и стабильности	206
<i>Заринов Н.А.</i> Институциональные свойства парламентских комитетов в странах постсоветского пространства	234

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Кащеева А.Р.</i> Локальность как мезоуровень институционального анализа: теоретические основания	257
<i>Клестов Д.А.</i> Тропа насилия: ловушка Гоббса и механизмы эскалации в столкновениях между протестующими и полицией	274

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Сергеев С.А.</i> Сравнивая этнические федерации : рецензия.....	301
--	-----

**THEME OF THE ISSUE:
INSTITUTIONAL ORDER IN RUSSIA AND IN THE WORLD:
THEORY AND PRACTICES FROM THE PERSPECTIVE
OF INSTITUTIONAL POLITICAL SCIENCE**

CONTENTS

Nedyak I.L., *[Patrushev S.V.]*, *Filippova L.Y.* Institutional order
in Russia and in the world: theory and practices
from the perspective of institutional political science.
Introducing the issue.....9

STATE OF THE DISCIPLINE

Nedyak I.L. The institutional order of domination:
an effort in conceptualization and empirical measurement 20
Pavlova T.V. Sociocultural factors shaping the Russian
institutional order and potential for institutional change 44
Nikiforov S.V. Outposts of intercivilizational interaction
between Russia and Mongolia as a subject field
of institutional and civilizational approaches 68

INTERVIEW

Interview of Liudmila Filippova with Sergey Patrushev,
Head of the Department of Comparative Political Studies,
FCTAS RAS 88

IDEAS AND PRACTICE

<i>Kharitonova O.G., Malchenko A.A.</i> Ideological distance and the trap of blackmail potential: structural factors of government coalition formation in Latin America.....	103
<i>Konkov A.E., Dumbadze A.R.</i> Space as an object of state policy: the case of the spatial development strategy of the Russian Federation until 2030.....	132
<i>Miryasova O.A.</i> Between the (de)politicized and the quasi-political: civic engagement in the non-political space	155

PROSPECTS

<i>Shkel S.N., Dmitrieva V.D., Shvaya A.Yu.</i> Factors of institutional diversity in Russia's regions: the case of transition to a single-tier local government model in 2020–2025	177
<i>Stremoukhov D.A., Chernikov P.Ye., Starodubtsev A.V.</i> Dynamics of the urban redevelopment policy in Russia (2000s–2020s): factors of institutional stability and change.....	206
<i>Zaripov N.A.</i> Institutional features of parliamentary committees functioning in post-Soviet countries.....	234

FIRST DEGREE

<i>Kashcheeva A.R.</i> Locality as a meso-level of institutional analysis: theoretical foundations	257
<i>Klestov D.A.</i> The path to violence: the “Hobbesian Trap” and mechanisms of escalation in clashes between protesters and police	277

FROM THE BOOKSHELF

<i>Sergeev S.A.</i> Comparing ethnic federations: review.....	301
---	-----

И.Л. НЕДЯК, С.В. ПАТРУШЕВ, Л.Е. ФИЛИППОВА*
**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В РОССИИ И МИРЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ В РАКУРСЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ.
ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР**

Представляемый вашему вниманию номер – не первый опыт освещения институционализма на страницах журнала «Политическая наука». В 2009 г. в свет вышел тематический выпуск, озаглавленный «Современные институциональные исследования: состояние, проблемы, перспективы». Его открывала статья С.В. Патрушева «Институциональная политология: четверть века спустя» [Патрушев, 2009], в которой прослеживалась история становления неoinституционализма в западной политологии. Заголовок статьи не был случайным – именно в 2009 г. исполнялось 25 лет с публикации «программной» статьи Дж. Марча и Й. Ольсена «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни» [March, Olsen, 1984], во многом определившей (наряду с работами Д. Норта [Норт, 1997], Э. Остром [Остром, 2011] и ряда других авторов) развитие политической науки конца XX – начала XXI в.

* Недяк Ирина Леонидовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: iraned@mail.ru; Патрушев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований центра цивилизационных и сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: patrushev1947@inbox.ru; Филиппова Людмила Евгеньевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент ВАВТ Минэкономразвития России (Москва, Россия), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

© Недяк И.Л., Патрушев С.В.,
Филиппова Л.Е., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.01

Ко времени выхода статьи неоинституциональный подход утвердился в статусе мейнстрима западной политической науки. Направление расширилось далеко за пределы трех «новых институционализмов», описанных в статье П. Холла и Р. Тейлор [Hall, Taylor, 1996] – исторического, социологического и рационального выбора; произошел поворот от методологической дифференциации к интеграции отдельных течений внутри неоинституционализма, кроме того, новый институционализм уже не противопоставлял себя радикально институционализму «старому». Однако перспективы развития институционализма в российской политической науке С.В. Патрушев оценивал осторожно. Запоздавая (по сравнению с западной наукой) рецепция институционального подхода в нашей стране обусловила ряд проблем, главной из которых, по мнению автора, являлось развитие институциональных исследований «в рамках “рациональных мифов” о самих себе как институционалистах – что, может быть, достаточно для обретения академической легитимности, но явно мало для значимых научных результатов» [Патрушев, 2009, с. 16]. Тем не менее представленные в номере статьи российских исследователей показали не только высокий уровень освоения институционалистских концептов и методологических принципов (в статьях первого раздела «Институциональная теория» фокус был сосредоточен преимущественно на представлении различных подходов и оценке состояния институциональных исследований в зарубежной политической науке), но и готовность применять их для изучения российской политики (второй раздел «Институциональные практики»), в частности процессов формирования элит [Дука, 2009] и трансформации взаимодействий центра и регионов [Какабадзе, 2009; Ильченко, 2009].

За прошедший период российские политологи-институционалисты достигли существенных успехов в развитии методологических подходов и аналитического инструментария, отказавшись от механического заимствования концептуального аппарата западной науки и сфокусировавшись на разработке адекватного российским реалиям понятийно-категориального аппарата и методов исследования. Среди основных тем институциональных исследований можно выделить следующие: трансформация политических институтов в постсоветской России; «колея зависимости» в политическом развитии; взаимовлияние формальных и неформальных институтов; институционализация гражданского общества, формирование политических идентичностей и субъектности; специфика формирования элит и принятия решений; проблемы легитимации

власти и институционального доверия; институционализация и деинституционализация партийной и избирательной систем; взаимодействие политического пространства и «административного рынка». Институциональный подход в политической науке продолжает развиваться в тесной связи с теоретической и эмпирической социологией, активно использует качественные и количественные методы исследований.

География институциональных исследований представлена многими российскими регионами, в которых складываются оригинальные научные школы. Так, в Москве институциональную политологию на протяжении многих лет развивает коллектив отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, в фокусе внимания которого в разные годы оказывались коллективные движения, гражданские и политические практики, массовая политика, социетальная интеграция и конституирование политического пространства, нормативно-ценностные основания политических институтов, факторы трансформативной политики. Среди многочисленных опубликованных работ следует выделить коллективные монографии «Институциональная политология» [Институциональная политология..., 2006] и «Институциональная политология 2.0» [Институциональная политология 2.0..., 2024], разделенные почти двумя десятилетиями и наглядно демонстрирующие большой путь, который прошла институциональная политология в своем развитии на российской почве.

Обогащают палитру институциональных исследований работы профессора МГУ А.И. Соловьева. Авторитетный специалист в области государственного управления исследует институциональные патологии в морфологии российской бюрократии и механизмах рекрутирования и функционирования государственного аппарата, приводящие к подмене формальных институтов принятия решений неформальными клановыми механизмами межэлитного взаимодействия [Соловьев, 2019; Соловьев, 2022]. Особый интерес представляет то, что ученый смещает фокус с изучения иерархических структур к анализу горизонтальных политических и административных сетей.

Актуальный ракурс изучения трансформации институтов с методологических позиций сетевого и коммуникативного подходов представлен в работах коллектива ученых под руководством Л.В. Сморгунова (Санкт-Петербургский государственный университет) [Сморгунов, Игнатьева, 2021; Сморгунов, 2025; Социальные сети..., 2025]. Ключевыми концептами в исследованиях выступают

сетевая власть и убеждающая коммуникация. Показано, что вовлечение граждан в социальные сети становится фактором формирования нового информационно-политического пространства, диктующего логику взаимодействия акторов политического процесса, меняющего механизмы легитимации власти и институтов обратной связи.

Важное направление институциональных исследований связано с изучением влияния законодательных изменений на развитие политического режима, включая эволюцию партийной системы России, электоральной политики и политического плюрализма, динамику федерализма и системы местного самоуправления [Голосов, Григорьев, 2015; Бессонова, 2023; Зубаревич, Сафронов, 2024]. Остаются в фокусе внимания и причины неудач демократических транзитов, механизмы установления и поддержания авторитарных режимов на постсоветском пространстве [Гельман, 2019].

Особо следует отметить вклад, который внес в развитие институционального подхода в российской политологии П.В. Панов. В его работах была осуществлена концептуализация ключевого для институциональной политологии понятия «политический порядок» и зафиксирована фундаментальная проблема его формирования – противоречие между институционализацией (универсализацией) и фрагментацией. Политический порядок трактуется им не как сумма отдельных институтов, а как система взаимосвязанных формальных и неформальных правил, которая структурирует борьбу за публичную власть и ее воспроизводство. Соответственно, устойчивость порядка определяется не качеством каждого института по отдельности, а их взаимной совместимостью [Панов, 2009; Панов, 2011; Панов, 2012]. Большое внимание П.В. Панов уделяет изучению локальных (региональных и муниципальных) порядков в России и показывает, как конституционные нормы местного самоуправления систематически сопрягаются с неформальными клиентелистскими сетями и монополизацией административного ресурса, порождая «локальные порядки с доминирующей элитой» [Панов, Петрова, 2017; Панов, 2018].

«Политический порядок» – одно из самых емких, но одновременно трудноопределяемых понятий институциональной политологии, и настоящий номер «Политической науки» продолжает многолетнюю коллективную работу по его концептуализации и операционализации. Его подзаголовком вполне могла бы стать фраза «Институциональная политология: сорок лет спустя»: представленные статьи демонстрируют расширение границ исследовательского поля институционального подхода и возможности адап-

тации институциональной методологии для изучения разнообразных аспектов политики на национальном и международном уровнях. Состояние развития институциональных исследований в отечественной политологии актуализирует вопрос о том, можно ли рассматривать институциональную политологию в качестве оформленной субдисциплины политической науки (аргументы в пользу этой точки зрения высказывает С.В. Патрушев в интервью, представленном в настоящем номере).

Открывает номер рубрика «Состояние дисциплины», при составлении которой редакторы отошли от традиции включать статьи обзорного и/или ретроспективного характера, предоставив на этот раз слово авторам, чьи работы демонстрируют развитие аналитического инструментария институциональной политологии в применении к актуальной исследовательской практике. В статье *И.Л. Недяк* формирование политического порядка рассматривается как следствие закрепления порядка правового, т.е. правовых гарантий ограничения произвольной власти, с одной стороны, и реализации политической субъектности граждан – с другой. Автор реконструирует характеристики институционального порядка современной России на основе анализа представлений граждан о собственной правовой защищенности и показывает, как «размытый» политико-правовой статус гражданина связан с порядком господства – институциональным воспроизводством своекорыстной власти лиц, а не закона.

Т.В. Павлова развивает методологию социологического институционализма, интегрируя ее с социокультурным подходом К.М. Кантора и А.С. Ахиезера. Объектом исследования в ее работе стали бытующие в массовом сознании ценностно-нормативные комплексы, анализ которых выявляет неоднородность российской социокультурной среды, глубоко укорененные в ней «расколы» по линиям «архаика – модерность» и «Запад – Восток», затрудняющие институциональные трансформации и универсализацию политического порядка.

В статье *С.В. Никифорова* предпринята амбициозная попытка показать перспективы дальнейшего развития институциональной методологии и обновления подходов к изучению процессов, разворачивающихся на наднациональном уровне. Автор рассматривает идентичности и практики, формирующиеся в регионах, концептуализируемых как «форпосты межкультурного взаимодействия». Сочетание институционального подхода и цивилизационного анализа расширяет понимание политического порядка, выявляя не

только правовые и социокультурные, но и пространственно-цивилизационные его компоненты.

В рубрике «Интервью» публикуется уже упомянутое выше интервью, которое *Л.Е. Филиппова* взяла у руководителя отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, сопредседателя Исследовательского комитета по институциональным исследованиям Российской ассоциации политической науки *С.В. Патрушева*, чьи научные работы и организационная деятельность в значительной мере способствовали внедрению неоинституционализма в российскую политологию. В интервью обсуждалась не только история становления институциональной политологии, но и более широкий круг вопросов изучения российской политики.

Статьи рубрики «Идеи и практика» дают примеры эмпирической проверки положений институциональной теории. *А.А. Мальченко* и *О.Г. Харитонов* используют комбинацию качественного и количественного анализа для выявления факторов создания правительственных коалиций в президентских системах. На примере государств Латинской Америки показано, что на формирование институционального порядка оказывают влияние не только конституционный дизайн, но и широкий набор характеристик политических партий и практик их взаимодействия, включая неформальные. В исследовании *А.Е. Конькова* и *А.Р. Думбадзе* на основе сочетания методологии сравнительно-правового и институционального подходов и с использованием результатов контент-анализа текстов двух редакций Стратегии пространственного развития Российской Федерации осуществлена реконцептуализация понятия «пространство», а именно различие «территории» как административно-правовой и географической категории и собственно «пространства» как категории, обозначающей институциональную среду взаимодействия политических субъектов. Завершающая рубрику статья *О.А. Мирясовой* фокусируется на взаимовлиянии институциональной среды и политической субъектности. Опираясь на данные массовых опросов, автор показывает, каким образом деполитизация пространства затрудняет формирование и выявление политических предпочтений, и подтверждает наличие связи между вовлеченностью в гражданские практики, отношением к протестам и запросом на трансформацию политического порядка.

Рубрика «Ракурсы» объединяет статьи, наглядно демонстрирующие разнообразие институциональных конфигураций и практик, складывающихся в последние десятилетия в разных регионах

Российской Федерации и в государствах на постсоветском пространстве. *С. Шкель, В. Дмитриева и А. Швая* рассматривают процесс реализации реформы системы местного самоуправления в России. Анализ кейсов двух регионов, существенно различающихся по ряду параметров, позволил авторам объяснить причины незапланированного эффекта муниципальной реформы – сохранения институционального многообразия вместо институциональной унификации. Статья *Д.А. Стремоухова, П. Черникова и А.В. Стародубцева*, посвященная государственной политике обновления городской среды, продолжает линию рассмотрения институционального порядка в региональном разрезе. Используя концепты институциональной эволюции, институционального наслаивания и асимметрии ресурсных возможностей, авторы прослеживают трансформацию программ городского развития как незавершенный процесс институционального конструирования, в котором сложным образом переплетаются интересы федеральных и локальных властей, а также бизнес-структур. Примечательно, что вне зависимости от складывающихся в регионах институциональных конфигураций граждане оказываются практически отрезаны от принятия решений по поводу развития городской среды.

Наконец, исследование *Н.А. Заринова* нацелено на выявление общих и специфических черт в организационном устройстве и функционировании парламентских комитетов в странах постсоветского пространства. Ключевой вывод статьи – существенное отличие статуса парламентских комитетов в постсоветских системах от такового в системах европейских (обусловленное в том числе историческим опытом): они не выступают в качестве самостоятельных политических субъектов, а служат площадками политической борьбы других акторов. В целом статьи рубрики служат иллюстрацией одного из центральных положений неинституциональной политической науки: эндогенные факторы имеют преобладающее значение для институционального дизайна и институциональных изменений по сравнению с экзогенными.

В рубрике «Первая степень» публикуются статьи, освещающие разные аспекты изучения институциональных изменений. *А.Р. Кащеева* в статье «Локальность как мезоуровень институционального анализа: теоретические основания» рассматривает перспективы переопределения методологического статуса локальности. Сочетание подходов политической географии и конструктивистского институционализма позволяет рассматривать локальность не как «фон» политических процессов, а как ключевой элемент

институциональных трансформаций. В статье А. Клестова «Тропа насилия: ловушка Гоббса и механизмы эскалации в столкновениях между протестующими и полицией» исследуются механизмы формирования «тропы насилия» в результате взаимной эскалации со стороны протестующих и полиции. Автор показывает, что закрепление насильственных практик возможно даже в политиях, правовой порядок которых принято считать устойчивым. В контексте номера эти статьи напоминают: институциональный порядок не статичен, а формируется как результат взаимодействий политических акторов на разных уровнях, на пересечении формальных структур и неформальных практик.

Завершает номер рубрика «С книжной полки», в которой публикуется рецензия С.А. Сергеева на монографию профессора Казанского федерального университета М.Х. Фарукшина «Этнические федерации: сравнительное исследование».

11 августа 2026 года ушел из жизни Сергей Викторович Патрушев. Работа над этим выпуском журнала «Политическая наука» стала его последним вкладом в развитие отечественной институциональной политологии. Сергея Викторовича можно без преувеличения назвать отцом-основателем этого направления в российской политической науке. Сообщество политологов-институционалистов нашей страны во многом обязано своей профессиональной идентичностью его открытости новым идеям, интеллектуальному напору, творческой увлеченности, таланту организатора.

Для цитирования: Недяк И.Л., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Институциональный порядок в России и мире: теория и практики в ракурсе институциональной политологии. Представляем номер // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 9–19. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.01>

I.L. Nedyak, S.V. Patrushev, L.Y. Filippova*

Institutional order in Russia and in the world: theory and practices from the perspective of institutional political science. Introducing the issue

For citation: Nedyak I.L., Patrushev S.V., Filippova L.Y. Institutional order in Russia and in the world: theory and practices from the perspective of institutional

* **Nedyak Irina**, Institute of Sociology of the Federal Center of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: iraned@mail.ru; **Patrushev Sergey**, Institute of Sociology of the Federal Center of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: patrushev1947@inbox.ru; **Filippova Liudmila**, Institute of Sociology of the Federal Center of the Russian Academy of Science; RFTA (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

political science. Introducing the issue. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 9–19. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.01>

References

- Bessonova O.E. The influence of ideology on the choice of Russia's institutional model: retrospective and forecast. *Voprosy ekonomiki*. 2023, N 1, P. 132–145. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-132-145> (In Russ.)
- Duka A.V. The institutionalization of Russian political-administrative elite. *Political science*. 2009, N 3, P. 110–140. (In Russ.)
- Gel'man V.Ya. *“Bad governance”: politics in contemporary Russia*. St. Petersburg: European university at St. Petersburg press, 2019, 254 p. (In Russ.)
- Golosov G.V., Grigoryev I.S. Party system nationalisation: Russian specifics. *Political science*. 2015, N 1, P. 128–156. (In Russ.)
- Hall P.A., Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms. *Political studies*. 1996, Vol. 44, P. 936–957.
- Ilchenko M.S. The institutionalization of interaction practices between the center and the regions in post-soviet Russia. *Political science*. 2009, N 3, P. 159–179. (In Russ.)
- Kakabadze Sh.Sh. The coordination of opposite interests in Russia between the center and the regions: characteristics of institutionalization. *Political science*. 2009, N 3, P. 141–158. (In Russ.)
- March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life. *American political science review*. 1984, Vol. 78, N 3, P. 734–749. DOI: <https://doi.org/10.2307/1961840>
- North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Economic books foundation “Nachala”, 1997, 180 p. (In Russ.)
- Ostrom E. *Governing the commons: the evolution of institutions for collective action*. Moscow: IRISEN, 2011, 447 p. (In Russ.)
- Panov P.V. Institutional order: conceptual frameworks for understanding and research. *Political science*. 2009, N 3, P. 20–38. (In Russ.)
- Panov P.V. Institutional stability of fragmented polities. *Political science*. 2012, N 3, P. 31–49. (In Russ.)
- Panov P.V. *Institutions, identities, practices: theoretical model of political order*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 230 p. (In Russ.)
- Panov P.V., Petrova R.I. Local legislatures as a channel of lobbying interests of the region: a new system of mayors' recruitment. *Bulletin of Perm university. Political science*. 2017, N 2, P. 109–119. (In Russ.)
- Panov P.V. Recruitment of heads of municipalities: cross-regional variability in the choice of institutional design. *Perm federal research centre journal*. 2018, N 2, P. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.7242/10.7242/1998-2097/2018.2.7> (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions within the sphere of power and domination*. Moscow: Political encyclopedia, 2024, 519 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-8243-2582-9.2024> (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science: contemporary institutionalism and Russia's political transformation*. Moscow: ICP RAS, 2006, 586 p. (In Russ.)

- Patrushev S.V. Institutional political science: quarter of a century later. *Political science (RU)*. 2009, N 3, P. 5–19. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. (ed.). *Social networks: power, communication and strategies of action*. Moscow: Aspect-Press, 2025, 352 p. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. Transversality of network communications and choice of behavior strategy: conceptual dimension. *RUDN journal of political science*. 2025, Vol. 27, N 3, P. 417–429. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429> (In Russ.)
- Smorgunov L.V., Ignatjeva O.A. Civic participation on digital platforms. *Sociological studies*. 2021, N 7, P. 101–112. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013854-2> (In Russ.)
- Solovyev A.I. Deinstitutionalization of the ruling political elite. In search of a theoretical model. *Power and elites*. 2022, Vol. 9, N 1, P. 37–55. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.2> (In Russ.)
- Solovyov A.I. Political agenda of the government, or why the state needs the society. *Polis. Political studies*. 2019, N 4, P. 8–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02> (In Russ.)
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the XXI century. *Regional research*. 2024, N 1 (83), P. 4–18. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бессонова О.Э. Влияние идеологии на выбор институциональной модели России: ретроспектива и прогноз // Вопросы экономики. – 2023. – № 1. – С. 132–145. – DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-132-145>
- Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 254 с.
- Голосов Г.В., Григорьев И.С. Национализация партийной системы: российская специфика // Политическая наука. – 2015. – № 1. – С. 128–156.
- Дука А.В. Институционализация российской политико-административной элиты // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 110–140.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. – 2024. – № 1 (83). – С. 4–18.
- Ильченко М.С. Институционализация практик взаимодействия центра и регионов в постсоветской России // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 159–179.
- Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, Е.А. Гвоздева [и др.]; под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: монография / С. Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с.
- Какабадзе Ш.Ш. Согласование интересов в федеративной системе России: особенности институционализации // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 141–158.

- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
- Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. – М.: ИРИСЭН, 2011. – 447 с.
- Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Панов П.В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 31–49.
- Панов П.В. Институциональный порядок: подходы к осмыслению и исследованию // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 20–38.
- Панов П.В. Рекрутирование глав муниципальных образований: кросс-региональная вариативность в выборе институциональных моделей // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2018. – № 2. – С. 39–47. – DOI: <https://doi.org/10.7242/10.7242/1998-2097/2018.2.7>
- Панов П.В., Петрова Р.И. Представительные органы МСУ как канал лоббирования интересов региона: новая система рекрутирования глав МСУ // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 2. – С. 109–119.
- Патрушев С.В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 5–19.
- Сморгунов Л.В. Трансверсальность сетевых коммуникаций и выбор стратегии поведения: концептуальное измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, № 3. – С. 417–429. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429>
- Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А. Факторы гражданского участия на электронных платформах // Социологические исследования. – 2021. – № 7. – С. 101–112. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013854-2>
- Соловьев А.И. Деинституализация правящей политической элиты: в поисках теоретической модели // Власть и элиты. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 37–55. – DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.2>
- Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 8–25. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
- Социальные сети: власть, коммуникация и стратегии поведения / под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2025. – 352 с.

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И.Л. НЕДЯК*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ГОСПОДСТВА: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация. В статье представлен анализ современного институционального порядка России через призму оптики концепций господства. В них эта форма власти трактуется как нормативно-нежелательные, асимметричные отношения зависимости и подчинения, при которых одна сторона обладает институционально закрепленной возможностью навязывать волю другой, действуя произвольно и своекорыстно, ущемляя базовые интересы объекта воздействия и блокируя источники его субъектности.

Автор применил методологию институциональной политологии для осмысления современных концепций господства как власти произвола. С этих позиций рассмотрены два парадигмальных подхода к концептуализации господства: принципов *vivre libre* (свободная жизнь) (нео)римской республиканской доктрины и *vita activa* (деятельная жизнь) афинской традиции изучения демократии участия. В первом внимание сосредоточено на политико-правовых аспектах ограничения господства через механизмы институциональных сдержек и противовесов, во втором – на коммуникативно-процессуальных аспектах формирования субъектности и коллективного действия членов политики.

В эмпирической части статьи концепции используются как нормативный ориентир и аналитический инструмент для оценки институционального порядка современной России.

Проведено сопоставление коллективных воображаемых институциональных порядков двух групп респондентов, которые выделены по признаку уверенности в правовой защите от превышения полномочий лиц, представляющих властные структуры.

* Недяк Ирина Леонидовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: iraned@mail.ru

Статистическая значимость выявленных различий между оценками институциональной среды, нормативно-ценностными комплексами и социальными установками выделенных групп подтвердила гипотезу о том, что институциональный порядок современной России воспринимается большинством как система, продуцирующая отношения господства. На уровне массовых установок он работает именно в этой логике, но ее масштабы и интенсивность ограничивают перспективы политики современного типа и инновационного развития общества. Обозначены признаки власти в форме господства: делегитимация общественного договора, фрагментация политического порядка, социальная дезинтеграция, социальная энтропия.

Сделан вывод о недостаточности «точечных» изменений и о необходимости системной трансформации институционального дизайна, одной из важных задач которой является утверждение уверенности большинства в гарантированном обладании политико-правовым статусом гражданина, который защищен законом.

Ключевые слова: институциональный порядок; деинституционализация; политика современного типа; господство; эмансипаторная власть; свобода не-господства; гражданская и политическая субъектность; коллективное воображаемое.

Для цитирования: Недяк И.А. Институциональный порядок господства: опыт концептуализации и эмпирического измерения // Политическая наука. — 2026. — № 3. — С. 20–43. — DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.02>

Постановка проблемы

В истории политической философской мысли тема господства всегда занимала важное место наряду с сопряженными понятиями власти, воли, свободы, зависимости, подчинения. С течением веков значение этих понятий продолжает трансформироваться, в том числе с учетом исторического контекста. В качестве фундаментальной структуры социального бытия господство осмысливалось и как естественный порядок [Платон, 2015], и как результат общественного договора для предотвращения войны всех против всех [Hobbes, 2024], и как этап внутренне противоречивого процесса развития человеческого самосознания и борьбы за признание [Hegel, 2018], и как высшая форма самореализации [Nietzsche, 1967], и как укорененное в отношениях, связанных с собственностью, доминирование правящего класса [Marx, 1990].

В последней четверти прошлого века обострился интерес к исследованию господства, которое является продуктом деформации демократических институтов и размывает их первоначальные смыслы. Исследователи обнаруживали процессы пролиферации отношений господства в обществах с разными режимами демократического правления и сталкивались с явным недостатком иссле-

довательского инструментария для изучения движущих сил этой формы власти и определения способов ее ограничения.

Попытки заполнить эту лакуну при помощи разработки концепций господства сформировали богатый и разноплановый массив исследований. Мы назвали его дискурс господства как социальной патологии (далее ГСП-дискурс), прибегнув к формулировке Акселя Хоннета. Один из ведущих представителей Франкфуртской школы критической социологии под социальной патологией понимает такое развитие общества, при котором институциональные структуры блокируют формирование субъектности и идентичности, препятствуя успешной самореализации и свободе индивида. Социальная патология – это не просто системный сбой, а деформация самой социальной ткани [Honneth, 2015].

Опираясь на разные политико-философские традиции и эпистемологические основания, авторы концептуализируют господство отсылкой к разным понятиям: асимметрии власти, зависимости, базовых интересов, гражданской и политической субъектности, политического участия, гражданского контроля, коллективного действия. Из этого следует, что одного согласованного определения господства в ГСП-дискурсе нет. Впрочем, оно невозможно в принципе, ибо «определимо только то, что не имеет истории» [Nietzsche, 1967, p. 80].

Анализ наиболее авторитетных исследований ГСП-дискурса позволил выделить следующие основные недискуссионные и непротиворечивые характеристики власти в форме господства: несправедливые, нелегитимные, асимметричные, субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевой суммой, которые ущемляют базовые интересы и ограничивают набор возможностей объекта воздействия, отводят последнему роль инструмента для достижения своекорыстных целей субъекта господства.

Исследовательский интерес в ГСП-дискурсе сосредоточен не столько на факторах и проявлениях явных «поломок» демократических институтов, сколько на выявлении их деформации – скрытой за фасадами формальных институтов эрозии демократических смыслов, ценностей, норм и процедур.

Объединяющую ГСП-дискурс ключевую идею выражает максима известного политического философа Иэна Шапино: «не-господство предоставляет лучшую нормативную основу для размышлений о политике по сравнению с альтернативными идеалами» и его тезис о том, что «идеал не-господства может быть отличной

основой для политического анализа и аргументации» [Шапиро, 2019, с. 10; 2012, с. 16].

Хотя дискуссии о критериях господства, принципах и механизмах реализации порядка *не-господства* далеки от завершения, ценность разрабатываемой оптики состоит в том, что она «привязывает философскую рефлексию к реальной политике» [Шапиро, 2019, с. 9] и определяет ценность теоретических построений возможностью их операционализировать.

Объединяет разноплановые работы ГСП-дискурса точка зрения, что высшей политической ценностью является защита человека от власти в форме господства. С этих позиций исследователи измеряют характер институционального порядка в градации «господство» – «эмансипативная власть». Не подвергается сомнению, что демократические институты и процедуры лучше всего подходят для ограничения господства (хотя они и порождают его). Иными словами, демократии отведена инструментальная роль. Через эту призму рассматриваются процессы (де)институционализации демократии как вспомогательного блага. В римской версии республиканской концепции господства внимание сфокусировано на принципах и механизмах состязательной демократии (о которой будет сказано ниже), в концепциях господства афинского направления – на демократии участия, в традиции Франкфуртской школы особое внимание уделяется делиберативной демократии.

Концептуализация господства и настройка оптики для исследования российского случая проводились в ходе многолетней работы научного коллектива отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (далее – ОСПИ) [Господство против политики..., 2019; Структуры господства..., 2020; Институциональная политология 2.0..., 2024; Недак, 2021].

Обозначим разработанные коллективом ОСПИ понятия, которые дают представление о логике всего исследовательского проекта и являются важным инструментом нормативного анализа в предлагаемой статье.

«Политика современного типа – институционализированная конкуренция социальных акторов по поводу проектов и решений, ориентированных на общее благо [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 9].

Поле политики – институционализированная сфера отношений политических акторов, поддерживаемая совокупностью постоянно воспроизводящихся правил, в соответствии с которыми осуществляются взаимодействия по поводу значимых проблем в

рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегических решений для общества.

Зона господства – пространство, в котором не действует принцип безусловного и неселективного применения права и генерализации норм. Универсальные нормы подменяются ситуативными договоренностями, принятие политических решений – администрированием, акторы дифференцируются не в соответствии с политической идентичностью, а по принципам личных связей. Институционально не обеспечена конкуренция социальных акторов по поводу проектов и решений, ориентированных на общее благо. [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 42–68; Политическое поле..., 2020].

**Господство как власть произвола:
эрозия институционального порядка в проекции
*vivre libre u vita activa***

Концепцию господства как власти произвола (*domination as arbitrary power*) можно без преувеличения назвать центральной и наиболее цитируемой в ГСП-дискурсе. Для сторонников альтернативных концепций она выступает в роли «значимого Другого», оставаясь на протяжении долгого времени главным интеллектуальным стимулом для осмысления политики в терминах господства.

Концептуализация господства как власти произвола разработана на платформе политической философии и теории (нео-)римской ветви республиканской доктрины. Ее яркие представители (Квентин Скиннер, Филип Петтит, Фрэнк Ловетт, Маурицио Вироли и др.) создали многогранную оптику для изучения господства. К. Скиннер сосредоточился на историко-философских аспектах связи власти и свободы [Skinner, 2025; 2002; 1998], Ф. Петтит всесторонне проанализировал институциональную природу свободы как негосподства [Петтит, 1997; Pettit, 2012; 2008], Ф. Ловетт расширил исследования проблематикой зависимости и экономической справедливости [Lovett, 2010; 2022; 2012], М. Вироли уделил особое внимание таким «провалам» институциональной среды как кодекс сервитута и свобода слуг, которые формируют устойчивые неформальные практики [Viroli, 2011; 2002].

В задачи статьи не входит изложение и анализ всех положений концепции. Мы выполним декомпозицию концепции и рас-

смотрим теоретические обоснования ее ключевого понятия – власть произвола. Начнем с его описательного определения.

А и Б находятся в социальных отношениях господства в той мере, в какой А обладает институционально закрепленной возможностью:

- ограничивать или изменять в своих интересах набор возможностей (opportunity set) Б – то есть диапазон действий, которые участник отношений считает доступными;

- навязывать нормы и правила взаимодействия, а также устанавливать статус участников без согласия Б или наличия у него эффективных инструментов оспаривания;

- принуждать Б действовать вопреки его собственным предпочтениям и интересам;

- скрывать своекорыстный характер своего воздействия, ограничивая способность Б к его обнаружению и сопротивлению;

- формировать условия, при которых цена выхода из отношений зависимости становится для Б неприемлемой [Lovett, 2010; 2012; Петтит, 1997; Pettit, 2008; Skinner, 2002; 2025].

Господство как власть произвола – это субстанциональная концепция (structure-based conception) [Lovett, 2010]. Она разработана для изучения структурных социальных отношений, которые формируют власть в форме господства. Последнее трактуют и изучают как форму власти, институционально закрепленную в социальной структуре.

Авторы рассматриваемой концепции солидарны в том, что господство обусловлено структурно и включает не только реализованную или наблюдаемую власть произвола, но и саму институционально поддерживаемую возможность ее применения.

Хрестоматийный довод представителей римской ветви республиканизма – отношения господина и раба. Раб остается рабом, даже если его господин добр, ленив или занят. Сама система зависимости исключает свободу.

Представление о контраргументах сторонников агентивного подхода к пониманию господства дают работы Иэна Шапиро, который объясняет, почему он «вста<л> под знамена ресурсизма» и концептуализирует господство главным образом отсылкой к понятию базовых интересов [Шапиро, 2019, с. 56; 2012]. Автор признает, что господство бывает встроено в структурные отношения, но считает ошибочным смешивать потенциал с действительностью и считает правомерным определять господство как реальное, происходящее действие, без учета гипотетической возможности приме-

нения власти произвола. В пользу справедливости тезиса, что «само обладание... возможностью применения произвола не создает господство», автор приводит пример, который в нынешней геополитической ситуации читается с едкой иронией. «Сегодня США имеют возможность произвольно вмешаться в дела Кубы, Мексики, Канады и Фиджи, – пишет Шапиро, – но с точки зрения господства страна находится с ними в очень разных отношениях» [Шапиро, 2012, с. 27].

*Власть произвола:
деинституционализация формальных рамок
и закона как общего блага*

Самое лаконичное определение власти произвола – власть лиц, а не закона. Соответственно, *не-господство* подразумевает ситуацию, в которой сила права удерживает в узде «закон силы», гарантируя всем членам общества политический и правовой статус полноправного гражданина.

Произвол воцаряется там, где власть вырывается из «клетки закона», не подпадает под его санкции и возвышается над ним. «Клетка закона» понимается как совокупность жестких формальных ограничений, которые не допускают произвола. Ее прочность обеспечивают принципы верховенства права и его неселективного и безусловного соблюдения [Pettit, 2012; Lovett, 2022]. Иными словами, власть в форме господства наделена в концепции институциональной природой.

Состояние и порядок *не-господства* раскрывают отсылкой к одному из ключевых понятий римской республиканской доктрины – свободе как *не-господству* (*freedom as non-domination*).

Свобода в республиканском Риме была определена через сопоставление положения раба (*servus*) и свободного человека (*status libertatis*). Только последний имел привилегию и право быть под защитой закона и требовать от государства ее обеспечения. Не свободен тот, кто находится под властью другого человека (*dominium*), а не закона. В этом контексте состояния свободного человека *liber* и гражданина *civis* равнозначны. В современной концепции политико-правовой статус защищенного законом гражданина можно противопоставить положению подданного, который зависит от чужой воли.

Прочность «клетки закона» – лишь одно условие ограничения господства. Второе, столь же важное условие, связано с качеством самого закона, с трансформацией институтов из экстрактивных в инклюзивные [Acemoglu, Robinson, 2012]. Верховенство права сдерживает господство в той мере, в какой законодатель вынужден учитывать общегражданские интересы. Закон выполняет функцию общего блага тогда, когда в структуру принятия решений встроены «фильтры» общественных интересов [Pettit, 2002, p. 343].

Если сами законы перестают «уважать общие интересы и идеи людей» [Петтит, 1997, с. 83], то они перестают быть точкой опоры в повседневных практиках. В этом случае правовая среда начинает формировать систему ценностей и установок, характерных для зоны господства.

Важным условием ограничения произвола в республиканской концепции является гражданская добродетель «не быть ни рабом, ни господином». Она подразумевает строгое следование закону и уважение законных прав сограждан в силу внутреннего убеждения, а не только из страха перед санкциями.

Власть произвола: деинституционализация конфликта

Николо Макиавелли – один из первых мыслителей, который отстаивал важность политической конкуренции («распрей» в терминах флорентийца) для создания сильной республики и свободы ее граждан. Он утверждал, что законы, защищающие общую свободу, рождаются именно в столкновении интересов – в противоречии между стремлением народа не быть угнетенным и желанием знати господствовать [Макиавелли, 2024; Machiavelli, 2003]. «Здоровая и свободная от господства демократия, – скажут республиканцы сегодня, – это не отсутствие споров по поводу общего блага, а наличие эффективных процедур для их ведения».

В концепции господства эти идеи воплотились в принципе оспариваемости (*contestability*). Для ограничения произвола институты должны обеспечивать гражданам реальную возможность подвергнуть ревизии законы или действия власти, ведущие к неправомерной зависимости. По сути, речь идет о насыщении буквы закона духом политики.

Ф. Петтит заслуженно признан главным разработчиком республиканской модели состязательной демократии (*contestatory democracy*), которая включает принцип редакторского контроля

(*editorial control*) граждан. В ней легитимность власти измеряется не (с)только согласием большинства, сколько возможностью граждан в публичном пространстве оспорить и «отредактировать» решения, имеющие общественное значение. Ф. Петтит убежден, что идеал демократии участия неосуществим в современном обществе [Петтит, 1997, с. 315–350, 407–454]. Люди обычно затрудняются сформулировать свои предложения о должном политическом порядке, но зато они точно знают, чего не хотят.

В этом контексте разделение властей и наличие множества вето-игроков (*veto players*) [Tsebelis, 2002] важны как точки входа для граждан: расчет на то, что распределение полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями позволяет одной из них выступить на стороне гражданина против произвола другой. При этом суды рассматриваются в первую очередь как публичные форумы для представления интересов сторон и фиксации их обязательств.

К. Скиннер называет свободу «скоропортящимся продуктом» (*perishable commodity*), который постоянно подвергается эрозии из-за стремления правителей к господству [Skinner, 2002, р. 26–43]. Свобода не-господства имеет политическую природу. Она отличается от негативной свободы в трактовке И. Берлина тем, что для ее сохранения важны не только хорошие законы, но и гражданская доблесть (*virtù*) для их защиты. Без неусыпной бдительности граждан республика быстро деградирует.

Главным врагом свободы выступает апатия, которую Скиннер отождествляет с политической коррупцией, называя последней не только взяточничество, но уход граждан в частную жизнь, их пренебрежение гражданской доблестью бдительности. М. Вироли связывает принцип оспариваемости с идеей республиканского патриотизма, которая состоит в отстаивании общих свобод, а не в слепой верности флагу. Если власть нарушает принципы общего блага, патриот обязан сопротивляться [Viroli, 2011].

В условиях деинституционализации конфликта, когда легитимные каналы оспаривания заблокированы, «тишина» в сфере публичной политики свидетельствует не о стабильности, а о вхождении общества в зону господства.

*Господство как «спокойствие» подданных:
дисфункции институционального порядка в проекции *vita activa**

Авторы концепции господства как власти произвола акцентируют внимание на институционально-правовых аспектах этой социальной патологии и исследуют ее в философской и политической традиции римской ветви республиканизма. Согласно идеалам и принципам *vivre libre*, во главе угла стоят механизмы сдержек, противовесов и подотчетности. Гражданская бдительность (*vigilance*) играет роль стержня всего комплекса гражданских доблестей в неоримской республиканской доктрине.

Не менее важные исследования в ГСП-дискурсе представлены работами, в которых фокус смещен в сторону коммуникативно-процессуальных аспектов господства. Упрощенно их нередко называют афинским направлением исследований, имея ввиду общий нормативный ориентир – деятельную жизнь (*vita activa*) в демократии участия и делиберации [Arendt, 1998]. Исследователи сосредоточены на факторах, которые раскрепощают сознание и волю члена общества, побуждая его к осознанным и ответственным действиям в публичной сфере. Приоритетное внимание уделено выявлению институциональных оснований (рас)формирования источников субъектности, «самости» [Taylor, 1989]. Институты исследуются в первую очередь как «сцена», на которой человек осваивает роль гражданина и совершенствуется в ее исполнении рядом с согражданами в совместном действии (*action in concert*), если описывать в терминах Х. Арндт.

С разных методологических позиций выявляются факторы отчуждения и асимметрии власти, которые беспокойство граждан по поводу обустройства *rēs pūblica* (общего дела) трансформируют в выученную беспомощность, безволие и покорность. Это состояние Монтескьё метко и едко назвал «тупым спокойствием подданных» [Montesquieu, 1989].

Господство, ведущее к «спокойствию подданных», исследуют посредством аналитического различения власти на формы «власть над» и «власть для» [Arendt, 1998; Lukes, 2005; Haugaard, 2020; Foucault, 1979], с методологических позиций Франкфуртской школы критической социологии [Adorno, Frenkel-Brunswik, Levinson, 1950; Marcuse, 2002; Habermas, 1996; Honneth, 2015], теорий эмансипации и расширения возможностей (*empowerment*) [Welzel, Inglehart, 2006; Welzel, 2013; Stewart, 2001; Klein, 2020], теорий феминизма [Allen, 2025; Young, 2011; Delphy, 2015].

Исследования объединяет интерес к технологиям «мягкой силы» господства. Они стремятся ответить на следующие вопросы: как изымается субъектность через формирование «ложного сознания» и «ложных потребностей»? Как подавление эмансипативных потребностей формирует одномерное сознание и «авторитарную личность»? Как депривация признания ведет к внутренней покорности? Как символическая власть и доминирующие дискурсы навязывают выгодное субъекту господства видение социального мира и «согласованные» с ним подданнические нормативно-ценностные комплексы и социальные установки?

В конечном итоге как институты, теряющие свое качество пространства коллективного действия («сцены»), поддерживают «спокойствие» подданных и закрепляют порядок господства в качестве нормального и даже желаемого. Формируемое таким образом коллективное воображаемое не только отражает реальность, но и конституирует ее. Перформативные функции коллективного воображаемого [Anderson, 2006; Castoriadis, 1987] выступают в этом случае механизмом утверждения порядка и кодекса господства.

Оптика *vivre libre* и *vita activa* при различии в акцентах исходит взаимодополняющие факторы (рас-)формирования институционального порядка господства, становления активного социального субъекта или его деградации.

Институциональный порядок современной России в проекции концепции господства как власти произвола: анализ эмпирических данных

Рассмотрим, как респонденты оценивают институциональную среду современной России и конституируют с этих позиций институциональный порядок. Анализ сделан на основании данных массовых опросов, проведенных научным коллективом отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, членом которого является автор¹.

¹ Массовый опрос населения РФ проводился при поддержке Центра социального прогнозирования и маркетинга (руководитель Ф.Э. Шереги) по репрезентативной выборке (2018 г. – N 700, 2019 г. – N 700, 2020 г. – N 1000, 2021 г. – N 1000, 2022 г. – N 1000), пропорциональной относительно численности населения в федеральных округах Российской Федерации, в целом по РФ и относительно численности населения в поселениях разного типа: 1) мегаполисы (Москва и

Отметим, что исследовательская стратегия состоит не в прямом соотнесении высказываний респондентов с «реальностью», а в анализе того, как коллективное воображаемое институционального порядка конституирует саму социальную действительность.

Согласно ответам, в рамках существующей институциональной среды большинство граждан лишено того, что Монтескьё называл *tranquillité d'esprit* – спокойствие духа, рожденного уверенностью в собственной правовой безопасности [Montesquieu, 1989].

Абсолютное большинство респондентов не чувствует себя обладателями политико-правового статуса защищенного законом гражданина. Лишь менее пятой части опрошенных верят, что могут положиться на силу закона и оградить себя от произвола властных структур. Это устоявшееся представление об институциональной среде современной России. 17% опрошенных граждан в 2022, 2021 и 2018 гг. считают, что могут рассчитывать на защиту со стороны закона при взаимодействии или конфликте с властью. В 2020 и 2019 гг. небольшие отклонения зафиксированы в пределах статистической погрешности – 18 и 14% соответственно. Меньше пятой части опрошенных (24%) оценили как «отличную» и «хорошую» защищенность своего базового гражданского права на равную защиту со стороны закона.

Неуверенность абсолютного большинства граждан России в собственной защищенности законом при конфликте с властью выступает мощным фактором институциональной ловушки – устойчивого воспроизводства системой неэффективных норм или

Санкт-Петербург), 2) административные центры субъектов РФ, 3) районные города, 4) поселки городского типа (пгт), 5) села. Последняя ступень выборки, основанная на методе квотного отбора интервьюерами респондентов для опроса, включает параметры квот по 12 социально-профессиональным группам населения, рассчитанные в соответствии с аналогичными показателями Росстата. Исследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics. Репрезентативность социологической информации обеспечена реализацией модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени; квоты на всех этапах районирования и отбора респондентов для опроса) сформированы с учетом данных Росстата по состоянию на 01.01.2022. Проверка средней погрешности отбора респондентов по квотам проводилась в форме сравнения параметров в генеральной и выборочной по признакам распределения доли респондентов по 1) федеральным округам; 2) типам поселений; 3) социально-профессиональному признаку. Среднестатистическое отклонение не превысило $\pm 1,5\%$ при теоретически допустимой средней погрешности $\pm 5\%$

институтов. Когда институциональная среда (правила игры) воспринимается как неправовая, она производит неправовые отношения в институциональном порядке («игре» по этим правилам), а утверждение такого порядка в свою очередь углубляет «колею» развития институциональной среды, создавая все более мощные барьеры для изменения «застывшей» системы.

Это ключевой вывод данного исследования. Он подтвержден в статье сопоставлением разных коллективных воображаемых [Taylor, 1989] институционального порядка двух выделенных групп респондентов, которые в логике концепции господства как власти произвола названы «Граждане-*civis*» и «Подданные-*servus*» для отражения полярных позиций в континууме восприятия собственного правового статуса, конституируемого институциональной средой, а не как объективная классификация. Такое обозначение прямо вытекает из республиканской традиции, где *status libertatis* определяется наличием защиты от произвола и операционализирует ключевой концепт.

Первую группу составили респонденты, утвердительно ответившие на вопрос об уверенности в защите со стороны закона при взаимодействии или конфликте с властью (17%). Во вторую включены те, кто заявил об отсутствии такой уверенности, либо затруднился с ответом (83%).

Уже эти цифры сами по себе – суровый диагноз состояния институционального порядка. Показательно, что социально-демографический и поселенческий профили двух групп оказались схожими.

Далее каждый из рассмотренных выше критериев господства как власти произвола сопровождается ответами групп «Граждане» и «Подданные». Подтверждено наличие статистически значимой связи (χ^2 -квадрат) между категориальными переменными кросс-таблиц. Таким образом сформированы картины двух коллективно воображаемых институциональных порядков, что позволяет не только исследовать истоки и проявления власти произвола, но и определить перспективные стратегии ее ограничения. Особо отметим, что выбор названий двух групп обусловлен принципами римской республиканской доктрины. Обозначения не имеют никаких дополнительных коннотаций и не связаны с известной теорией Г. Алмонда о типах культуры.

В концепции подчеркивается важность институциональной защищенности не только от произвола структур государства, но и со стороны сограждан. *Не-господство* – это не только политическо-

правовой статус, но и социально-психологическое состояние равного среди равных, которые позволяют пройти тест на открытый взгляд (*eye-ball test*) Ф. Петтита. Тест определяет внутреннее состояние человека и социальный факт несервильного *modus operandi* (образ действия) общества, в котором рациональные стратегии поведения исключают вынужденное подобострашие [Петтит, 1997].

Российская институциональная почва неблагоприятна для прохождения теста. Лишь менее половины опрошенных гарантированно рассчитывает на защиту со стороны закона при взаимодействии или конфликте с другими людьми (44, 38 и 40% в 2021, 2020 и 2019 г. соответственно) и при конфликте с начальством (39 и 29% в 2022 и 2021 гг. соответственно).

Когда значительная часть общества существует в ситуации правовой неопределенности, возникает специфическая асимметрия статуса. Это означает состояние (в том числе и внутреннего) подчинения, которое становится предметом общего знания, формируя «кодекс» сервитута и «придворной системы»: покорность, неуважение к законам, лесть, ложь, слепую преданность власть имущим [Viroli, 2011].

Как видно в табл. 1, с разницей в 41 процентный пункт респонденты групп «Граждане» считают себя защищенными от произвола других людей, и это говорит в пользу того, что они более устойчивы к сервильности при принуждении со стороны системы.

Такая уверенность резко повышает уровень доверия, которое выполняет функцию «замкового камня» конструкции общественного порядка, обеспечивая ее прочность. В группе «Граждане» уровень межличностного доверия почти вдвое выше – 53% против 28% в группе «Подданные».

Таблица 1

Уверенность в защите со стороны закона в случае конфликта с другими людьми. Восприятие респондентов по массиву и в группах, выделенных по принципу уверенности в защите со стороны закона при конфликте с другими людьми, %, 2022

При конфликте с другими людьми:	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
считают себя защищенными законом	44	92	51
читают себя незащищенными законом	35	5	32
Затруднились ответить	21	3	17

Источник: Анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Обследование выявило признаки деинституционализации закона, который, оставаясь универсальным по форме, становится партикулярным по сути. Согласно данным в табл. 2, большинство респондентов считает, что российские законы не служат общему делу и не являются «щитом» для законопослушных граждан.

Лишь каждый пятый опрошенный (21%) согласен с тем, что законы служат интересам граждан. Более половины (56%) убеждены, что правовая система работает в интересах власти, которую почти половина респондентов (49%) считает своекорыстной.

Таблица 2

Ориентированность российских законов и власти на интересы граждан. Восприятие респондентов по массиву и в группах, выделенных по критерию уверенности в защите закона при конфликте с властью, 2022г., %

Согласны с утверждением:	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
законы в России служат интересам власти	56	28	61
законы в России служат интересам граждан	21	49	15
власть в России действует в своих собственных интересах и интересах меньшинства населения	49	33	66
власть в России действует в интересах большинства населения	22	52	16

Источник: Анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Разрыв в восприятии между двумя группами велик. Представления о служении общему делу власти и закона формируют разные образы институциональных порядков. В группе «Граждане» его позитивно оценивают в 3 раза выше, чем в группе «Подданные». Первые считают, что законы в России служат интересам граждан (49% против 15%) и что власть в России действует в интересах большинства населения (52% против 16%). В то же время в два раза меньше респондентов в группе «Граждане» считает, что власть в России преследует свои интересы или интересы меньшинства (33% против 66%), и законы служат интересам власти (28% против 61%)

Снижает уровень правовой культуры массовое скептическое отношение к российским законам как инструменту регулирования общественных отношений и обеспечения правопорядка. Из табл. 3 следует, что с разницей в 29 п.п. респонденты групп «Граждане» и «Подданные» считают закон обязательным ограничителем поведе-

ния (74% и 45% соответственно). Когда решение об исполнении нормы половина опрошенных принимает «по случаю» (исходя из личной выгоды или лояльности), принцип верховенства права разрушается. На его месте воцаряется «безнормие» [Durkheim, 2013], и деформализация правил становится нормой.

Таблица 3

Отношение к принципу неукоснительного соблюдения законов по массиву и в группах респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите со стороны закона при конфликте с властью, %, 2022

Согласны с утверждением:	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
в России законы можно и нужно выполнять	50	74	45
какие-то законы нужно выполнять, какие-то нет	29	19	31
в России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять	12	3	14
затруднились ответить	8	3	9

Источник: анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Уверенность в защите закона почти в полтора раза повышает готовность его соблюдать, создавая тем самым барьер «безнормию». Для «Граждан» (74% сторонников соблюдения норм) закон – это работающий механизм общественного договора, и добровольное соблюдение норм является рациональной стратегией.

Закон в мировосприятии «Подданных» перестает быть общим правилом. В этой группе на 29 п.п. (45%) меньше сторонников безусловного соблюдения закона. Уход в «серую зону» неформальных договоренностей становится рациональной адаптивной стратегией.

Оценки респондентами эффективности сдерживающих институтов и механизмов контроля власти указывают на крайне неблагоприятное положение дел в этой сфере (табл. 4).

Право контролировать власть считает защищенным лишь один человек из десяти. Более половины опрошенных (54%) уверены в его полной или частичной незащищенности.

Абсолютное большинство не воспринимает институты-посредники (суды, партии, общественные организации) в качестве «точек входа». Доверие к ним колеблется в пределах 11–20%. На этом фоне можно предположить, что более высокий уровень доверия к правительству (36%) имеет признаки отношений господ-

ства: надежду на «добрую волю правителя» (патернализм) вместо опоры на правовую процедуру.

Таблица 4

Оценка институциональной обеспеченности механизмов контроля власти: общий массив и группы респондентов по критерию защищенности законом при конфликте с властью, 2022 г., %

	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
Считают полностью и хорошо защищенными право контролировать власть	10	27	8
Считают совсем незащищенными и плохо защищенными право контролировать власть	54	23	64
Полностью (на «отлично») и в целом (на «хорошо») доверяют:			
Государственной думе	18	36	17
Общественным организациям	20	34	30
Политическим партиям	11	22	10
Правительству РФ	36	61	34
Суду	13	28	12

Источник: анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Сравнение ответов показывает, что «Граждане» сохраняют большую веру в институты как таковые. Но даже в этой группе менее трети уверены в защищенности права контролировать власть (27%). Доверие к ключевому институту оспариваемости, суду, составляет 28%. Респонденты в группе «Подданные» практически не видят работающих каналов влияния. Здесь в два раза больше убежденных в полном отсутствии возможности влиять на принимаемые решения (61% против 30%)¹.

Восприятие институционального порядка у респондентов групп «Граждане» и «Подданные» контрастно. Данные опросов в табл. 5 показывают, как его дефекты усваиваются через социальный опыт, трансформируют гражданские качества в подданные и создают препятствия для развития политики современного типа.

¹ Задан вопрос: «Как Вы считаете, в современной России у Вас и таких людей, как Вы, есть возможность влиять на принимаемые властями решения?».

Таблица 5

**Маркеры гражданской субъектности по массиву
и в группах, выделенных по принципу уверенности
в защите законом при конфликте с властью, 2022, %**

	Данные массива	Группа «Граждане»	Группа «Подданные»
Внутриличностный уровень			
Считают, что устройство общества в России позволяет им реализоваться как личности в высокой и достаточной степени	26	42	23
Безусловно чувствуют себя полноправным гражданином нашего общества	26	43	22
Считают, что правительство вряд ли интересуется, что думают о нем такие люди, как они	63	48	66
Интерактивный уровень			
Согласны с утверждением:			
граждане способны организовать сами для решения важных для них задач	30	36	28
чтобы граждане могли больше влиять на решения, которые принимает власть, необходима готовность граждан взять на себя ответственность	31	43	28
каждый должен участвовать в выборах, это обязанность гражданина	32	43	29
считают интересным и полезным разговор о политике с теми, кто придерживается иных политических взглядов	31	39	29
Институциональный уровень			
Согласны с утверждением:			
в России есть партии, которые действуют в интересах таких же людей, как они	47	56	45
политика имеет «правила игры»	22	31	20
политика в России основана на принципе:			
соблюдения прав человека	17	25	15
силы	43	34	44
справедливости	6	11	5

Источник: анкетный опрос отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

С отрывом почти в 29 п.п. респонденты группы «Граждане» оценивают институциональные условия как благоприятные для личностной и гражданской самореализации (42 и 43% против 23 и 22% в группе «Подданные» соответственно). О проблемах с субъективностью говорят низкие данные массива (по 26%).

Сковывает стремление к коллективным действиям убежденность в нечувствительности власти к мнению граждан (66% про-

тив 48% в группах «Граждане» и «Подданные» соответственно; по массиву – 63%).

Респонденты первой группы несколько выше оценивают способность граждан к самореализации (36% против 28% в группе «Подданные»). Однако более важным представляется убедительная демонстрация «Гражданами» внутреннего локуса контроля. Они чаще признают, что степень влияния на власть связана с готовностью граждан взять на себя ответственность (43 и 28% в группе «Подданные» соответственно).

В логике *vita activa* объяснима связь между нормативным отношением к институтам участия (43 и 29% в группах «Граждане» и «Подданные») и большей открытостью респондентов к дискуссии с оппонентами (39% против 29% соответственно).

Красноречивы данные о принципах политики в России. Ее силовая модель занимает заметное место в восприятии респондентов. Политику определяют в качестве пространства силы 34% в группе «Граждане» (43% по массиву) и на 10 п.п. больше в группе «Подданные» (44%).

Согласны с тем, что политика в России основана на принципах соблюдения прав человека менее пятой части опрошенных в общей выборке и в группе «Подданные». Социальный опыт, подтверждающий, что в основе политики лежит сила, а не правила игры, побуждает человека встроиться в иерархию господства. Меньше одного человека из десяти считают, что политика в России основана на принципе справедливости (5% по массиву и 6% в группе «Подданные»). 11% в группе «Граждане» радикально не меняют ситуацию, принуждая констатировать, что институциональный порядок современной России не способствует развитию субъектности граждан и стимулированию гражданской и политической активности.

Заключение

Обращение к концепту господства является методологически обоснованным выбором. Как показало исследование, различные теоретические версии концепций господства доказали свою продуктивность (т.е. способность порождать содержательное знание) и эффективность (практическую применимость) при изучении институционального порядка и политических процессов. Более того, разные оптики этих концепций – с акцентом на принципах *vivre*

libre или *vita activa* – не противоречат, а напротив, дополняют и верифицируют друг друга.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что институциональный порядок в современной России функционирует как система производства «социальных патологий» господства в масштабах и степени, которые серьезно ограничивают развитие любых видов субъектности граждан и перспективы политики современного типа. Деинституционализация формальных рамок и утрата законом функции гаранта общего блага открывают широкое пространство для власти произвола, вытесняют большую часть общественных отношений в зону правовой неопределенности и выученной беспомощности.

Выявленная в ходе эмпирических замеров разница в восприятии институционального порядка граждан, уверенных и неуверенных в защите со стороны закона, подтверждает ключевой тезис исследования: ощущение правовой незащищенности конституирует порядок господства и конгруэнтные ему когнитивные схемы, социальные установки и паттерны поведения.

Посредством оптики концепций господства определены наиболее деструктивные факторы и проявления этой формы власти:

- *кризис легитимности*. Официальные нормы и государственные институты воспринимаются большинством опрошенных как внешние, неподконтрольные структуры, действующие в интересах узкого круга своекорыстных лиц, что ставит под вопрос наличие работающего общественного договора;

- *фрагментация политического порядка и социетальная дезинтеграция*. Единое правовое пространство распадается на мозаику неформальных норм и соглашений. Избирательность в применении законов и имитационный характер каналов обратной связи утверждают управление через внеправовые практики. Институты неудовлетворительно справляются с основными функциями: от социальной интеграции и правового просвещения до эффективного нормативного регулирования;

- *социальная энтропия*. Потенциал общественной и гражданской активности расходуется на вынужденную адаптацию к пролиферации социальных отношений господства, продуцируя правовой нигилизм, социальный эскапизм, низкий уровень межличностного и структурного доверия;

- *деинституционализация конфликта* и делегитимация каналов влияния (судов, партий, гражданского контроля) лишают политическую систему механизмов самокоррекции.

Выявленные деструктивные факторы образуют взаимосвязанную систему, поддерживающую воспроизводство отношений господства. «Точечные» корректировки институциональной дисфункции обречены на кооптацию с последующим воспроизводством логики господства. Одна из ключевых точек пересечения стратегий минимизации отношений господства – проведение комплекса мер, результатом которого правовой характер отношений станет доминантой институционального порядка в представлении большинства граждан Российской Федерации.

I.L. Nedyak*

**The institutional order of domination:
an effort in conceptualization and empirical measurement**

Abstract. The article examines the political and power-related dimensions of Russia's contemporary institutional order in terms of modern theories of domination. In these theories, domination is understood as a normatively undesirable form of asymmetric power relations based on dependence and subordination. One side holds institutionally entrenched authority to impose its will on the other, acting arbitrarily and self-servingly. This undermines the basic interests of the affected party and erodes the sources of their agency.

The author applies the methodology of institutional political science to interpret modern concepts of domination as the exercise of arbitrary power. From this perspective, two paradigmatic approaches to conceptualizing domination are analyzed: the (neo)Roman and the Athenian republican traditions. The first focuses on the political and legal manifestations and limitations of domination, along with the principles of *vivre libre* (living free). The second emphasizes the communicative and procedural aspects of *vita active* (active life), with particular attention to the formation of agency and collective action (*praxis*).

The empirical part draws on data from nationwide sociological surveys in Russia, allowing the theoretical constructs to be tested. The study compares the collective imagined institutional orders held by two distinct groups of respondents, labelled in the research logic as “Citizens” (those confident in legal protection against arbitrary state power) and “Subjects” (those lacking such confidence).

By assessing the statistical significance of the identified differences, the study confirms the hypothesis that the institutional order of contemporary Russia (re)produces relations of domination. The scale and intensity of these relations limit the prospects for innovative social development. The article identifies the main factors driving the proliferation of power in the form of domination: delegitimization of the social contract, fragmentation of the political order, societal disintegration, and social entropy.

* Nedyak Irina, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: iraned@mail.ru

The conclusion points to the inadequacy of piecemeal changes and argues for a systemic transformation of the institutional design. A key objective of such transformation is to ensure that the overwhelming majority of the population has confidence in their guaranteed possession of the political and legal status of a citizen protected by law.

Keywords: institutional order; deinstitutionalization; modern type politics; domination; emancipatory power; freedom as non-domination; civil and political subjectivity; collective imaginary.

For citation: Nedyak I.L. The institutional order of domination: an effort in conceptualization and empirical measurement. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 20–43. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.02>

References

- Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. *The authoritarian personality*. New York: Harper and Row, 1950, 228 p.
- Acemoglu D., Robinson J.A. *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown business, 2012, 544 p.
- Allen A. *The power of feminist theory: domination, resistance, solidarity*. Abingdon: Routledge, 2025, 186 p.
- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 2006, 256 p.
- Arendt H. *The human condition*. Chicago: University of Chicago press, 1998, 349 p.
- Castoriadis C. *The imaginary institution of society*. Cambridge: MIT Press, 1987, 418 p.
- Delphy Chr. *Separate and dominate: feminism and racism after the war on terror*. London: Verso, 2015, 170 p.
- Durkheim É. *The division of labour in society*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013, 424 p.
- Foucault M. *Discipline and punish: the birth of the prison*. New York: Vintage, 1979, 333 p.
- Habermas J. *Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy*. Cambridge: MIT Press, 1996, 477 p.
- Haugaard M. *The four dimensions of power: understanding domination, empowerment and democracy*. Manchester: Manchester university press, 2020, 320 p.
- Hegel G.W.F. *The phenomenology of spirit*. Cambridge: Cambridge university press, 2018, 539 p.
- Hobbes T. *Leviathan*. Oxford: Oxford university press, 2024, 672 p.
- Honneth A. *Freedom's right: the social foundations of democratic life*. New York: Columbia university press, 2015, 448 p.
- Klein S. *The work of politics: making a democratic welfare state*. Cambridge: Cambridge university press, 2020, 204 p.
- Lovett F. *General theory of domination and justice*. Oxford: Oxford university press, 2010, 288 p.
- Lovett F. What counts as arbitrary power? *Journal of political power*. 2012, Vol. 5, N 1, P. 137–152. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2012.660026>
- Lovett F. *The well ordered republic*. Oxford: Oxford university press, 2022, 310 p.
- Lukes S. *Power: a radical view*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005, 192 p. (In Russ.)

- Machiavelli N. *The prince*. Moscow: Eksmo, 2024, 160 p. (In Russ.)
- Marcuse H. *One-dimensional man: studies in the ideology of advanced industrial society*. London: Routledge, 2002, 288 p.
- Marx K. *Capital: a critique of political economy*. London: Penguin books, 1990, Vol. 1, 1152 p.
- Montesquieu Ch.L. *The spirit of laws*. Cambridge: Cambridge university press, 1989, 808 p.
- Nedyak I.L. Power and domination in the projection of the collective imaginary: factors of (de)formation of Russia's political space. *Social sciences and contemporary world*. 2021, N 3, P. 30–45. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990015418-1> (In Russ.)
- Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S.V., Filippova L.E. The political field and the zone of power: versions of the ideal type and an attempt at empirical verification. *Sociological studies*. 2020, N 1, P. 42–53. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8> (In Russ.)
- Nietzsche F. *On the genealogy of morals and ecce homo*. New York: Vintage books, 1967, 384 p.
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and domination*. Moscow: Political encyclopedia press, 2024, 519 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds.). *Structures of domination, citizens and institutions* Moscow: Political Encyclopedia press, 2020, 318 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds.). *Domination versus politics: the Russian case. The effectiveness of the institutional structure and the potential of political change strategies*. Moscow: Political encyclopedia press, 2019, 319 p. (In Russ.)
- Pettit P. Keeping republican freedom simple. *Political theory*. 2002, Vol. 30, N 3, P. 339–356. DOI: <https://doi.org/10.1177/0090591702030003004>
- Pettit P. *On the people's terms: a republican theory and model of democracy*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 338 p.
- Pettit Ph. Republican liberty: three axioms, four theorems. In: Laborde C., Maynor J. (eds). *Republicanism and political theory*. Oxford: Blackwell, 2008, P. 102–132.
- Pettit Ph. *Republicanism: a theory of freedom and government*. Oxford: Oxford university press, 1997, 304 p. (In Russ.)
- Plato. *The Republic*. Moscow: Academic project, 2015, 397 p.
- Shapiro I. *Politics against domination*. Moscow: Praksis, 2019, 476 p. (In Russ.)
- Shapiro I. "On non-domination." *Logos*. 2012, N 4, P. 3–35. (In Russ.)
- Skinner B.F. *Beyond freedom and dignity*. Indianapolis, IN: Hackett publishing, 2002, 215 p.
- Skinner Q. *Liberty as independence: the making and unmaking of a political ideal*. Cambridge: Cambridge university press, 2025, 332 p.
- Skinner Q. *Liberty before liberalism*. Cambridge: Cambridge university press, 1998, 142 p.
- Stewart A. *Theories of power and domination: the politics of empowerment in late modernity*. London; New York: Routledge, 2001, 240 p.
- Taylor C. *Sources of the self: the making of the modern identity*. Cambridge, MA: Harvard university press, 1989, 601 p.
- Tsebelis G. *Veto players: how political institutions work*. New York; Princeton: Russell sage foundation; Princeton university press, 2002, 317 p.

- Viroli M. *The liberty of servants: Berlusconi's Italy*. Princeton: Princeton university press, 2011, 208 p.
- Viroli M. *Republicanism*. New York: Hill and Wang, 2002, 123 p.
- Welzel C. *Freedom rising: human empowerment and the quest for emancipation*. Cambridge: Cambridge university press, 2013, 441 p.
- Welzel C., Inglehart R.F. Emancipative values and democracy. *Studies in comparative international development*. 2006, Vol. 41, N 3, P. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02686237>
- Young I.M. *Justice and the politics of difference*. Princeton: Princeton university press, 2011, 286 p.

Литература на русском языке

- Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений: монография / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 319 с.
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: монография / С. Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с.
- Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А. Кырлежева. – М.: Издательский дом государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 238 с.
- Макиавелли Н. Государь / пер. с итальянского Г. Муравьева. – М.: Эксмо, 2024. – 160 с.
- Недяк И.Л. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России // Общественные науки и современность. – 2021. – № 3. – С. 30–45. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9246>
- Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Издательство института Гайдара, 1997. – 488 с.
- Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. – Москва: Академический проект, 2015. – 397 с.
- Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации / И.Л. Недяк, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 42–53. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8>
- Структуры господства, граждане и институты / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 318 с.
- Шapiro И. Политика против господства / пер. с англ. М.С. Фетисова, Т.А. Дмитриева. – М.: Практикс, 2019. – 476 с.
- Шapiro И. О не-господстве // Логос. – 2012. – № 4. – С. 3–35.

Т.В. ПАВЛОВА*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА И ПОТЕНЦИАЛ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируется влияние социокультурных факторов на формирование институционального порядка в современной России. Показано, что центральной проблемой формирования российского институционального порядка является конгруэнтность складывающихся институтов социокультурной среде, в которую они встраиваются. Обосновывается тезис о необходимости дополнения неоинституционального подхода социокультурным. Констатируется, что внедрению, освоению новых, присущих обществу модерна институтов препятствует преобладание в массовом сознании традиционалистских социально-онтологических установок, прежде всего соборного, общинного понимания социальной жизни как деятельности своеобразного социального организма, в котором индивиды неотделимы от общества, а народ как целое является выразителем объективной социальной истины. Отмечается, что формированию универсального, не фрагментированного институционального порядка препятствует присущий российской социокультуре «раскол», конфликтный характер культуры, сосуществование в ней различных субкультур и ценностей. Препятствием для формирования институционального порядка является и свойственный российской культуре дуализм, проявляющийся во влиянии как западной, так и восточной социокультур, а также в сочетании глубокой архаики с чертами, присущими эпохе модерна. Одна из субкультур – демократическая; ее носителями, по данным наших эмпирических исследований, являются около трети россиян. Анализ ценностно-нормативных комплексов граждан, а также их установок и ориентаций подтверждает гипотезу относительно наличия у российского общества потенциала институциональных изменений и вероятности гражданского, демократического вектора трансформационных процессов. Такая трансформация станет возможной, если новые для российской социокультуры и политической культуры институты, нормы и практики будут осваиваться и внедряться с учетом специфики и традиций отече-

* Павлова Тамара Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела сравнительных политических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

© Павлова Т.В., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.03

ственной культуры, а не механически переноситься из иной социокультурной и институциональной среды на российскую почву.

Ключевые слова: неинституциональный подход; социокультурный подход; институциональный порядок; социокультура; ценности; нормы; институциональные изменения.

Для цитирования: Павлова Т.В. Социокультурные факторы формирования российского институционального порядка и потенциал институциональных изменений // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 44–68. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.03>

Введение

Дискуссия о влиянии исторически сложившихся социокультурных особенностей того или иного общества на формирование социальных и политических институтов и институциональные изменения ведется в отечественной и зарубежной научной литературе достаточно давно. В данной статье попытаемся проанализировать, какие именно факторы и особенности российской социокультуры и каким образом оказывают влияние на формирование российского институционального порядка, определяют его специфику, а также сформулировать гипотезу относительно наличия предпосылок для его потенциальных изменений. Методология исследования основывается на конструктивистской версии неинституционализма в сочетании с социокультурным подходом.

Выделяя наиболее значимые социокультурные факторы, задающие параметры и ограничения возможных институциональных изменений, мы в значительной мере использовали концептуальные разработки известных российских мыслителей А.С. Ахиезера и К.М. Кантора, недостаточно, на наш взгляд, освоенные в отечественной литературе.

Ключевые тезисы статьи обоснованы эмпирическими данными пяти всероссийских репрезентативных социологических обследований, которые проводились Отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН под руководством С.В. Патрушева в 2018–2022 гг.¹ Общий для всех пяти опросов базовый инструментарий позволил сопоставить результаты, выявить тенденции и создать единую базу из 4400 респондентов (в 2018 и

¹ Исследование данной проблематики проводилось коллективом начиная с середины 90-х годов прошлого столетия, однако тогда обследования не были репрезентативны для всех групп российского населения.

2019 г. общий объем выборочной совокупности составил по 700 человек в возрасте 18 лет и старше; в трех замерах 2020, 2021, 2022 гг. объем выборки составил по 1000 респондентов). Обследования были проведены методом анкетирования с участием интервьюеров и обработаны с помощью программы SPSS.

Анализ полученных данных с использованием количественных методов исследования (описательные статистики, таблицы пересечений, сравнительный анализ, факторный анализ) позволил не просто отразить общественные настроения в определенный отрезок времени, но и продемонстрировать преломление в ценностях, установках и представлениях российских граждан основных характеристик российской социокультуры и уловить устойчивые структуры массового сознания в их динамике. Было выявлено наличие у российского общества потенциала институциональных изменений и вероятности гражданского, демократического вектора трансформационных процессов, несмотря на неблагоприятный в целом социокультурный контекст.

Центральной проблемой формирования современного институционального порядка является конгруэнтность формирующихся институтов социокультурной среде социумов, в который они встраиваются. Известно, что внедрение одних и тех же институтов в различных исторических и социокультурных контекстах часто приводило к совершенно разным результатам. Так, в своем бестселлере американский социолог Роберт Патнэм [Патнэм, 1996] на основе анализа опыта внедрения демократических институтов в ходе административной реформы 1970-х годов в северных и южных регионах Италии убедительно показывает, что на промышленно развитом Севере с глубокими традициями гражданской, демократической культуры и накопленным солидным социальным капиталом эти институты приживаются гораздо легче, чем на отстающем в экономическом отношении и отягощенном традициями клиентелизма Юга, с характерным для него низким уровнем социального капитала.

Начиная с 90-х годов была предпринята попытка модернизировать российское общество путем имплантации в него новых, демократических институтов, сформировавшихся в западной социокультурной среде. Опыт социальных и политических трансформаций последних десятилетий показал, что на практике такая задача трудно реализуема и блокируется исторически сложившимися особенностями социокультурного развития и отечественной политической культуры. Представляется, что для выявления причин отторжения

социумом новых институтов недостаточно использовать только институциональный подход, а следует дополнить его социокультурным подходом [Кирдина, 2002]. Последний позволяет охарактеризовать исторический социокультурный контекст, в котором «живут» институты, а также выявить глубинные культурные и ценностные мотивации индивидов, воспроизводящих в своих повседневных практиках тот или иной социальный и политический порядок.

Неоинституциональный подход

Согласно неоинституциональному подходу, институциональный порядок социума формируется в процессе возникновения определенных конфигураций институтов (формальных и неформальных). Самое общее понятие институтов принадлежит Дугласу Норту, который определяет их как «“правила игры” в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [Норт, 1997, с. 18]. Неформальные институты Норт называет «культурными ограничениями», «воплощенными в обычаях, традициях и кодексах поведения» [Норт, 1997, с. 21], которые укоренены в обществе и служат «культурным фильтром» для обеспечения непрерывности, инкрементности длительных социальных изменений.

Более развернутую дефиницию института дает С.В. Патрушев: «Институты / институты – это структура взаимодействия, правила, законы, соглашения, нормы, разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм» [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 29]. Институты обладают самоподдерживающими механизмами, устойчивостью и воспроизводятся в институциональных практиках.

П.В. Панов, автор фундаментальной монографии, посвященной данной проблематике, характеризует институциональные практики как «такие взаимодействия между акторами, когда в ситуации, которая интерпретируется как “типичная”, они относительно устойчиво воспроизводят принятые и коллективно осмысленные в данной социальной группе правила поведения» [Панов, 2011, с. 63]. Социальный порядок определяется им с позиций социального конструктивизма как «воспроизводство институциональных практик» [Панов, 2011, с. 63].

В данной статье используется социально-конструктивистская версия неoinституциональной теории, в логике которой институциональный порядок понимается как результат процесса институционализации, то есть воспроизводства разделяемых всеми членами социальной группы норм и правил, а также привычных способов социального взаимодействия – «взаимной типизации опривыченных действий» [Бергер, Лукман, 1995, с. 92]. Эти нормы, правила и модели конституируются самими индивидами, наделяющими их определенным смыслом в соответствии со своими культурными и ценностными установками и коллективными представлениями о социальной реальности, своей «картиной мира». Нормы и правила, которыми руководствуются члены сообщества, воспроизводятся ими в социальных и политических практиках, которые, как и всякие институциональные практики, отличаются устойчивостью, массовостью, нормативностью и способностью к воспроизводству. В процессе институционализации «все релевантные акторы могут прибегнуть к использованию хорошо укорененных и освоенных рутин» [Meyer, Tarrow, 1998, p. 21]. Институционализация порядка происходит только когда правила приобретают универсальный характер [Панов, 2009].

В конструктивистской версии неoinституционализма делается акцент на общих представлениях, смыслах, когнитивных схемах, т.е. на культурных основаниях воспроизводящихся практик. Коллективные представления о социальной реальности, общую «картину мира», можно рассматривать как «культурное измерение» социального порядка» [Панов, 2011, с. 46]. Известный неoinституционалист Пол Димаджо дает следующее определение культуры: «Под культурой мы понимаем разделяемые людьми смыслы (cognitions), ценности, нормы и экспрессивные символы (expressive symbols)». Культура – это «упорядоченная система смыслов, разделяемых группой» [Димаджо, 2004, с. 471, 484].

Классики социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман отмечают интегративную роль «смыслового» или «символического универсума» в институционализации социального порядка. В их концепции речь идет об обеспечении «интегративных значений, которые будут охватывать все общество и придавать всеохватывающий контекст объективного смысла фрагментарному социальному опыту и знанию индивида» [Бергер, Лукман, 1995, с. 139]. «Символические универсумы осуществляют исчерпывающую интеграцию *всех* разрозненных институциональных процессов. Все общество приобретает теперь смысл. Отдельные институты и роли

легитимируются благодаря их включению во всеобъемлющий смысловой мир» [Бергер, Лукман, 1995, с. 139].

Таким образом, воспроизводство в практиках общих для данного сообщества представлений и смыслов делает процесс институционализации более завершенным, а социальный порядок более устойчивым и легитимным.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале статьи, – о том, почему те или иные институты по-разному действуют в различных социокультурных средах, – заметим, что использование в анализе только неоинституциональной методологии не дает на него достаточно полного ответа. Дуглас Норт, подчеркивая роль «культурного наследия», «культурного фильтра» в институциональных изменениях, формулирует концепцию «зависимости от траектории предшествующего развития» («тропы зависимости» – *path dependence*), то есть обусловленности процесса институциональных изменений первоначально избранным направлением развития, закрепленного затем «механизмами самоподдержания институтов» [Норт, 1997, с. 144]. Норт отмечает необходимость для дальнейшего исследования «глубже разобраться в детерминированных культурой нормах поведения и их взаимодействии с формальными правилами» [там же, с. 178].

Концепция «тропы зависимости» была развита представителями «исторического институционализма» [Thelen, Steinmo, 1992; Mahoney, Rueschemeyer, 2003], обращавшими внимание на то, что существенные институциональные изменения происходят только в критические моменты социального и политического развития – в условиях острых кризисных ситуаций, революций, войн. Институциональные изменения исторические институционалисты связывают со сменой предпочтений акторов, однако эти предпочтения не являются у них предзаданными, как у сторонников институционализма рационального выбора [Панов, 2006, с. 62–63], а формируются под воздействием структурных факторов: исторического контекста, в котором происходит взаимодействие акторов, социально-экономических и социокультурных условий.

Исследования с использованием методологии неоинституционализма, проведенные за последние десятилетия авторским коллективом под руководством С.В. Патрушева, показали, что российский институциональный порядок отличается незавершенностью, фрагментированностью, социетальной дезинтеграцией макросреды в сочетании с социальной интеграцией внутри микросред, что блокирует формирование современного политического порядка

[Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 141]. П.В. Панов связывает объяснение того, как происходит выстраивание политического порядка, с формированием политической идентичности социальных групп на основе интернализации индивидами, входящими в данную группу, принятых в ней социальных норм и моделей поведения [Панов, 2011, с. 104–105]. Осмысление членами социальной группы (коллектива) значения норм и моделей взаимодействия на макроуровне делает этот коллектив политическим, а порядок, основанный на таких нормах, становится политическим.

Социокультурный подход

Понимание смыслового, содержательного наполнения институтов, формирующих российский институциональный порядок, и социокультурной среды, в которой они функционируют, дает обращение к социокультурному подходу. Роль социокультурных факторов в оценке сущностных характеристик сложившегося порядка в значительной мере обусловлена его незавершенностью, фрагментированностью, отсутствием выраженных размежеваний, расколов между социальными группами по политическим основаниям.

По мнению известного социолога А.С. Ахиезера, формирование универсального, а не фрагментированного институционального порядка блокирует глубокая внутренняя противоречивость российской социокультуры, традиционный раскол между субкультурами, укладами, конфликт ценностей [Ахиезер, 1997; Ильин, Ахиезер, 2000]. Ахиезер, анализирувавший социокультурную динамику России как оппозицию двух цивилизаций (либеральной и традиционной), циклическое движение от одного нравственного идеала (либерально-модернистского) к другому (вечевому, распадающемуся на соборный и авторитарный), подчеркивал конфликтный, неорганический характер этой динамики, что выражалось в феномене раскола. Он определяет раскол как «специфическое патологическое состояние общества, характеризующееся застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, между двумя системами ценностей, между субкультурами одной культуры» [Ахиезер, 1991, с. 54]. Раскол имеет глубокие корни в российской истории и в российском массовом сознании. Основные формы раскола: «...между обществом и государством, между народом и правящей элитой, народом и духовной элитой, между этими элитами» [там же]. Причины возникновения раскола («зрелый рас-

кол» берет начало с эпохи Петра I) Ахиезер усматривает в том, что общество, неспособное преодолеть социокультурные противоречия, пытается к ним каким-то образом адаптироваться. А это приводит к постоянному балансированию «на грани необратимой дезорганизации», состоянию «перманентного кризиса» [Ахиезер, 1991, с. 54].

В проведенных нами социологических обследованиях некоторые из выделенных Ахиезером проявлений «раскола» были эмпирически подтверждены. Прежде всего это касается отношений между обществом и властью. Так, по результатам опроса 2022 года 32% респондентов ответили, что «Власть в России действует в своих собственных интересах» и 28% – что «Власть в России действует в интересах меньшинства населения», тогда как всего 22% опрошенных согласились с утверждением, что «Власть в России действует в интересах большинства населения»¹. По данным того же опроса, 72% опрошенных полагали, что «Политика – это дело немногих», и лишь 17% – что «Политика – это дело всех»².

Устойчивость представлений россиян о том, что народ отстранен от власти, от процесса принятия политических решений, сочетается с осознанием необходимости участия граждан в принятии политических решений. По мнению респондентов, на практике решения принимаются президентом, государственными чиновниками и депутатами, выборными политиками, тогда как должны приниматься президентом, гражданами (так полагают 66% опрошенных) и депутатами.

¹ Респондентам задавался вопрос: «С каким суждением Вы согласны?» (Выберите один ответ)

- Власть в России действует в собственных интересах
- Власть в России действует в интересах меньшинства населения
- Власть в России действует в интересах большинства населения
- Не согласны ни с одним утверждением
- Затруднились ответить

² Задавался вопрос: «Какая точка зрения Вам ближе?» (Один ответ):

- Политика – это дело всех
- Политика – это дело немногих
- Затруднились ответить

Таблица 1

Представления граждан о субъектах принятия политических решений, опрошенных, 2020 г., множественный выбор

Кто, по Вашему мнению, принимает и кто должен принимать решения о целях и задачах развития страны?	Принимает решения	Должен принимать решения
Государственные чиновники	61	27
Граждане	10	66
Депутаты, выборные политики	51	50
Предприниматели	17	17
Президент	78	69
Силовики	26	4
Эксперты-экономисты	47	16
Затруднились ответить	8	8

Противоречия, составляющие содержание раскола, находятся и внутри самих индивидов, в их типе мышления. В русской культуре всегда преобладало «осмысление мира через крайности» (об этом писали еще Н. Бердяев и Н. Лосский), – такой тип мышления Ахиезер называет *инверсионным*. «Инверсия характеризуется абсолютизацией полярностей и минимальным интересом к их взаимопроникновению» [Ахиезер, 1991, с. 55]. Это архаичная форма логики, позволяющая в рамках дуалистической картины мира мгновенно переключаться в оценках на противоположную точку зрения. Второй тип мышления – «*медиация*, которая характеризуется отказом от абсолютизации полярностей и максимизацией внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга. Медиация возникает вместе с культурой, существуя на заднем плане инверсии» [там же, с. 56]. Медиация превращается в господствующую логику «одновременно с утверждением либеральной цивилизации, которая сама является результатом медиации: она ищет решение между крайностями, между полюсами дуальной оппозиции, через поиск меры, нового содержания культуры, осмысливаемого через эти полюса» [там же, с. 96].

Ахиезер таким образом выявляет особенности социокультурной динамики России, глубокие внутренние противоречия российского социума, его «промежуточность» между цивилизациями Запада и Востока, дуализм массового сознания, сосуществование в нем традиционализма, архаики и либеральных ценностей, основанных на развитом утилитаризме. Вместе с тем исследователь формулирует и возможные пути выхода социума из состояния перманентного кризиса, дезорганизации, преодоления раскола, по-

нимаемого как социальная патология. Прежде всего, по его мнению, необходимы изменения в сфере нравственности, которую он считает важным механизмом социокультурных сдвигов, а также готовность общества к самоизменению и продвижению «на путях саморазвития к либеральной цивилизации» [Матвеева, 1997, с. 41].

Многие концептуальные постановки и понятия теории Ахиезера, такие как соборность, раскол, дуализм, используют и развивают политологи В.М. Сергеев и Н.И. Бирюков, предлагая когнитивную модель политической культуры [Бирюков, Сергеев, 1998; Бирюков, 2006], смысловое содержание которой определяют общие характеристики российской социокультуры. Самым глубинным и устойчивым компонентом политической культуры, выполняющей роль социального интегратора, является в их концепции *социальная онтология* – «система категорий, которая “задает” базисные представления о структуре и свойствах социальной реальности и типологизирует социальные ситуации. Онтологические категории используются для того, чтобы идентифицировать (“называть”) эти ситуации. В значительной части подобное знание нерелексивно» [Бирюков, 2006, с. 50].

Бирюков и Сергеев анализируют основную категорию социальной онтологии в российской культуре в целом и в политической культуре в частности – «соборность». В разработанной ими на материале формирования представительных институтов в современной России [Бирюков, Сергеев, 2004] концепции «соборной политической культуры» они видят «ядро национальной политической культуры». Социум, сообщество рассматриваются в данной концепции как «некое изначальное единство», органическая целостность, единственный законный субъект политической деятельности. «Автономные действия любых других субъектов внутри сообщества есть с этой точки зрения покушение на целостность социума, отпадение от соборного единства» [Бирюков, 2006, с. 60]. Соборная онтология не предполагает, следовательно, никакой социальной и политической дифференциации. Соответственно, не возникают и институты, предназначенные для исполнения специализированных функций (все полномочия берет на себя Власть) – «социальная онтология соборности принципиально антиинституциональна» [там же, с. 61].

Для характеристики российской социокультуры как культуры, основанной на соборности, органической целостности, неразделенности общества, показательны ответы опрошенных нами респондентов на вопросы о соотношении единства и конкуренции.

Двукратное превышение числа полагающих, что для России сегодня важнее единство политических сил, чем их конкуренция, демонстрирует сохранение традиционных социально-онтологических установок массового сознания и слабую потребность в создании современных конкурентных политических институтов.

Таблица 2

Единство vs конкуренция, % опрошенных по годам

Как Вы считаете, что сегодня полезнее для России? (один ответ)	2018	2019	2020	2021	2022
Единство различных политических сил	53	50	42	44	51
Конкуренция между различными политическими силами	30	28	34	33	23

Анализ социально-демографического профиля респондентов показывает большую приверженность установке на единство старших возрастных когорт. По данным 2022 г., единство конкуренции предпочли 54% опрошенных в категории «51–60 лет» и 58% – в категории «старше 60», 52% лиц со средним и 55% со средним специальным образованием. Наименьшую поддержку единству оказали молодые респонденты (43% – в категории «18–24 лет») и лица с незаконченным высшим (35%) и высшим (47%) образованием. Более сильная установка на единство у женщин (55%), респондентов с хорошим и средним материальным положением (56% и 53%), жителей районных центров и сельских поселений (соответственно 54% и 53%), тогда как слабее она выражена у мужчин (46%), жителей мегаполисов (45%), лиц с незаконченным высшим (35%) и высшим образованием (47%). В большей мере ориентированы на конкуренцию мужчины (29%), молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (28%), жители мегаполисов (32%), люди с незаконченным высшим и высшим образованием (35% и 26%), с очень хорошим (25%) и хорошим (26%) материальным положением, а в меньшей степени – женщины (17%), люди в возрасте 51–60 лет, жители райцентров и сел (20% и 22%), респонденты с неполным средним и средним специальным образованием (18% и 21%), а также лица со средним (22%) и плохим (22%) материальным положением. Можно, следовательно, сделать вывод о том, что хотя в обществе в целом сохраняется социально-онтологическая установка на единство, органическую целостность, ориентация на конкуренцию выше среди молодых, более образованных, проживающих в крупных городах и материально благополучных граждан, которые могли бы стать субъектами модернизационного развития.

Российский институциональный порядок формировался в контексте дуалистической по своему характеру культуры, что проявлялось, в частности, во влиянии как западной, так и восточной социокультур и в сочетании глубокой архаики с чертами, присущими обществу модерна.

В данной связи представляется продуктивным обращение к концептуализации проблематики социокультуры и цивилизации выдающимся российским философом К.М. Кантором, автором фундаментального историсофского труда «Двойная спираль истории» [Кантор, 2002]. Социокультурный подход у Кантора связан с социологической характеристикой взаимосвязи индивида и общности, степенью их ассоциации и диссоциации, с подчиненностью индивида социальным нормам.

Ученый называет дуализм «конститутивной чертой российской культуры». Анализируя цивилизационную специфику России, он отмечает, что, несмотря на заимствования у Запада и Востока, Россия была и остается вполне самостоятельным типом социокультуры. «При этом Россия построена из переиначенных ею социокультурных элементов Востока и Запада и, сложившись, продолжает нуждаться в них» [там же, с. 94]. Западное и восточное начала здесь «заметным образом преображаются и плоды их приобретают иные свойства. Без Запада и без Востока Россия существовать не может. Но от одного и другого она отталкивается, им двоим она активно противостоит» [там же, с. 94]. Кантор отмечает, что определяющее влияние на российскую социокультуру оказала Византия, ценности которой соединили в себе западное и восточное начала [там же, с. 95].

Цивилизация, по Кантору, является высшей формой социокультуры, результатом социокультурной эволюции, проходящей три исторических стадии: Дикость, Варварство и Цивилизация, каждая из которых управляется своей социокультурной парадигмой. Однако с достижением третьей стадии эволюции – Цивилизации – прошлое человечества – Дикость и Варварство – не исчезает, но подчиняется высшей форме эволюционного развития. Дикость и Варварство не только предшествуют культуре Цивилизации, не только сохраняются в строе Цивилизации как его подпочва, но и остаются у ряда народов господствующим типом культуры. Трем этапам социокультурной эволюции соответствуют у Кантора три парадигмы. В парадигме Дикости племя и каждый его член вынужден был самоопределяться по отношению к природе как биосоциальный индивид. Парадигму Варварства с установкой на биосоциаль-

ный коллективизм сменяет парадигма Цивилизации с установкой на биосоциальный индивидуализм, переворачивая таким образом отношения индивида и общества. В парадигме Цивилизации индивид самоопределяется по отношению к биосоциальной и социокультурной организации общества.

Кантор рассматривает цивилизации также как «культурные типы», состоящие из элементарных проектных единиц, которые он называет паттернами. Он отмечает, что всякая социокультура есть паттернская культура. Паттерны – это проекты, обеспечивающие наследственность, устойчивость, неизменность специфической социокультуры. Ядро паттерна образуется «определенным сочетанием врожденных представлений, ценностей, норм и идей», которые «находятся в глубинных слоях сознания индивида» [Кантор, 2002, с. 75].

Кантор выделяет три типа паттернов, присущих каждой из стадий социокультурной эволюции: 1) *альфа паттерн* индивид не выделяет себя из социума; 2) *бета паттерн*, – индивид выделяет себя из социума, но не противопоставляет себя ему; 3) *гамма паттерн* – индивид обособился от общества (оставаясь внутри общества) и противопоставляет себя ему [там же, с. 76–78]. Кантор оговаривается, что речь идет об идеальных типах социокультурного мироустройства и соотносить их с реальными социокультурами определенных государств, стран, народов, этносов, племен следует с большой осторожностью.

Для стран Востока характерны альфа-паттернальные конфигурации, разбавленные в ряде стран гамма-паттернальными, для стран Европы – гамма-паттернальные конфигурации, а для России – преобладание бета-паттернальных конфигураций. В бета-паттернальной конфигурации, которую Кантор определяет как «дуалистическую», «власть общества над индивидом сохраняется, но и индивид теперь нечто значит сам для себя; в способах практического воспроизводства жизни и в сознании индивида образуется ограниченная сфера, где индивид *довлеет себе*» [там же, с. 77]. Это приводит к конфликту между обществом и индивидом, который выражается, однако, лишь в сознании индивида. «В сознании своем он и отличен от общества и его культуры, и еще всецело принадлежит им. Самую свою способность создать нечто выходящее за пределы существующих ценностей, знаний и норм индивид оправдывает своей уверенностью, что в конце концов это нужно будет обществу – обществу, а не ему самому» [там же].

Данные пяти репрезентативных всероссийских обследований, проведенных в 2018–2022 гг., а также реализованных ранее политико-

социологических исследований позволяют проследить определенные флуктуации внутри присущего российскому социуму социокультурного паттерна (в терминологии Кантора – паттернальной конфигурации) при неизменном воспроизводстве его исторического ядра.

Обследования продемонстрировали консенсус в установках и ориентациях граждан по вопросам социально-онтологического и цивилизационного характера. В опросе 2022 г. при ответе на вопрос о том, «к чему должна стремиться Россия прежде всего», 61% наших респондентов сочли приоритетной целью «благо общества», 50% – «счастье каждого человека», тогда как «величие государства» оказалось лишь на третьем месте (37%). Однако последняя позиция имеет очевидную тенденцию к росту (с 15% в 2019, 2020 гг. до 36% и 37% в 2021–2022 гг.), что очевидно отражает признание людьми необходимости усиления в современных условиях роли государства в жизни российского общества. В целом же в представлениях граждан интересы общества превалируют над интересами индивида.

Таблица 3

Общество, государство и индивид в представлениях респондентов, % опрошенных по годам

Как Вы полагаете, к чему должна стремиться Россия прежде всего? (можно отметить несколько ответов)	2019	2020	2021	2022
К благу общества	44	42	63	61
К величию государства	15	15	36	37
К счастью каждого человека	40	44	46	50

Опросы показывают также наличие тенденции к самостоянию личности, к некоторому (весьма неустойчивому) росту индивидуализма по сравнению с укорененным в российской культуре коллективизмом (идушим от общинности и продолженным в советский период нашей истории), что отражает противоречивость, дуализм российского массового сознания, сочетание в нем глубокой архаики с чертами, присущими эпохе модерна [Ахизер, 1997; Бирюков, Сергеев, 1998; Патрушев, Филиппова, 2017].

Таблица 4

Установка на самостоятельность, % опрошенных по годам

Как Вы считаете, от чего в большей степени зависит благополучие человека? (один ответ)	2018	2019	2020	2021	2022
От самого человека	56	43	52	40	49
От того, насколько справедливо устроено общество	40	49	43	49	41

В контексте дуализма массового сознания усиливается тенденция к дистанцированию от полюсов влияния на цивилизационную идентичность и на самоопределение по отношению к «другим». Данные обследований демонстрируют рост числа граждан, полагающих, что Россия – это особая цивилизация, отличная от западной (европейской) и восточных цивилизаций; в 2021 г. их было 74%, а в 2022 г. – уже 84%). На протяжении последних лет сохраняется и даже растет поддержка респондентами тезиса об «особом пути» России (в 2021 г. – 60%; в 2022 г. – более 63%), тогда как всего лишь 22% в 2021 г. и 17% в 2022 г. готовы были отказаться от поисков «особого пути» и использовать опыт других стран (см. табл. 5).

Таблица 5

**Установки на «особый путь» и освоение чужого опыта,
% опрошенных по годам**

Какая точка зрения Вам ближе? (дайте один ответ)			
России пора отказаться от поисков особого пути и активнее осваивать опыт, накопленный другими		Россия должна осторожно относиться к чужому опыту, у нее своя, неповторимая судьба	
2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
22	17	60	63

В целом эмпирический анализ установок и ориентаций граждан показывает, что они отражают базовый паттерн социокультурной динамики России. В российском массовом сознании в основном преобладают традиционалистские социально-онтологические установки, соборное, общинное понимание социальной жизни, в котором индивиды неотделимы от общества, трактуемого как органическое целое.

Вместе с тем анализ ценностно-нормативных комплексов респондентов с использованием институционального подхода позволил нам выявить социальные группы по критерию их представлений о предпочтительной для России форме социального и политического устройства¹. Наиболее многочисленной (по данным 2021 г. – 42%, а 2022 г. – 34%) оказалась группа, выбравшая в качестве тако-

¹ Задавался вопрос: *Если говорить о политическом и социальном устройстве, то какая его форма представляется Вам наиболее полезной для развития России? (один ответ)*. Респондентам предлагалось сделать выбор из следующего перечня форм: «демократическая, имперская, либеральная, монархическая, республиканская, советская, существующая сейчас в России».

вой демократическую форму и обозначенная нами как «демократы». Две другие значимые группы – сторонники советского устройства общества («просоветские», их число составило 23% в 2021 г. и 20% в 2022 г.) и группа «консерваторов», приверженцев существующего общественного строя (25% в 2021 г., 29% в 2022 г.).

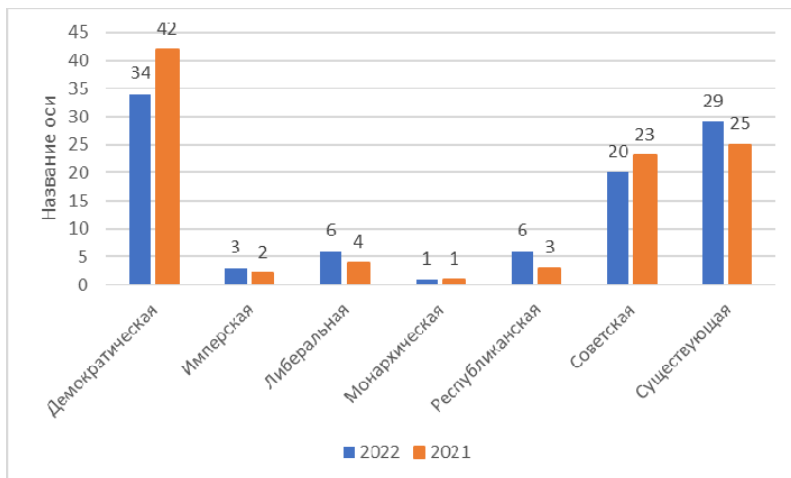

Рис. 1.

Форма политического и социального устройства, полезная для России, % опрошенных, 2021–2022 гг.

Рассмотрим нормативно-ценностные комплексы выделенных групп через анализ индивидуальных ценностей респондентов¹. Во всех группах лидирующее место в иерархии личных ценностей занимают ценности семьи и справедливости. Как видно на рис. 2, конфигурация ценностно-нормативных комплексов схожа у групп «консерваторов» и «просоветских», тогда как у «демократов» она выглядит иначе. У «демократов» существенно большая поддержка ценностей *свободы* и *прав человека* (разрыв с группой «консерваторов» составляет 13 п.п. и 16 п.п. соответственно); у «просоветских» – ценностей *доверия*, *справедливости*, *традиции*, *труда* (разрыв по доверию с «консерваторами» 10 п.п. и «демократами» 14 п.п., *справедливости* – 6 п.п. и 12 п.п. соответственно, *традиции* (11 и

¹ Задавался вопрос: *Что для Вас особенно ценно? Выберите любое число ответов и предлагался перечень из 16 ценностей.*

15 п.п. соответственно). У «консерваторов» в целом средние показатели по всем ценностям; обращает на себя внимание лишь высокий уровень поддержки ценности *личного успеха* по сравнению с группой «просоветских» (на 9 п.п.).

Рис. 2.
**Ценностно-нормативные комплексы групп приверженцев
 разных типов общественного устройства,**
 % опрошенных, 2022 г.

Группу «демократов» отличают от других групп основанные на ценностно-нормативной системе входящих в нее индивидов установки и ориентации: на самоорганизацию, объединение, коллективное действие, участие граждан в политике (см. табл. 6).

Можно, следовательно, говорить о наличии определенных предпосылок для формирования в российском обществе демократической субкультуры, основанной на ценностях, нормах и ориентациях, присущих современной демократической политике.

Анализ распределения ответов на вопрос о желаемой форме общественного устройства с учетом возрастных различий выявляет преобладание сторонников демократического вектора в молодых когортах, тогда как среди старших когорт явно больше приверженцев советского проекта. Так, по данным опроса 2021 г., в возрастной категории 18–30 лет – 55% «демократов» (против 42% в среднем по массиву), в категории 31–40 лет – 47%. В категориях 51–

60 лет и старше 60 лет сторонников советского строя соответственно 30% и 41% (при 23% в среднем по массиву).

Таблица 6

Установки и ориентации групп приверженцев разных типов общественного устройства, % опрошенных, 2021 г.

Установки	Данные по массиву	Демократическая	Советская	Существующая сейчас
«Граждане могут организовать сами для решения важных для них задач»	38	41	37	27
Не согласны с утверждением, что «Сегодня каждый сам решает свои проблемы, и нет смысла объединяться с кем-либо»	43	47	41	37
«Как Вы полагаете, участие граждан в политике помогает или мешает принятию властью результативных решений?»	49	53	51	41

Группа «просоветских» включает в себя более старших по возрасту, наименее образованных граждан с низким доходом, тогда как характеристики социально-экономического и демографического статуса входящих в группы «демократов» и «консерваторов» (образование, материальная обеспеченность) в основном не отличаются от средних по всей выборке показателей.

Дополняет картину проведенный на базе обследований 2021 и 2022 гг. факторный анализ принципов и ценностей, важных, по мнению респондентов, для будущего России¹. Были выделены два основных фактора, вокруг которых группируются ценности желаемого общества, названные респондентами, и показан приоритет гражданских и демократических ценностей с опорой на традиции (индекс 4,4 балла по пятибалльной шкале) над рыночно-индивидуалистскими ценностями (индекс 3,8 балла) (см. табл. 7). Таким образом представляется вполне обоснованным вывод о наличии в российском социуме потенциала для институциональных изменений в направлении формирования демократического политического порядка.

¹ Задавался вопрос: *В какой степени, на Ваш взгляд, перечисленные ценности важны для будущего России?*, оценка по 5-балльной шкале, где 1 – «совсем не важно», 5 – «наиболее важно»; приведена доля респондентов, выбравших оценки 4 и 5.

Таблица 7

Ценности, важные для будущего России,
группировка по результатам факторного анализа, 2022 г.¹

Ценности (общий средний балл – 4,2 по пятибалльной шкале)	Фактор 1: Гражданские и демократические (4,4 балла)	Фактор 2: Рыночно- индивидуалистские (3,8 балла)
Справедливость	0,794	
Права человека	0,762	
Труд	0,718	
Равенство	0,715	
Свобода	0,699	
Мораль	0,680	
Семья	0,668	
Традиция	0,649	
Закон	0,629	
Уважение иного мнения	0,578	
Доверие	0,576	
Выгода		0,797
Собственность		0,739
Личный успех		0,717
Конкуренция		0,680
Сила		0,606

Представления россиян об образе будущего, в которых лидируют ценности *семьи, труда, закона, прав человека и справедливости* коренным образом расходятся с их оценкой того, на каких ценностях основывается современное российское общество. Здесь лидируют *сила, семья, личный успех, выгода, собственность*.

Такое рассогласование нормативно желаемого и реального институционального порядка ставит вопрос о легитимации последнего и делает актуальными институциональные и политические изменения. Направленность этих изменений зависит в конечном счете от сдвигов в сознании людей в направлении от традиционализма и архаики, укорененных в отечественной социокультуре, к ценностям современного общества, общества модерна, от способности индивидов к самостоянию, выстраиванию взаимоотношений с обществом и властью на новых основаниях, на принципах взаимодействия и сотрудничества.

¹ Метод выделения факторов: метод главных компонент. Извлечено компонентов – 2. Индексы вычислены на основе ответов по 5-балльной шкале, где 1 – «совсем не важны», 5 – «очень важны».

Таблица 8

**Ценности современного российского общества
и ценности желаемого общества, % опрошенных, 2022 г.**

В какой степени российское общество основывается на следующих ценностях? (Дайте ответ в каждой строке: 5 – в максимальной степени, 1 – в минимальной степени)	Средняя оценка	В какой степени, на Ваш взгляд, нижеперечисленные ценности важны для будущего России? (Дайте оценку в каждой строке: 5 – в максимальной степени, 1 – в минимальной степени)	Средняя оценка
1. Выгода	3,9	1. Выгода	3,5
2. Доверие	3,2	2. Доверие	4,2
3. Закон	3,5	3. Закон	4,6
4. Конкуренция	3,7	4. Конкуренция	3,8
5. Личный успех	3,9	5. Личный успех	4,0
6. Мораль	3,2	6. Мораль	4,3
7. Права человека	3,2	7. Права человека	4,5
8. Равенство	2,9	8. Равенство	4,3
9. Свобода	3,4	9. Свобода	4,5
10. Семья	3,9	10. Семья	4,6
11. Сила	4,0	11. Сила	3,9
12. Собственность	3,9	12. Собственность	4,0
13. Справедливость	3,2	13. Справедливость	4,6
14. Традиция	3,5	14. Традиция	4,3
15. Труд	3,6	15. Труд	4,5
16. Уважение иного мнения	2,9	16. Уважение иного мнения	4,1

Заключение

Изменения неформальных институтов – норм и правил, задающих культурные ограничения, в основном происходят инкрементно, с постепенным внедрением в социум новых идей и ценностей и их накоплением в сознании и поведении людей до уровня, делающего возможной трансформацию институтов. Исследования автора данной статьи последних трех десятилетий позволили выявить наличие в российском обществе демократической субкультуры, носителями которой являются около трети россиян. Они ориентированы на гражданский, демократический вектор развития общества и на освоение современных демократических практик, что потенциально могло бы привести к институционализации демократии как политического порядка [Российская повседневность..., 1996; Институциональная политология..., 2006. Конституирование современной политики..., 2018; Господство против политики..., 2019; Структуры господства..., 2020; Институциональная политология 2.0..., 2024]. При этом важно, чтобы новые для российской

социокультуры и политической культуры институты, нормы и практики осваивались и внедрялись с учетом традиций отечественной культуры, а не механически переносились из иной социокультурной и институциональной среды на российскую почву. Это подразумевает непреременный учет при выстраивании институтов демократии таких, выявленных в том числе нашими социологическими обследованиями, присущих российской культуре ценностей, выраженных в нормативно-ценностных комплексах граждан, как *справедливость, коллективизм (общинность), семья, труд*.

Однако на данном этапе развития нашего социума востребованными оказываются в первую очередь те архаичные социально-онтологические представления и имеющие глубокие корни в российской социокультуре ценности и установки (составляющие ядро российского социокультурного паттерна), которые препятствуют самостоянию индивида по отношению к обществу и делают проблематичной институционализацию норм и правил, присущих обществу модерна, а следовательно, блокируют формирование современного институционального порядка.

T.V. Pavlova*

Sociocultural factors shaping the Russian institutional order and potential for institutional change

Abstract. The article analyzes the influence of sociocultural factors on the formation of institutional order in modern Russia. It has been shown that the central problem in shaping the Russian institutional order is the congruence of the emerging institutions to the sociocultural environment into which they are embedded. The thesis is based on the need to complement the neo-institutional approach with sociocultural. It is stated that the introduction and development of new, modern institutions are being impeded by the predominance in the mass consciousness of traditional social-ontological attitudes, above all of the sobornost, the communal understanding of social life as an activity of a kind of social organism, in which individuals are inseparable from society and the people as a whole is the expression of objective social truth. It is noted that the formation of a universal, unfragmented institutional order is impeded by the inherent "schism" in Russian socioculture, the conflicting character of culture, and the coexistence within it of different subcultures and values. An obstacle to the formation of institutional order is also the dualism characteristic of Russian culture, which manifests itself in the influence of both Western and Eastern sociocultures, as

* **Pavlova Tamara**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

well as in the combination of deep archaic with traits typical of the modern era. One of the subcultures is democratic; its bearers, according to our empirical research, are about a third of Russians. Analysis of the values and normative complexes of citizens, as well as their attitudes and orientations, confirms the hypothesis regarding the potential for institutional changes in Russian society and the probability of a civic, democratic vector of transformational processes. Such a transformation will be possible if new institutions, norms and practices for Russian socioculture and political culture are grasped and implemented taking into account the specific features and traditions of domestic culture, rather than being mechanically transferred from another sociocultural and institutional environment to Russian soil.

Keywords: neo-institutional approach; sociocultural approach; institutional order; socioculture; values; norms; institutional changes.

For citation: Pavlova T.V. Sociocultural factors shaping the Russian institutional order and potential for institutional change. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 44–67. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.03>

References

- Akhieser A.S. Sociocultural dynamics of Russia. To the methodology of research. *Polis. Political studies*. 1991, N 5, P. 51–64. (In Russ.)
- Akhieser A.S. *Russia: a critique of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). From the past to the future*. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1997, 594 p. (In Russ.)
- Berger P., Lukman T. *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 1995, 323 p. (In Russ.)
- Biryukov N.I. Russian political culture: cognitive approach. *Political science (RU)*. 2006, N 3, P. 47–74. (In Russ.)
- Biryukov N.I., Sergeev V.M. Between dualism and sobornost. Problem and mechanisms of social integration in modern society. *Social sciences and modernity*. 1998, N 4, P. 61–74. (In Russ.)
- Biryukov N.I., Sergeev V.M. *The formation of institutions of representative power in modern Russia*. Moscow: Agency “Publishing service”, 2004, 542 p. (In Russ.)
- DiMaggio P. Culture and economy. In: Radaev V.V. *Western economic sociology: the precept of modern classics*. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSPEN), 2004, P. 471–518. (In Russ.)
- Ilyin V.V., Achiezer A.S. *Russian civilization: content, boundaries, opportunities*. Moscow: Publishing house of the Moscow state university, 2000, 304 p. (In Russ.)
- Kantor K.M. *The double spiral of history: historiography of projectism. Vol.1: General problems*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002, 905 p. (In Russ.)
- Kirdina S.G. Sociocultural and institutional approach as a basis of positive sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2002, N 12, P. 119–130. (In Russ.)
- Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds). *Comparative historical analysis in the social sciences*. Cambridge; New York: Cambridge university press, 2003, 468 p.
- Matveeva S.Y. The divided society: The path and fate of Russia in the sociocultural theory by Alexander Ahieser. In: Akiezer A.S. *Russia: a critique of historical experi-*

- ence (Socio-cultural dynamics of Russia). Vol. 1. From the past to the future.* Novosibirsk: Siberian chronograph, 1997, P. 3–41. (In Russ.)
- Meyer D., Tarrow S. (eds). *The social movement society: contentious politics for a new century.* Lanham: Rowman and Littlefield, 1998, 279 p.
- North D. *Institutes, institutional changes and the functioning of the economy.* Moscow: Foundation of the economic book “Beginning”, 1997, 187 p. (In Russ.)
- Panov P.V. Institutionalism of rational choice. Potential and limits of possibilities. In: Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science: modern institutionalism and the political transformation of Russia.* Moscow: Russian academy of sciences, Institute of comparative political science, 2006, P. 43–92. (In Russ.)
- Panov P.V. Institutional order: approaches to reflection and research. *Political Science (RU).* 2009, N 3, P. 20–38. (In Russ.)
- Panov P.V. *Institutes, identities, practices: a theoretical model of political order.* Moscow: ROSSPEN, 2011, 227 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and domination: monograph.* Moscow: Political encyclopedia, 2024, 519 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. Dualism of mass consciousness and typology of mass politics. *Political science (RU).* 2017, N 3, P. 13–37. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *Domination versus politics: the Russian case. Effectiveness of institutional structure and potential of strategies for political change.* Moscow: Political encyclopedia, 2019, 319 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Russian everyday life and political culture: opportunities, problems and limits of transformation.* Moscow: ISPRAN, 1996, 198 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *Structures of domination, citizens and institutions.* Moscow: Political encyclopedia, 2020, 318 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *The constitution of modern politics in Russia: institutional problems.* Moscow: Political encyclopedia, 2018, 262 p. (In Russ.)
- Putnam R. *Making democracy work. Civic traditions in modern Italy.* Moscow: Ad marginem, 1996, 287 p. (In Russ.)
- Thelen K., Steinmo S. Historical institutionalism in comparative politics. In: Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. (eds). *Structuring politics: historical institutionalism in comparative analysis.* New York: Cambridge university press, 1992, P. 1–32.

Литература на русском языке

- Ахизер А.С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 51–64.
- Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 594 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
- Бирюков Н.И. Российская политическая культура: когнитивный подход // Политическая наука. – 2006. – № 3. – С. 47–74.

- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Между дуализмом и соборностью. Проблема и механизмы социальной интеграции в современном обществе // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 4. – С. 61–74.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. – 542 с.
- Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / С.Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 319 с.
- Димаджио П. Культура и хозяйство // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2024. – С. 471–518.
- Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Издательство МГУ, 2000. – 304 с.
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: [монография] / С.Г. Айвазова, А.В. Жаворонков [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с.
- Кантор К.М. Двойная спираль истории: историософия проектизма. Т. 1: Общие проблемы. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 905 с.
- Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // *Социс*. – 2002. – № 12. – С. 119–130.
- Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 262 с.
- Матвеева С.Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера / А.С. Ахиезер Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – С. 3–41.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 187 с.
- Панов П.В. Институционализм рационального выбора. Потенциал и пределы возможностей // *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России* / под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская академия наук, Институт сравнительной политологии, 2006. – С. 43–92.
- Панов П.В. Институциональный порядок: походы к осмыслению и исследованию // *Политическая наука*. – 2009. – № 3. – С. 20–38.
- Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 227 с.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.
- Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Дуализм массового сознания и типология массовой политики // *Политическая наука*. – 2017. – № 3. – С. 13–37.
- Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСПРАН, 1996. – 198 с.
- Структуры господства, граждане и институты / Жаворонков А.В. [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 318 с.

С.В. НИКИФОРОВ*

**ФОРПОСТЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И МОНГОЛИИ
КАК ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка синтеза институциональной и цивилизационной политологии для изучения форпостов межцивилизационного взаимодействия – мест пересечения пространства различных цивилизаций, на примере регионов, где происходит наложение друг на друга цивилизационных пространств России и Монголии. Актуальность работы связана с закреплением в российском и международном политическом дискурсе и юридических документах цивилизационных положений, а также динамичных и конфликтных трансформаций международной системы. Изучение данных явлений требует новых методологических инструментов, преодолевающих ограничения классического цивилизационного подхода и геополитики. В связи с этим автором ставится цель продемонстрировать возможности применения институциональной и цивилизационной политологии для анализа форпостов как особых элементов цивилизационного пространства. Автор показывает, что институциональная политология позволяет фокусироваться на иерархии идентичностей, практиках политических акторов, включая попытки конструирования цивилизационной идентичности как политической, и цивилизационных основаниях политических институтов, тогда как цивилизационная политология дает возможность учитывать наложение цивилизационных пространств друг на друга, выделять «форпосты межцивилизационного взаимодействия», которые не сводятся исключительно к геополитическим конфликтогенным разломам, ведущим к столкновению цивилизаций. На примере Забайкалья, Бурятии, Тувы и Калмыкии демонстрируется множественный характер идентичностей жителей данных регионов России, которые находятся на пересечении российского и монгольского цивилизационных пространств, и при котором общероссийская «гражданская» идентичность сосуществует с региональным

* **Никифоров Святослав Вадимович**, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: ursus-arktos@yandex.ru

самосознанием. Автор выделяет направления деятельности политических акторов, характерные для данных регионов и особенности протекающих в них цивилизационных процессов. В частности, внимание уделяется практикам поддержания этноконфессионального мира, специфике иерархий идентичностей местного населения, различиям в ценностных ориентирах молодежи, месту межкультурного диалога в жизни регионов и перспективам их становления как точек роста для российской публичной дипломатии. В заключении делается вывод, что позитивный опыт межкультурного диалога в форпостах может стать основой для успешного развития внутренней и внешней политики России в условиях формирования полицентричного миропорядка государств-цивилизаций.

Ключевые слова: институциональный подход; цивилизационный подход; институциональная политология; цивилизационная политология; государство-цивилизация; форпосты межкультурного взаимодействия России и Монголии.

Для цитирования: Никифоров С.В. Форпосты межкультурного взаимодействия России и Монголии как предметное поле институционального и цивилизационного подходов // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 68–87. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.04>

Введение

Развитие различных аспектов цивилизационного анализа в контексте политических наук является весьма насущным вопросом. Функционирование мест пересечения пространств разных цивилизаций является одной из малоизученных проблем цивилизационного анализа. Она особенно актуальна на фоне трансформации международной политической системы и формализации цивилизационных положений в политико-правовых документах целого ряда государств¹. При этом для России, в силу развитого цивилизационного дискурса и богатого этнокультурного и конфессионального состава населения, изучение таких межкультурных пространств имеет особую важность. Положение «Россия – государство (страна) – цивилизация» закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.², Стратегии национальной политики Российской Федерации 2025 г. и все чаще встречается в отечественном политическом³ и научном дискурсе [Багдаса-

¹ Например, КНР, США, Монголии и т.д.

² Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/?ysclid=mn8oigxd5p544530167> (дата посещения: 30.03.2026).

³ Путин В.В. Участникам Международной научно-практической конференции «Горный Алтай – прародина тюрков. К истории зарождения тюркской

рян, 2022; Государство-цивилизация..., 2023; Желифонов, 2024; Ильичева, Лапин, Ильичева, 2024]. Фигурирует она и в высказываниях наших политиков самого высокого уровня¹.

Усилия современных исследователей опираются на концепции основоположников цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера), но стремятся унифицировать терминологический аппарат и разрешить ряд важных теоретико-методологических проблем [Листвина, Орлов, 2007, с. 174–189]. В частности, преодолеть недостатки классического цивилизационного подхода стремится цивилизационная политология – научное направление, возникшее на материале богатого исследовательского опыта совместного российско-монгольского научного коллектива, представленного учеными ведущих российских и монгольских научных организаций² [Железняков, Чулуунбаатар, 2023, с. 18–30]. За счет стереоскопического понимания цивилизационного и политического пространства, она в сочетании с институциональной политологией в наибольшей степени подходит для решения поставленной задачи.

Институциональная политология позволяет рассмотреть цивилизационные и политические процессы с точки зрения институционального взаимодействия, изучения отдельных практик и связей акторов цивилизационных и политических процессов, а цивилизационная политология позволяет учесть взаимовлияние политического и цивилизационного пространств, включая несовпадение границ, их наложение и образование гибридных пространств – форпостов.

Не определение цивилизации является целью этой статьи, а попытка синтеза институциональной и цивилизационной политологии для изучения форпостов межкультурного взаимодействия, однако для операционализации терминов нами будет взят за основу подход синергетики, понимающей цивилизацию как открытую динамично развивающуюся неравновесную самооргани-

цивилизации» (Приветствие Президента РФ В. В. Путина) // Сайт Президента РФ. 8 октября 2024 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/75282> (дата посещения: 30.03.2026.).

¹ Там же.

² Институт востоковедения РАН, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Институт Китая и современной Азии РАН, МГИМО (У) МИД РФ (например, А.С. Железняков, З.Т. Голенкова, Т.Н. Литвинова, С.В. Никифоров) – с российской стороны; Институт истории и этнологии, Институт философии, Институт международных отношений АН Монголии (например, академики Г. Чулуунбаатар, Ч. Дашдаваа, Л. Хайсандай, Б. Энхтувшин С. Чулуун и др.).

зующуюся систему [Асланов, 2020, с. 7], но наряду с этническим фактором нами будут рассматриваться в качестве субстратов цивилизационной идентичности также и иные, отмеченные классиками цивилизационного подхода, в частности культура, религия и общность исторической судьбы.

Подходы цивилизационной и институциональной политологии

С точки зрения цивилизационной политологии пространства отдельных цивилизаций перемешиваются друг с другом в ходе их взаимодействия. За пределами не имеющих четких границ ядер (центров) цивилизаций и выделяются особые зоны – форпосты, в которых происходит взаимодействие разных цивилизаций [Железняков, 2024, с. 185; Железняков, Чулуунбаатар, 2023, с. 10–16]. Опирируя инструментарием институциональной политологии, форпосты межкультурного взаимодействия можно определить как территории на пересечении цивилизационных пространств, где сосуществуют гибридные институты (нормы, объединения, практики) и институциональные поля разных цивилизаций.

Концептуально близкими терминами являются цивилизационное пограничье, которое понимается как «некое пространство (линии)» между несколькими цивилизациями [Садовский, 2015, с. 61] и фронтир как «взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [Андреева, 2014, с. 12–13].

В отличие от пограничья и фронта, форпост – это территория, одновременно принадлежащая разным цивилизациям, а не место столкновения их границ¹. Кроме того, форпост подразумевает и возможность существования пространств цивилизационных «анклавов», что в опирающихся на геополитическую парадигму концепциях представляется трудновообразимым. Примером может

¹ См. подробнее: Никифоров С.В. Межкультурные форпосты как вызовы и катализаторы политического и цивилизационного развития // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. – С. 445–446.

служить Калмыкия – регион, географически удаленный от Монголии, но исторически являющийся форпостом монгольской цивилизации в России.

«Государство-цивилизация» – политико-правовое понятие и может пониматься как государство, берущее ответственность за будущее цивилизации, чье цивилизационное ядро (центр) расположено на его территории. «Цивилизационный форпост» относится к цивилизационному пространству, а не политическому. Так, государственные границы не будут в большинстве случаев соответствовать границам цивилизационным, поэтому в нашем понимании границы русской цивилизации выражает именно концепт «Русский мир», а не «Россия – государство-цивилизация», выражающий стремление нашего государства защищать цивилизационную идентичность и обеспечить сохранение русской цивилизации. Поэтому и территории форпостов также не могут быть соотнесены исключительно политико-административными границами или приграничной территорией отдельных государств, хотя нередко с ними и совпадают.

Цивилизационная политология рассматривает субстраты цивилизации как иерархию идентичностей, уникальную для каждой цивилизации. Тем самым разрешается вопрос о единственном критерии, определяющем цивилизационную целостность. Надо отметить, что термин «иерархия идентичностей», как правило, применяется в общественных науках без дополнительной операционализации. Однако имеющиеся определения (например, она понимается как «множественность идентификаций, выстроенных в определенную иерархию» [Назукина, Подвинцев, 2013, с. 47]) во многом отражают и наш подход.

В рамках цивилизационной политологии цивилизационное пространство понимается двудеино: и с точки зрения сетевых отношений на уровне отдельных индивидов – представителей цивилизации, распространившихся по всему миру, и с точки зрения цивилизационного ядра, занимающего конкретные географические пространства. При этом немаловажным становится понимание наложения пространств различных цивилизаций друг на друга, что обуславливает их взаимовлияние и взаимозависимость [Железняков, 2008].

Институциональный подход в широком смысле, в рамках междисциплинарных общественных исследований, может быть охарактеризован рядом особенностей. Как отмечает Ю.В. Ирхин, к ним относятся: осмысление политического института как установ-

ления, как политического образования, как устойчивого типа политического поведения и как устойчивого социально-политического ценностно-нормативного или ролевого взаимодействия [Ирхин, 2015, с. 11]. В то же время предметное поле институциональной политологии является более узким [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 13]. Институциональная политология отказалась от контекстуализма, редукционизма, инструментализма, утилитаризма и функционализма в понимании политики [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 25].

Среди критериев институционального анализа в политической науке в качестве ключевого можно выделить рассмотрение политического процесса и пространства сквозь призму отдельных институтов, причем их можно также определять многомерно как «политическое установление» (нормативная составляющая), «политическую организацию, объединение людей» и как «устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий, процедуре, механизме» [Патрушев, 2001, с. 152].

Следующим важным критерием, дополняющим первый, может считаться «рассмотрение институтов с точки зрения их правовой законности и общественной легитимности, и взаимной совместимости» [Шестов, 2018, с. 432]. Де-факто это синтез правовой сути политического института (норм, лежащих в основе политической деятельности) с концепцией легитимности, что позволяет включить в предметное поле институциональной политологии вопрос о роли легитимации политических практик и действий отдельных акторов.

Аналогично ему можно выделить еще также и условно «властный» критерий, предполагающий восприятие институциональных процессов через концепты «власть», «управление» и «господство» (в частности, определение соотношения данных понятий при операционализации этих терминов к условиям существующей политической реальности [Недяк, 2024, с. 102–162]).

Важным для работы является критерий определения рамок исследования посредством выделения отдельного институционального пространства в виде «институциональной среды» и «институционального пространства». Причем второе в рамках институционального анализа делает акцент на влиянии складывающейся среды на существующие в его рамках институты и среди прочего в отдельных концепциях стремится объяснить иррациональность акторов посредством данного влияния [Панов, 2018, с. 139–144].

Конечно, необходимо отметить, что критерии институциональной политологии отличаются и могут иметь разные определения, вместе с тем отражая общую суть: исследователь, используя институциональную политологию, стремится найти и изучить «некие зоны (или сферы) относительной устойчивости (институционализируемая политика) либо неустойчивости (неинституционализируемая политика) структур, механизмов и ресурсов политики, интересов ее субъектов» [Шестов, 2018, с. 434].

Еще одним критерием можно считать рассмотрение идентичности(-ей) с точки зрения влияния институтов на ее (их) формирование в контексте выявления структуры и структуриации идентичностей [Воденко, Черных, 2015]. При этом в контексте политических наук особое внимание уделяется гражданской и политической идентичности. Институты же, традиционно связываемые с цивилизационным измерением (например, религиозные и этнические группы), воспринимаются как факторы, непосредственно формирующие идентичность гражданскую или социальную, что во многом является упрощением, поскольку «за кадром» остаются идентичности, напрямую формируемые отдельными институтами (те же конфессиональная и этническая идентичности также формируются в ходе институциональных практик).

Принципы институционального анализа также могут различаться в зависимости от позиций отдельных исследователей. Однако можно выделить один фундаментальный – важность институтов. Он, например, в контексте неoinституционализма может пониматься как «представление о политических институтах как реальных акторах, имеющих собственные интересы и определяющих направления и модели активности людей в политике посредством установления ограничений индивидуального выбора» [Ваславский, Габуев, 2016, с. 63]. И также пониматься как свойственный непосредственно институциональной политологии «отказ от предположений о возможности полной информации и о “Суперрациональности” индивида» [Патрушев, 2001, с. 155].

Можно обозначить критерии, которые будут рассмотрены в контексте проблематики форпостов. Таковыми будут рассмотрение политического процесса на их территории в цивилизационном ключе сквозь призму отдельных институтов в их нормативном¹, организационном² и практическом проявлении¹. В том числе эти

¹ Нормы, выраженные в том числе посредством политико-правовых актов.

² Отдельные организации, влияющие на политический процесс.

критерии связаны с вопросом легитимизации власти и основаны на концепции институционального поля и институциональной среды, ограниченной цивилизационным пространством форпостов и позволяющей объяснить общие тенденции развития политических процессов схожими цивилизационными особенностями данного выделяемого пространства. Помимо этого, внимание будет уделено и вопросу идентичностей, выявления тех институтов и институциональных практик, которые формируют отдельные идентичности и влияют на образование своеобразной «иерархии идентичностей».

Применительно к исследованию пространства форпостов межкультурного взаимодействия, в которых происходит «наслаивание» пространства разных цивилизаций, институциональный подход может фокусироваться на иерархии идентичностей, практиках акторов, цивилизационных основаниях институтов и проблеме конструирования цивилизационной идентичности.

Цивилизационные границы форпостов России и Монголии

Россия представляет собой государство-цивилизацию, которое своими корнями врастает в пространство Центральной Евразии [Железняков, 2024]. В свою очередь, Центральная Евразия – это максимально суженное общее пространство, где переплетаются три мировые цивилизации: русская, монгольская и китайская. Разумеется, за пределами этого переплетения каждая из них взаимодействует и с остальным миром – исламским, западным, индийским. Иными словами, Центральная Евразия – это зона наложения друг на друга Большой исторической России, Большой исторической Монголии и Большого исторического Китая. В центре этого пространства находится обширнейший регион, где почти 2500 лет назад зародилась цивилизация многочисленных в основном кочевых народов, которые впоследствии построили великие степные империи. Наиболее крупная из них – Монгольская империя – охватила своими границами территории от русских княжеств до Китая.

Территории потомков кочевых народов образуют цивилизационные пространства, связанные с прошлым всего региона: «Это отражается в широко используемых названиях: тюрко-монгольский, татаро-монгольский, индо-тибето-монгольский, русско-

¹ Сложившиеся практики политических акторов.

монгольско-китайский. За ними стоят целые “миры”, “эпохи”, “цивилизации” и “коридоры”. Сейчас это прежде всего экономический коридор Россия – Монголия – Китай» [Железняков, Чулуунбаатар, 2023, с. 18–30].

Империи Внутренней Азии стали триггером роста не только монгольской, но также русской и китайской цивилизаций. Благодаря этому формировалось многослойное цивилизационное пространство Центральной Евразии, состоящее из больших исторических России, Монголии и Китая. Здесь возникали общие форпосты трех цивилизаций.

Форпосты отдельных цивилизаций, нередко становящиеся местом взаимодействия на линиях сопряжения цивилизационного пространства, порождают особо активное взаимодействие цивилизаций друг с другом.

Регионы и трансграничные пространства, в которых на протяжении длительного времени соприкасаются разные цивилизации, определяются в качестве их форпостов. Так, например, Санкт-Петербург и Калининград можно рассматривать в качестве форпостов взаимодействия западной и русской цивилизации, а Внутреннюю Монголию и исторический регион Маньчжурии – форпостами взаимодействия монгольской (кочевой) и китайской (конфуцианской) цивилизации. Особый интерес для цивилизационной политологии представляют те регионы России, в которых происходит соприкосновение русской и монгольской цивилизации. Форпостами их взаимодействия можно считать республики Бурятия, Тыва, Калмыкия.

Институциональный анализ форпостов межцивилизационного взаимодействия России и Монголии

Выявив границы и некоторые особенности данных форпостов, опираясь на цивилизационную политологию, попробуем применить институциональный анализ для определения характерных норм, практик и организаций-институтов в данных форпостах, их роли в формировании иерархии идентичностей, развитии политического процесса и вопроса легитимации власти.

Но прежде всего отметим, что рамки институциональной среды или институционального поля для форпостов межцивилизационного взаимодействия будут также определяться характерными «цивилизационными институтами», к которым на основании

представлений классиков цивилизационного подхода мы можем отнести религиозные институты, этнокультурные группы, институциональные практики, направленные на поддержание общности исторической судьбы жителей форпостов, развитие межкультурного диалога России и Монголии. При этом необходимо учитывать, что так же, как в случае с государством и цивилизацией, политико-правовые границы для институционального поля не будут в точности совпадать с границами отдельных субъектов и пограничных территорий. Оно будет шире, в большей степени обладая сетевым характером, в частности, за счет тех самых «цивилизационных» институтов, например буддийских религиозных объединений (сангх), принадлежащих к северному (тибетскому) течению данной конфессии.

Буддийская традиционная сангха России (далее – БТСР) формально действует на территории всей нашей страны, но обладает наибольшим влиянием в Республике Бурятия. Вместе с ней существует множество небольших буддийских общин, отдельные храмы и монастыри, расположенные как на территории России, так и в Монголии и Тибете. Они также оказывают значительное влияние на формирование конфессиональной идентичности жителей указанных выше форпостов и за их пределами. Деятельность БТСР – пример институциональной практики. Она конституирует конфессиональную, региональную и этнокультурную идентичности через проект Буддийского возрождения и «сакральную географию», нацеленных на создание единого пространства и системы связей между буддийскими верующими и религиозными институтами [Бадмацыренов, Родионов, 2020, с. 62–85].

Примечательна практика легитимации власти через религиозные организации в истории рассматриваемых форпостов. Непосредственную роль в этом процессе играют религиозные организации. Так, отмечается, что бурятские ламы, начав провозглашать российских правителей воплощением Белой Тары (бодхисатвы) [Урбанаева, 2013, с. 41] еще со времен Елизаветы Петровны, де-факто легитимировали буддизм в качестве одной из конфессий Российской империи. Сегодня они продолжают эту традицию (прерванную ранее в советский период нашей истории)¹.

В рамках институциональной практики в сфере общего исторического наследия стоит обратить внимание на работу, проде-

¹ Медведев стал Белой Тарой // Газета.Ru. – 24.08.2009 г. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/24_kz_3239833.shtml (дата посещения: 05.05.2026).

лываемую общественными деятелями и руководством Забайкалья, Калмыкии и Бурятии в вопросе сохранения общей исторической памяти, которая в последние годы проявляется в том числе в стремлении, традиционно характерном для Монголии и КНР, установить памятники, посвященные Чингисхану. Его место рождения точно не установлено и может располагаться как на территории Монголии, так и России. Данные инициативы вызвали широкие общественные дискуссии, прежде всего в регионах-форпостах¹. Культурные и спортивные фестивали бурятов, тувинцев и монголов выступают «цивилизационным» институтом, формирующим и укрепляющим этнокультурную идентичность и институциональное поле форпостов².

В нормативном разрезе важным становится формальное закрепление «цивилизационной проблематики» в законодательстве субъектов, на территории которых располагаются форпосты. Наиболее заметно это в вопросе регулирования отношений церкви и государства как исторически одних из самых влиятельных социальных институтов. Так, в Бурятии в 1997 г. четыре конфессии получили статус традиционных (буддизм, православие, старообрядчество и шаманизм), но через три года это понятие исчезло из законодательства³.

Схожие тенденции прослеживаются и в Туве. В частности, Закон Республики Тыва № 253 «О свободе совести» от 1995 г. относит к числу традиционных конфессий шаманизм, буддизм и православие⁴. При этом, в отличие от Бурятии, данное положение

¹ См. например: В Калмыкии установили первый в России памятник Чингисхану. – Режим доступа: <https://tass.ru/v-strane/6986166> (дата посещения: 05.05.2026); Памятник Чингисхану в Забайкалье: шаг к примирению или новая линия разлома? – Режим доступа: <https://burunen.ru/news/society/141437-pamyatnik-chingiskhanu-v-zabaykale-shag-k-primireniyu-ili-novaya-liniya-razloma/> (дата посещения: 05.05.2026); Великий хан на плато Танхар. – Режим доступа: <https://gazeta-n1.ru/news/society/159185/> (дата посещения: 05.05.2026).

² Например: Бурятский праздник Алтаргана. – Режим доступа: <https://altargana.info/#about> (дата посещения: 05.05.2026); Игры трех мужей (Наадам или Наадан). – Режим доступа: https://psosh1-djida.gosuslugi.ru/netcat_files/201/4876/Surharban_Tri_igry_muzhey.pdf (дата посещения: 05.05.2026) и т.д.

³ Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/29550105> (дата посещения: 05.05.2026).

⁴ Закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 года № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» // Электронный фонд правовых и нормативно-

сохранилось во всех последующих редакциях тувинского закона без изменений. Кроме того, в 1998 г. в Республике утвердили Концепцию национальной политики, которая закрепляла нормы о международных и внешнеэкономических связях, а также о поддержке контактов с иностранными организациями, прежде всего с религиозными. Это имело особое значение для организации обучения лам за рубежом и приглашения иностранных священнослужителей в Туву [Тарбастаева, 2020, с. 14]. Подобные меры были обусловлены необходимостью преодоления разрыва в религиозной традиции, произошедшего в регионе в XX столетии.

На вопросе формирования иерархии идентичностей остановимся отдельно. Можно применить одновременно и цивилизационную политологию для определения отдельных идентичностей как субстратов цивилизационной идентичности, так и институциональную – для определения институтов, которые влияют на их формирование и развитие (что можно было проследить в указанных выше примерах). Конфессиональный и этнокультурный состав форпостов в данном контексте будет предметом анализа, нацеленного на определение иерархий идентичностей-субстратов – определение «главенствующих» идентичностей среди их жителей, соотношения с гражданской и региональной идентичностями.

На примере Байкальского региона отдельные исследования показывают, что его население очень разнородно. В нем переплетаются множество идентичностей: этнических, культурных, религиозных, языковых. Отдельно исследователями отмечается также общность исторической судьбы и природного ландшафта. Хотя у жителей есть и общероссийская (государственная) идентичность, она часто уступает место региональному самосознанию [Антонов, Очирова, 2016, с. 255–256].

Ученые подчеркивают, что россияне сегодня обладают множественной идентичностью. Среди ее видов они выделяют кланово-родовую, территориально-блоковую, этноконфессиональную, национальную, байкальскую (как особую территориальную) и общероссийскую. Кроме того, они вводят понятие «особых уровней измерения» – идентичностей, характерных для конкретных групп. Например, «буряты-казаки» (из-за общей судьбы с монголами), бурят-монгольская (цивилизационный уровень) и «азиаты» (обусловленная географией) [Антонов, Очирова, 2016, с. 255–256].

Переплетение цивилизаций – это благо, но лишь при условии, что в их общих форпостах имеется взаимопонимание. В Забайкалье произошло знаменательное событие: был открыт мемориальный комплекс «Котел дружбы трех стран»¹, символизирующий культурное единство в форпосте общего цивилизационного пространства Россия – Монголия – Китай.

В Бурятии, несмотря на пестрый этнокультурный и религиозный состав жителей республики (среди населения есть и русские-старообрядцы, и новоправославные русские, и буряты-буддисты и буряты-шаманисты), царит этноконфессиональный мир. Согласно мнению исследователей и данным опросов, другая религия или этническая принадлежность не является для большинства населения ни поводом для конфликтов, ни мотивом испытывать какую-либо неприязнь [Жалсанова, 2020].

Аналогичная ситуация и в Туве, развивающейся в условиях постоянного межкультурного взаимодействия, где в условиях трансформаций, переживаемых современным обществом, молодежь тем не менее не утрачивает, а сохраняет духовные ценности ориентиры, фактически воплощая на общественном уровне стремление к обеспечению цивилизационной безопасности [Ноянзина, Максимова, Омельченко, 2023].

Сложность социокультурного состава Калмыкии дополняется также и новым конфессиональным фактором. Вкупе с православием и буддизмом в других рассмотренных нами форпостах межкультурного взаимодействия значимую роль в жизни граждан здесь играет и ислам. При этом представители всех трех конфессий гармонично сосуществуют и успешно взаимодействуют друг с другом, ведя активную общественную деятельность и находясь в постоянном контакте с региональными властями [Уланов, 2019]. Вместе с тем для молодежи Калмыкии духовные ценности не находятся в числе важнейших приоритетов, что не мешает молодым людям высоко ценить патриотизм, стремиться создать крепкую семью и интересоваться историей своей малой родины [Авеева, Задваева, 2023]. В этой связи представляется обоснованным рассмотрение возможности определения ключевых факторов, способствующих формированию различных ценностных ориенти-

¹ «Котел дружбы трех стран» открыли на территории Прионья в рамках Забайкальского внешнеэкономического форума «Новые горизонты» // Официальный портал Забайкальского края. – Режим доступа: <https://75.ru/news/371210> (дата посещения: 30.03.2026).

ров молодежи Калмыкии и Тувы и последующего учета их в формировании государственной политики в регионах-форпостах межкультурного взаимодействия.

Рассматривая проблематику цивилизационной и государственной безопасности, можно отметить, что большинство представителей традиционных религий, играющих значимую роль в обеспечении межкультурного взаимодействия регионов-форпостов, поддерживали проведение Специальной военной операции России на Украине и массово присутствуют в зоне ее проведения, а также активно занимаются гуманитарной деятельностью по поддержке участников СВО, мирных жителей регионов и беженцев, которых затронули военные действия [Третьяков, 2024].

Хотя на текущий момент исследований, направленных на выявление отношения населения в форпостах межкультурного взаимодействия к конфликту на Украине и юге России как экзистенциальному вызову российской цивилизации, проведено не так много, данные отдельных эмпирических исследований позволяют сделать вывод о том, что, например, жители исследуемых форпостов в большинстве своем поддерживают проведение СВО, что может также косвенно свидетельствовать о цивилизационной самоидентификации россиян [Отношение жителей республики..., 2022].

Заключение

В заключение отметим, что использование инструментария институциональной и цивилизационной политологии при анализе форпостов цивилизационного взаимодействия России и Монголии позволяет установить, что воспроизводство современными россиянами опыта форпостов межкультурного взаимодействия в строительстве межкультурного и этнокультурного мира в России является значимым вопросом. Именно от ответа на него зависит будущее развитие Российской Федерации как государства-цивилизации, поддержание межнационального мира внутри нашей страны и гармоничное выстраивание отношений с государствами, существующими в цивилизационном пространстве других цивилизаций.

Складывающаяся иерархия идентичностей и политические практики жителей форпостов указывают на значимость цивилизационного фактора в государственном строительстве и социальной жизни нашей страны. Таким образом, выявлена необходимость

учета не только политической нации граждан, но и их цивилизационной идентичности при реализации Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. и Стратегии национальной политики Российской Федерации 2025 г. Это обретает особую значимость в условиях турбулентного транзита к многополярному миропорядку, в котором ведущую роль играют государства-цивилизации, объединяющиеся в новые институты международных отношений, зиждущиеся на межкультурном взаимодействии, такие как ШОС и БРИКС. Позитивный исторический опыт межконфессионального, межэтнического и межкультурного диалога, воспроизводящийся все новыми поколениями, может стать основой для развития новых направлений внутренней и внешней политики России, основывающихся на идее межкультурного взаимодействия и строительства государства-цивилизации.

S.V. Nikiforov*

Outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia as a subject field of institutional and civilizational approaches

Abstract. This article attempts to bridge institutional and civilizational political science in order to examine the outposts of inter-civilizational contact—areas where different civilizational spaces intersect. It does so through a case study of regions where Russian and Mongolian civilizational domains overlap. Civilization approach in international studies is becoming of paramount importance because of civilizational positions are fixed in Russian and international political discourse and legal documents, as well as in the international system of dynamic and conflict transformation. The study of these phenomena requires new methodological tools that overcome the limitations of the classical civilization approach and geopolitics. The author shows that institutional political science allows to focus on hierarchical identities and practical political actors, including attempts to construct civilizational identity as political and civilization-based political institutions, while civilizational political science makes it possible to take into account the superimposition of civilizational spaces on each other, to highlight “outpost intercivilizational interactions”, which are not seen solely as geopolitical cleavages, leading to civilization clashes. The cases of Transbaikalia, Buryatia, Tuva, and Kalmykia, demonstrate the multiple character of the identities of the inhabitants of these regions of Russia, which simultaneously exist in the Russian and Mongolian civilizational spaces, with the common Russian “citizen” identity coexisting with regional self-awareness. The author highlights the directions of activity of political actors, characteristic of these regions and especially the civilizational processes

* **Nikiforov Svyatoslav**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ursus-arktos@yandex.ru

occurring in them. Such attention is paid to the practice of maintaining ethno-confessional peace, the specific hierarchical identity of the local population, the orientation of young people to the differences in values, the place of intercivilizational dialogue in the life of the regions, and the prospects of becoming a major growth point for Russian public diplomacy. The author concludes that the positive experience of the intercivilizational dialogue in the outpost can become the basis for the successful development of Russia's internal and external policy in the conditions of the formation of a polycentric world order of state-civilizations.

Keywords: institutional approach; civilizational approach; institutional political science; civilizational political science; state-civilization; outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia.

For citation: Nikiforov S.V. Outposts of intercivilizational interaction between Russia and Mongolia as a subject field of institutional and civilizational approaches. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 68–87. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.04>

References

- Andreeva A.A. «Frontier» as a cultural-historical category. *Bulletin of the Maikop state technological university*. 2014, N 3, P. 11–15. (In Russ.)
- Antonov V.I., Ochirova O.A. Russian identity as a factor of national security in the focus of modern migration processes: regional features and contradictions. *Ensuring national security of Russia in the modern world: Proceedings of international scientific-practical conference*. Irkutsk: BSU, 2016, P. 253–260. (In Russ.)
- Aslanov L.A. *Civilizational analysis of global processes: a tutorial*. Moscow: LENAND, 2020, 344 p. DOI: <https://doi.org/10.29003/m1381.978-5-317-06392-4> (In Russ.)
- Aveeva B.M., Zadvaeva L.N. Patriotism and civic consciousness in the hierarchy of values of the youth of Kalmykia. *Bulletin of the IKIAT*. 2023, N 46, P. 83–90. (In Russ.)
- Aveeva B.M., Zadvaeva L.N., Kal'dinova G.P., Mantsaev N.G., Ubushieva O.A., Unkurov E.Yu. Attitude of the residents of the republic to awarding the title of hero of Russia to natives of Kalmykia. *Bulletin of the IKIAT*. 2022, N 45, P. 72–81. (In Russ.)
- Badmatsyrenov T.B., Rodionov V.A. Buddhist revival and the construction of the Buddhist community in modern Buryatia. *State, religion, church in Russia and abroad*. 2020, N 1 (38), P. 62–85. (In Russ.)
- Bagdasaryan V.E. The concept of a civilization-state: problems of methodology and political implementation. *Central Russian bulletin of social sciences*. 2022, Vol. 17, N 6, P. 15–29. (In Russ.)
- Ilyicheva L.E., Lapin A.V., Ilyicheva M.V. Moderate conservatism as the ideology of the Russian state-civilization. *Vlast*. 2024, Vol. 32, N 2, P. 24–42. (In Russ.)
- Irhin Yu.V. Rethinking institutional approaches in political science: new perspectives. *Vestnik RGGU. Series: Politology. History. International relations*. 2015, N 1, P. 9–20. (In Russ.)
- Listvina E.V., Orlov M.O. Life space civilization. *Philosophy and society*. 2007, N 1 (45), P. 174–189. (In Russ.)

- Melville A.Yu. New challenges for political science. *Political science (RU)*. 2024, N 2, P. 16–36. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.02.01> (In Russ.)
- Nazukina M.V., Podvintsev O.B. The Russian Federation as a system and hierarchy of identities. *Bulletin of the Perm federal research center*. 2013, N 4, P. 35–42. (In Russ.)
- Nedyak I.L. Power and dominance. In: Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and dominance: Monograph*. Moscow: Political encyclopedia, 2024, P. 102–162. (In Russ.)
- Noyanzina O.E., Maksimova S.G., Omelchenko D.A. Life perspectives of young people based on traditional and modernizing values in construction (Tuva and other regions). *Novye issledovaniya Tuvy*. 2023, N 1, P. 154–169. DOI: <http://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.9> (In Russ.)
- Panov L.G. Political field and institutional logic. *Political science (RU)*. 2018, N 2, P. 136–150. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and domination: monograph*. Moscow: Political encyclopedia, 2024, 519 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. Institutionalism in political science: stages, trends, ideas, and problems. *Political science (RU)*. 2001, N 2, P. 146–186. (In Russ.)
- Sadovsky A. Civilizational borderland between Western and Eastern Europe: foundations and research methodology sociology: scientific and theoretical journal. *Belarusian state university*. 2015, N 4, P. 60–66. (In Russ.)
- Shestov N.I. A simple and complex institutional method of political research. *Proceedings of the Saratov university. A new series. Series: Sociology. Political science*. 2018, Vol. 18, N 4, P. 430–435. DOI: <http://www.doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-430-435> (In Russ.)
- Tarbasteva I.S. The role of religion in the national policy of the Republic of Tuva: analysis of state programs (2013-2020). *Bulletin of the Buryat state university*. 2020, N 3, P. 11–20. (In Russ.)
- Tretyakov A.V. State-religious relations in crisis situations: support for special military operations in Russian religious organizations. *Voprosy teologii*. 2024, Vol. 6, N 2, P. 301–316. (In Russ.)
- Ulanov M.S. Religii v transkulturnom espertimi Kalmykii i regionalnyi opyt ukraleniya mezhfessesfannykh otsheniya. *Bulletin of the institute for comprehensive research of arid territories*. 2019, N 1 (38), P. 80–82. DOI: <http://www.doi.org/10.24411/2071-7830-2019-10021> (In Russ.)
- Urbanaeva I.S. Buddhist connotation of the buryat national question in the retrospective of intercivilizational interactions. *Eurasianism and the World*. 2013, N 1, P. 39–56. (In Russ.)
- Vaslavsky Ya.I., Gabuev S.V. The neoinstitutional approach as a methodological basis for the study of e-government. *Bulletin of MGIMO University*. 2016, N 6 (51), P. 60–75. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-60-75> (In Russ.)
- Vodenko K.V., Chernykh S.S. Institutional aspects of the structuring of civil identity in contemporary Russian society. *Humanities of the South of Russia*. 2015, N 3, P. 27–34. (In Russ.)

- Zhalsanova V.G. Interethnic relations in the Republic of Buryatia in the modern period (based on sociological research). *Theory and practice of social development*. 2020, N 3 (145), P. 18–22. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.3.2> (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S. Civilizational political science: theories and approaches (Analytical review). *Civilizational interaction of Russia and Mongolia in the Eurasian space*. Ulaanbaatar: Institute of philosophy of the Mongolian academy of sciences, 2023, P. 18–30. (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S. Civilization spaces: problems of glocalization. In: Gorshkov M.K. (ed.). *Russia in global processes: search for prospects*. Moscow: Institute of sociology, Russian academy of sciences, 2008, P. 297–314. (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S. The space of civilizational dialogue between Russia and Mongolia: Central Eurasia. *Proceedings of the institute of history, archaeology and ethnography FEB RAS*. 2024, N 44, P. 171–190. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-171-190> (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S., Chuluunbaatar G. Introduction. *Civilizational interaction of Russia and Mongolia in the Eurasian space*. Ulaanbaatar: Institute of philosophy of the MAS, 2023, P. 10–16.
- Zhelifonov M.P. Formation of state-civilization «Russia». *Universum: public sciences*. 2024, N 5 (108), P. 4–10. (In Russ.)
- Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. Gosudarstovo-civilization: concept, essence, structure. *Education and law*. 2023, N 9, P. 80–88. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Авеева Б.М., Задваева Л.Н. Патриотизм и гражданственность в иерархии ценностей молодежи Калмыкии // Вестник ИКИАТ. – 2023. – № 46. – С. 83–90.
- Андреева А.А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – № 3. – С. 11–15.
- Антонов В.И., Очирова О.А. Российская идентичность как фактор национальной безопасности в фокусе современных миграционных процессов: региональные особенности и противоречия // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: материалы международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 26–27 мая 2016 г.). – Иркутск: Издательство БГУ, 2016. – С. 253–260.
- Аслазов Л.А. Цивилизационный анализ глобальных процессов: учебное пособие. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 344 с. – DOI: <https://doi.org/10.29003/ml1381.978-5-317-06392-4>
- Багдасарян В.Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 15–29.
- Багмацыренов Т.Б., Родионов В.А. Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – № 1 (38). – С. 62–85.
- Ваславский Я.И., Габуев С.В. Неинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО–

- Университета. – 2016. – № 6 (51). – С. 60–75. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-60-75>
- Воденко К.В., Черных С.С. Институциональные аспекты структуризации гражданской идентичности в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 3. – С. 27–34.
- Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура / Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина, А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова, И.П. Чупина // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 80–88.
- Жалсанова В.Г. Межнациональные отношения в Республике Бурятия в современный период (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 3 (145). – С. 18–22. – DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.3.2>
- Железняков А.С. Цивилизационная политология: теории и подходы (Аналитический обзор) // Цивилизационное взаимодействие России и Монголии в пространстве Евразии. – Улан-Батор: Институт философии МАН, 2023. – С. 18–30.
- Железняков А.С. Пространство цивилизационного диалога России и Монголии: Центральная Евразия // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2024. – № 44. – С. 171–190. – DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-171-190>
- Железняков А.С. Цивилизационные пространства: проблемы глокализации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 297–314.
- Железняков А.С., Чулуунбаатар Г. Введение // Цивилизационное взаимодействие России и Монголии в пространстве Евразии. – Улан-Батор: Институт философии МАН, 2023. – С. 10–16.
- Желифонов М.П. Формирование государства-цивилизации «Россия» // Universum: общественные науки. – 2024. – № 5 (108). – С. 4–10.
- Ильичева Л.Е., Лапин А.В., Ильичева М.В. Умеренный консерватизм как идеология российского государства-цивилизации // Власть. – 2024. – Т. 32, № 2. – С. 24–42.
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: монография / С. Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с.
- Ирхин Ю.В. Переосмысливая институциональные подходы в политических науках: новые перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2015. – № 1. – С. 9–20.
- Листвина Е.В., Орлов М.О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. – 2007. – № 1 (45). – С. 174–189.
- Мельвил А.Ю. Новые вызовы для политической науки // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 16–36. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.01>
- Назукина М.В., Подвинцев О. Б. Российская Федерация как система и иерархия идентичностей // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2013. – № 4. – С. 35–42.
- Недяк И.Л. Власть и господство // Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в

- пространстве власти и господства: монография / С.Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – С. 102–162.
- Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Омельченко Д.А. Традиционное и модернизационное в конструировании ценностных оснований жизненных перспектив молодежи (Тува и другие регионы) // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 154–169. – DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.9>
- Отношение жителей республики к присвоению звания Героя России уроженцам Калмыкии / Б.М. Авеева, Л.Н. Задваева, Г.П. Кальдинова, Н.Г. Манцаев, О.А. Убушиева, Э.Ю. Ункуров // Вестник ИКИАТ. – 2022. – № 45. – С. 72–81.
- Панов Л.Г. Политическое поле и институциональная логика // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 136–150.
- Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С. 146–186.
- Садовский А. Цивилизационное пограничье между Западной и Восточной Европой: основания и методология исследований // Социология: научно-теоретический журнал. – 2015. – № 4. – С. 60–66.
- Тарбастаева И.С. Роль религии в национальной политике республики Тува: анализ государственных программ (2013–2020 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 11–20.
- Третьяков А.В. Государственно-религиозные отношения в кризисных ситуациях: поддержка специальной военной операции российскими религиозными организациями // Вопросы теологии. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 301–316.
- Уланов М.С. Религии в транскультурном пространстве Калмыкии и региональный опыт укрепления межконфессиональных // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2019. – № 1 (38). – С. 80–82. – DOI: <https://doi.org/10.24411/2071-7830-2019-10021>
- Урбанаева И.С. Буддийская коннотация национального вопроса бурят в ретроспективе межцивилизационных взаимодействий // Евразийство и мир. – 2013. – № 1. – С. 39–56.
- Шестов Н.И. Простой и сложный институциональный метод политического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 430–435. – DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-430-435>

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ Л.Е. ФИЛИПОВОЙ С С.В. ПАТРУШЕВЫМ, РУКОВОДИТЕЛЕМ ОТДЕЛА СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН

Для цитирования: Интервью Л.Е. Филипповой с С.В. Патрушевым, руководителем отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 88–102. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.05>

Л.Е. Филиппова. *Уважаемый Сергей Викторович, спасибо, что согласились на это интервью! В преддверии выхода номера журнала «Политическая наука», который озаглавлен «Институциональный порядок в России и мире: теория и практики в ракурсе институциональной политологии», давайте поговорим о том, что такое институциональная политология, институционализм как методология и как направление политической науки. Если оттолкнуться от готовящегося к публикации номера, то какая задача прежде всего стоит перед его редакторами-составителями?*

С.В. Патрушев. Я думаю, что первая задача, очевидно, – это представить направление исследований, то есть институциональные исследования. Но с легкой руки вашего собеседника эти институциональные исследования в России стали называться институциональной политологией, потому что в 2006 году вышла книжка под этим названием [Институциональная политология..., 2006], где были собраны работы ряда лет коллектива отдела сравнительных политических исследований (тогда он по-другому назывался). Эти исследования велись изначально на площадке Института международного рабочего движения, позднее, в тече-

ние непродолжительного времени, на площадке Института сравнительной политологии, который впоследствии был поглощен Институтом социологии и стал его частью. Название «Институциональная политология» возникло спонтанно в результате обработки ряда проектов, которые реализовывались в ИМРД. Когда возникла необходимость этот набор проектов как-то назвать, у меня возникла идея, что его можно назвать институциональной политологией. Предложил такое название, имея в виду, что речь идет об определенном направлении исследований.

По моему мнению, это направление можно назвать субдисциплиной политической науки. Не все с этим согласны по сей день, но тем не менее такая точка зрения существует.

Л.Е. Филиппова. *А на чем эта точка зрения основана? Что дает нам возможность говорить об институциональной политологии как о сформировавшейся субдисциплине политической науки?*

С.В. Патрушев. Вопрос о статусе субдисциплины не является праздным. Субдисциплины различаются не только предметом, но и методом исследования. Например, существование сравнительной политологии как субдисциплины политической науки обычно не вызывает сомнений, поскольку ее методологическим основанием является сравнительный метод: сопоставление политических понятий, процессов, институтов, режимов и иных явлений. По аналогии можно поставить вопрос: что является основным методом институциональной политологии? Ответ заключается в применении институционального подхода к анализу предмета политической науки.

Предмет политической науки можно определить как совокупность понятий, описывающих политические явления и процессы. Институциональный подход, в свою очередь, фокусируется на том, как институты воздействуют на эти явления и процессы. Институциональный подход можно использовать для изучения различных сфер социальной реальности. В институциональной экономике исследуется влияние институтов на экономические явления. В институциональной социологии – влияние институтов на социум. По той же логике институциональная политология должна анализировать влияние институтов на политическую сферу. Если мы используем институциональный подход, то нас интересует, как возникают институты, как они закрепляются в разных сферах социального, экономического, политического и культурного бытия и каким образом затем воздействуют на поведение акторов.

Л.Е. Филиппова. *Имеет смысл, наверное, вспомнить, как складывалась эта субдисциплина в мировой политической науке и в отечественной.*

С.В. Патрушев. Я бы сказал, что она возникла из двух источников. Первый источник – это возрождение институционального подхода в политической науке, которое связано с именами американских исследователей прежде всего. И второй – это увеличение количества институциональных исследований, то есть исследований, проводимых с использованием институционального подхода. Замечу, что само появление институционального подхода восходит еще к началу XIX века. Основоположителем институционального подхода является Бронислав Малиновский – американский исследователь польского происхождения, который, собственно говоря, ввел понятие «институт». Он по своему роду деятельности антрополог, то есть занимался изучением человеческих сообществ, самых разнообразных, в том числе совершал экспедиции в так называемые традиционные общества. Б. Малиновский обнаружил, что существуют некие явления, которые можно подвести под общее понятие «институт». Им можно обозначить определенные типы поведения, традиций, обычаев, действий и так далее [Малиновский, 2005]. То есть понятие «институт» изначально возникло в антропологии, а потом стало употребляться и в социологии, и в других общественных науках. Я хочу сразу отметить два обстоятельства, которые важны и для понимания развития институциональной политологии. Первое – Б. Малиновский очень широко трактовал институт. Даже то, что я перечислил – типы поведения, традиций, обычаев, – это достаточно широкий круг феноменов, и все они могут быть охвачены понятием «институт». Собственно говоря, такое представление сохранилось и по сей день.

Второе связано с тем, что в течение сравнительно недолгого исторического периода параллельно в разных науках появились субдисциплины, нацеленные на рассмотрение различных явлений и процессов с институциональной позиции, на выявление институтов, на использование этого понятия для объяснения упомянутых явлений и процессов. Возникла институциональная социология, а потом в начале XX века американский экономист У. Хамилтон ввел понятие «институциональная экономика». Она довольно активно развивалась в XX веке и сегодня заняла свое место среди экономических дисциплин, есть соответствующие кафедры, преподавательский и исследовательский состав. Помимо упомянутых, есть и другие дисциплины, связанные с понятием «институцио-

нальный», т.е. вот эта дифференциация направлений исследований по принципу использования институционального подхода получила широкое распространение. Поэтому я считаю возможным политологические исследования, использующие понятие «институт», именовать институциональной политологией. Думаю, что институциональная политология занимает среди политологических субдисциплин свое место. Я бы сказал, почетное.

Что касается институциональной политологии в России, то исследователи, использующие этот подход, изначально объединились вокруг комитета по институциональным исследованиям Российской ассоциации политической науки под моим руководством. Прежде всего это были специалисты, работавшие в нашем отделе, но были, конечно, и другие. Так, в Перми сложилась сильная школа политологов-институционалистов, в ряде других регионов. Некоторое время назад я сделал несколько статей, посвященных эволюции институциональных исследований в российской политической науке [Патрушев, 2011; Патрушев, 2012], в которых писал об исследованиях, проводившихся с конца 1990-х – начала 2000-х годов. Также нам удалось выпустить несколько монографий, использующих институциональный подход для анализа институционального порядка, общественных движений и т.д.

Л.Е. Филиппова. *Да, речь о работах «Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы» [Конституирование современной политики..., 2018], «Господство против политики» [Господство против политики..., 2019], «Структуры господства, граждане и институты» [Структуры господства..., 2020].*

С.В. Патрушев. Последняя работа, которую нам удалось издать в 2024 году, – книжка под сложным названием «Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства» [Институциональная политология 2.0..., 2024]. Книжка довольно солидная по объему, 519 страниц, она завершается эмпирическим приложением, где на многих страницах изложены результаты наших обследований, проводимых совместно со структурой Ф.Э. Шереги¹. В этом приложении около 250 страниц только таблиц, обработанных замечательным социологом, ветера-

¹ Имеется в виду ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга» под руководством Ф.Э. Шереги, в сотрудничестве с которым проводились массовые социологические опросы в рамках проектов отдела сравнительных политических исследований ИС ФНИСЦ РАН.

ном российской социологии, Александром Васильевичем Жаворонковым. Их можно использовать для дальнейших исследований, что я рекомендую делать. Ну, и для проверки интерпретации наших эмпирических результатов.

Ну, конечно, и наши коллеги по комитету много исследований проводят. Важной вехой стала в свое время докторская диссертация Петра Панова по политическому порядку, также на эту тему у него вышла монография [Панов, 2011]. То определение политического порядка, которое он дает – порядок как совокупность воспроизводящихся институциональных практик, – мы его тоже используем. Он развивал идею фрагментированного политического порядка, которая как раз работает на российской почве, – мы имеем ситуацию, в которой порядок «рассыпается» на множество локальных или партикулярных порядков, не всегда хорошо друг с другом согласующихся. Вот про такие микропорядки на региональном уровне, на локальном уровне были исследования.

Л.Е. Филиппова. *Мы еще поговорим непосредственно об исследованиях российских политических реалий в русле институционального подхода, но давайте сначала вернемся к тому, что составляет сущность институциональной политологии – к тем понятиям, которыми она оперирует. Есть ли научный консенсус по поводу содержания этих понятий?*

С.В. Патрушев. Очевидно, что в основе понятийного аппарата этой субдисциплины лежит такое понятие, как «политический институт». И здесь сразу нужно сказать, что определение института является сложным. До сих пор нет согласия среди исследователей о некоем общем, едином, универсальном определении института, что объяснимо. Это описывал еще, как я уже отмечал, Б. Малиновский: поскольку понятие «институт» охватывает широкий спектр измерений, постольку договориться и создать универсальное понятие «институт» непросто. Уже в XXI веке, в наши дни, можно сказать, Элинор Остром получила Нобелевскую премию по экономике за развитие институциональной экономики. Она дала определение института, которое также позволяет охватить широкий круг явлений: институт следует понимать прежде всего как действующее правило.

Наряду с понятием «институт» важнейшим понятием в предметном поле институциональной политологии является понятие «институциональная среда». «Институциональная среда» занимает фундаментальное место среди этих понятий, поскольку, как мы пытаемся обосновать, без соответствующей институцио-

нальной среды не может быть и политики. Поэтому изучение институциональной среды составляет особый предмет наших исследований. И, наконец, упомянутый уже институциональный порядок – на разных уровнях и в разных проявлениях – это как раз центральная тема готовящегося номера «Политической науки».

Итак, «политический институт», «институциональная среда» и «институциональный порядок» – три базовых понятия, с помощью которых необходимо и возможно изучать политические явления и процессы – в том числе в российском социуме.

Л.Е. Филиппова. *А насколько понятийный аппарат институциональной политологии адаптирован для изучения российского случая?*

С.В. Патрушев. Мне кажется, что помимо понятий, сам предмет нужно обсуждать. Я говорю в данном случае о формировании в России институционального порядка и институциональной среды, способствующих и обеспечивающих формирование самой политики. Этот процесс идет крайне медленно. Я бы сказал, по известному принципу «шаг вперед, два назад». Поэтому изучение институциональной среды, институционального порядка в России постоянно остается актуальным. И использование этих понятий актуально.

Я утверждал в предыдущих работах, и утверждаю сейчас, что институциональный порядок в России все еще не завершен. Это означает, что и политика как таковая в России все еще до конца не конституировалась, не сформировалась. И поэтому понятно, что изучать эти процессы необходимо постоянно и, к сожалению, долго. У нас не сформировалась политика не в смысле борьбы за власть, а в том смысле, в котором мы этот термин используем – мы называем это «политикой современного типа». Некоторое время назад мой собеседник, интервьюер, сформулировала несколько признаков политики, которые мне представляются вполне адекватными. Речь идет о том, что политика возникает там, где есть политические сообщества, которые по ряду оснований противостоят друг другу, т.е. между ними существует конфликт. А если есть конфликт, то необходимо вырабатывать форму и способ преодоления конфликта – создавать правила взаимодействия, а это и есть институционализация политики. При разрешении противоречия между политическими сообществами возникает необходимость формировать единое целеполагание, ставить цели, во имя которых действуют и политики, и граждане. Целеполагание – второй после конфликтности признак политики. Параллельно склады-

ваются структуры, назовем их административными, то есть государства. Однако политика – это не то, что задается государством, политика есть нечто, что возникает прежде всего в результате взаимодействия политических общностей, которые формируют определенные правила, по которым они взаимодействуют. И, собственно говоря, формирование этих правил и есть формирование самой политики.

То же самое и с институциональной средой. В России она до сих пор не сформировалась как устойчивое образование, способное последовательно влиять на всю жизнедеятельность человека. Если институциональная среда не сформирована, то затрудняется и оформление устойчивых институций, то есть систем правил, обретающих организационную форму.

Отсюда возникает проблема российского государства. В условиях неинституционализированной или недостаточно институционализированной среды российское государство оказывается недостроенным в институциональном смысле. Более того, Россия крайне дифференцирована регионально. В разных регионах наблюдается различная степень институционализации. Парадоксальным образом можно сказать, что в разных регионах России действует как бы разное российское государство. Если нет единой институциональной среды, то в каждом конкретном случае на государство, общество и политические отношения воздействует локальная институциональная среда, которая сама часто остается незавершенной.

Меня обвинили в одном из обсуждений в том, что, когда я говорю, что политика в России отсутствует, я тем самым выбиваю почву из-под работы политиков. Мол, если нет политики, то о каких политиках можно говорить? И поэтому надо с этим тезисом быть поосторожнее, он разрушительный. Но, может быть, этот тезис об отсутствии или недостаточном развитии политики в России не разрушительный, а, напротив, стимулирующий, я бы даже сказал, утверждающий необходимость изучения политики. И, вообще-то, политики – это не только те, кто работает в сфере политики, но и те, кто создают политику, в том числе создают ту среду, в которой политики работают. А если политики работают вне институциональных понятий, вне институциональной среды, то здесь возникает вопрос, а что это за политика?

Таким образом, тезис о недостаточно развитой политике в России является, на мой взгляд, стимулирующим тезисом, а не давящим, не упраздняющим. То есть нам необходимо и дальше развивать политику.

Л.Е. Филиппова. *Получается, что если мы оперируем понятиями институционального подхода, то приходим к выводу об отсутствии политики в России. Если это утверждение вызывает такое сопротивление, может быть, это свидетельствует о том, что институциональный подход не вполне адекватен для изучения российского случая? Возможно, проблема в этом, и тогда российскую политику следует изучать с помощью других подходов?*

С.В. Патрушев. Это жесткая формулировка, что в России нет политики. Мне больше нравится «недостаточно развитая политика», то есть мы находимся на определенном этапе формирования политики, который, возможно, какие-то страны, в которых развитая политика имеется, уже прошли. А развитая политика чем характеризуется? – как ни парадоксально, разнообразием целей и акторов, достигающих эти цели. Чем больше акторов, тем более развита политика. Отсюда вывод о том, что политика развита тогда (и здесь институциональный подход имеет смысл), когда в ней участвует много народу, много граждан, у которых есть свои представления о том, куда идет социум, куда он должен идти, куда он может идти. Если принять более мягкую формулировку – не «отсутствие политики», а «недостаточная развитость политики», это создает некую перспективу развития явления политического. И эта перспектива, на мой взгляд, решающим образом связана, как я только что сказал, с включением граждан в политический процесс.

С точки зрения перспектив развивающейся политики институциональный подход имеет значение, в том числе и потому, что новый институционализм сместил акцент на субъектность. Субъект не только выполняет правила, но и создает их. Эта двойственность субъекта – как автора правил и одновременно их исполнителя – имеет принципиальное значение для понимания социальных и политических процессов. Субъекты через разные механизмы создают правила и тем самым формируют институциональную среду, но, с другой стороны, они должны быть этой среде подчинены. Если субъекты не подчинены правилам, то говорить о политике в строгом смысле затруднительно.

В этом отношении мне близка концепция политики, согласно которой политика возникает как результат антагонистического взаимодействия разных акторов и формирования соответствующих институтов. Политика возникает как институциональное явление: как совокупность действий, совершаемых на основе определенных правил. Эти действия осуществляются не произвольно, а

во имя поиска общего блага. И акторами политики являются не только политики.

Можно сказать, что политики оформляют политику, возможно, в каком-то смысле цивилизуют, институционализируют, несомненно, потому что политики должны действовать по определенным правилам. Но сказать, что политика – исключительно дело политиков, было бы неверно. Политика – это дело всех, политика – это дело граждан. В чем различие с точки зрения институциональной политической науки между гражданами и подданными? Оно очевидно. Граждане встроены в структуру государства, гражданство имеет конституционную основу, основу порядка в виде конституции, которую граждане и государство должны реализовывать. В то время как подданные – это те, кто действует в соответствии с распоряжениями представителей государства, то есть государственных чиновников, бюрократов. Другими словами, подданные – те, кто подчиняется государственным чиновникам, а граждане – это те, кто подчиняется государству на конституционной основе и одновременно продолжает участвовать в политике и формировать ее.

Правила, по которым действуют граждане в политике, продолжают формироваться. А если это так, то их надо изучать. Вот так я бы ответил на ваш вопрос относительно актуальности применения институционализма в исследованиях политики в России.

Л.Е. Филиппова. *Да, но можно вспомнить и о том, что эти правила могут не только формироваться, они же могут и разрушаться.*

С.В. Патрушев. Могут. Тогда, соответственно, политика либо трансформируется, либо тоже разрушается, несомненно. В России с правилами сложная ситуация, как я выше уже говорил. В наших исследованиях выяснилось, что в России не признают действия закона. У нас респонденты делятся на три группы – те, кто признает действие закона, те, кто его не признает, и те, кто считает, что законы иногда нужно исполнять, а иногда можно и не исполнять. Отсюда возникает вопрос о существовании правового порядка. Очевидно, что с правовым порядком в России есть проблемы. Если бы не было этих проблем, то не было бы ситуации, когда треть населения не признает законы. Альфа и омега институционального подхода – это наличие правил, то есть наличие законов, которые не просто должны исполняться, но контролироваться. С этой точки зрения политика развивается вместе с нормативным порядком.

Поэтому политика – это живой процесс, который здесь и сейчас складывается. Он не имеет окончания, поскольку он окончится тогда, когда будут достигнуты все цели, выдвинутые в процессе политического взаимодействия, но это, как мы понимаем, в лучшем случае трудно, а в худшем случае невозможно. Посему политика может и должна существовать всегда или почти всегда. Нормы тоже создаются людьми в процессе взаимодействия, межсубъектного взаимодействия. Как только заканчивается это межсубъектное взаимодействие, исчезают нормы, исчезает социум, и, соответственно, политика тоже исчезает. Собственно, ничего страшного в исчезновении политики нет. Страшно, когда исчезает социум, когда исчезает институциональный порядок, на который социум опирается.

Л.Е. Филиппова. *Давайте продолжим по поводу порядка, и вернемся к заголовку готовящегося номера «Политической науки» – «Институциональный порядок в России и мире». Для человека, который с институциональной лексикой не знаком, термин «порядок» здесь может прозвучать несколько странно. Где вообще порядок? Если говорить про Россию, то всем известна описывающая ее фраза – «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет», – а мы рассуждаем о каком-то «порядке в России». Собственно, если посмотреть на те события, которые происходят сейчас в мире, то тоже создается впечатление, что с «порядком в мире» есть проблемы. Поэтому у человека, не владеющего политологической терминологией, закономерно может возникнуть вопрос, а чем вообще занимаются эти политологи? Получается, они занимаются изучением чего-то несуществующего? Что мы все-таки имеем в виду, когда говорим о порядке? Может, мы на самом деле изучаем не порядок, а беспорядок?*

С.В. Патрушев. Ну, фраза «порядка в ней нет» означает, что он необходим. Значит, у того, кто эту фразу произнес, существует некое представление о порядке. Если бы не было этого представления, нельзя было бы констатировать, что порядка нет. Отсюда и идея, что изучаем беспорядок, несомненно, но для чего? – чтобы выяснить отклонения беспорядка от порядка. Отсюда возникает необходимость изучения самого концепта порядка. Институциональным порядком мы называем совокупность норм и правил, которая носит более или менее устойчивый характер, то есть имеет тенденцию воспроизводства. Эта совокупность норм и правил воспроизводится периодически, не исчезает в каждом цикле, а если и исчезает, то появляется вновь. Вот я уже в общих чертах

определил, что такое институциональный порядок – это определенная совокупность норм и правил, которая имеет тенденцию воспроизводиться.

И коль скоро я сказал про институциональный порядок, не могу не заметить, что по моему представлению, такое спорное понятие (спорное не потому, что оно не существует, а потому что его не могут никак определить, как и понятие «институт»), как «цивилизация», оно тоже имеет институциональное измерение. Цивилизация есть, собственно говоря, институциональный порядок. Институциональный порядок, как я уже сказал, воспроизводится – иногда устойчиво, иногда неустойчиво. Если уж совсем устойчиво, то возникает цивилизация. Цивилизация возникает как устойчивый порядок. Цивилизации нет, если нет определенного цивилизационного порядка, он же институциональный порядок цивилизации.

Отсюда очевидно, что изучение порядка является одним из аспектов изучения политики, как я уже сказал, наряду с институтом, наряду с институциональной средой. Но аспектом чрезвычайно важным, поскольку порядок задает некую конфигурацию социума. Если мы имеем воспроизводящуюся совокупность норм, то очевидно, что и социум воспроизводится определенным образом. То есть, грубо говоря, институциональный порядок – это и есть социум. Это социум, который воспроизводится постоянно.

У нас до сих пор не видят различия между социумом и обществом, между понятиями «социальный» и «социетальный». Но это разные понятия по сути своей. Понятие «социальный» характеризует взаимодействие индивидов, прежде всего, без чего не может существовать социум. А «социетальный» характеризует расширенные взаимодействия индивидов, формирующие институциональный порядок, если угодно, формирующие общество. То есть «социетальное» – это отношения между индивидами, которые охватывают весь социум. Поэтому эти понятия надо различать. Российский социум, как мы с вами знаем, характеризуется тем, что он весьма социален, но отнюдь не социетален.

Почему он социален? – потому что российский социум – это, прежде всего, межличностные взаимодействия, опирающиеся на соответствующие правила, обычаи, традиции, то есть на отношения между индивидами.

А общество, социетальный порядок предполагает некие общие нормы, по которым действуют все индивиды. Они, в частности, определяются конституцией, и эти общие правила взаимодей-

ствия индивидов определяют как институциональный порядок, так и, собственно, общество.

Для России характерны процессы деинституционализации и деформализации. Формальные институты возникают, закрепляются в законах, но затем начинается обратный процесс: правила перестают устойчиво действовать, формальные конструкции утрачивают реальную нормативную силу. Между тем институционализация должна завершаться устойчивостью системы правил. Если такой устойчивости нет, то общество не может сформироваться как устойчивая социальная структура.

Эта проблема связана и с зависимостью от предшествующего развития. Российские социальные структуры несут на себе следы длительной исторической траектории: дореволюционного периода, советского периода и постсоветских трансформаций. Этот запас зависимости от прошлого препятствует формированию нормальной устойчивой социальной структуры. Поэтому, например, трудно говорить о полноценном среднем классе там, где отсутствует устойчивая система правил, на основании которой такой класс мог бы воспроизводиться. Средний класс – лишь один из случаев более общей проблемы несформированности социальной и классовой структуры российского общества.

Таким образом, центральная идея состоит в следующем: российская политическая реальность не может быть понята вне анализа институциональной среды в широком смысле, на уровне социума. Политика возникает и воспроизводится не просто через действия акторов, а через правила, которые эти акторы создают, нарушают, признают, оспаривают или исполняют. Поэтому изучение институционального порядка является необходимым условием анализа российского государства, общества и отношений между ними.

Л.Е. Филиппова. *А тот институциональный порядок, который в России сейчас находится в процессе становления, или может сформироваться в будущем, в ближайшем или отдаленном, как бы вы его охарактеризовали?*

С.В. Патрушев. Вероятно, это будет российский цивилизационный порядок, опирающийся на противоречивое сочетание российских дореволюционных и постреволюционных структур (где центральная роль отведена государству и поддержке автономных коллективистских практик), европейского социал-демократического и республиканского опыта и идеализма, азиатского проектизма, историзма, масштабности и духовности, американской рациональности, практичности и инновационности.

Л.Е. Филиппова. *Но это будет интегрированный, пусть и эклектичный, порядок, или все еще порядок фрагментированный, как его описывали А.Д. Хлопин [Хлопин, 2004; 2012] и П.В. Панов?*

С.В. Патрушев. Сложно давать прогнозы такого рода. Перспективы интеграции есть, но мы выше уже отмечали, что российский порядок противоречив, а для интеграции хорошо бы опираться на универсальные принципы. Полагаю, что лучше гуманизма ничего не придумано. Его и надо разрабатывать и реализовывать.

Л.Е. Филиппова. *В завершение нашего разговора, каковы, на ваш взгляд, перспективы развития институциональной политологии? На каких проблемах следует сфокусировать свое внимание тем, кто работает в рамках этого направления?*

С.В. Патрушев. Как я уже сказал, формирование политики – процесс долгий, и пока он длится, его необходимо изучать. Поэтому институциональная политология здесь будет так же востребована, как и другие субдисциплины политической науки. В части направлений – указывать ученым, куда им двигаться, на мой взгляд, не очень правильно, они сами это решают, ими движет научный интерес прежде всего. Надо сказать, научные журналы здесь очень важны: то, что в них публикуется, – это как раз индикатор самых важных направлений научного поиска, самых острых проблем. Так что, думаю, готовящийся номер «Политической науки» нам покажет и актуальные направления исследований, и перспективы развития.

Л.Е. Филиппова. *Спасибо, Сергей Викторович! Надеюсь, ваши ожидания оправдаются и институциональная политология, как и российская политология в целом, продолжит развиваться и искать новые пути исследования политики – в России и мире.*

**Interview of Liudmila Filippova with Sergey Patrushev,
Head of the Department of Comparative Political Studies,
FCTAS RAS**

For citation: Interview of Liudmila Filippova with Sergey Patrushev, Head of the Department of Comparative Political Studies, FCTAS RAS. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 88–102. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.05>

References

- Malinowski B. *The Scientific Theory of Culture*. Moscow: OGI, 2005, 184 p. (In Russ.)
- Khlopin A.D. Deformalization of rules: cause or effect of institutional traps? *Polis. Political Studies*. 2004, N 6, P. 6–15. (In Russ.)
- Khlopin A.D. Institutional environment. Citizen involvement in the society of cliques: potential of institutional involvement. In: Solovyev A.I. (ed.) *Power and politics: institutional challenges of XXI century. Political science: Russian political science association 2012 yearbook*. Moscow: ROSSPEN, 2021, p. 30–45. (In Russ.)
- Panov P.V. *Institutions, identities, practices: theoretical model of political order*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 230 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. Cliquecratic order as an institutional trap of Russian modernization. *Polis. Political studies*. 2011, N 6, P. 120–133. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science: contemporary institutionalism and Russia's political transformation*. Moscow: ICP RAS, 2006, 586 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions within the sphere of power and domination*. Moscow: Political encyclopedia, 2024, 519 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-8243-2582-9.2024> (In Russ.)
- Patrushev S.V. Institutional political science in Russian perspective. *Metod*. 2012, N 3, P. 297–305. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.Y. (eds). *Constituting of modern politics in Russia: institutional problems*. Moscow: Political encyclopedia, 2018, 262 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/monograph.2019.2> (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.Y. (eds). *Domination against politics: Russian case. Effectiveness of institutional structure and potential of political change strategies*. Moscow: Political encyclopedia, 2019, 319 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.Y. (eds). *Structures of domination, citizens and institutions*. Moscow: Political encyclopedia, 2020, 318 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / С.Г. Айвазова, А.В. Жаворонков, Г.Л. Кертман [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 319 с.
- Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, Е.А. Гвоздева [и др.]; под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: Монография / С.Г. Айвазова, А.В. Жаворонков [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с. – DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-8243-2582-9.2024>

- Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / С.Г. Айвазова, Ю.М. Баскакова, М.О. Комин* [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 262 с. – DOI: <https://doi.org/10.19181/monograph.2019.2>
- Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
- Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Патрушев С.В. Институциональная политология в российской перспективе // Метод. – 2012. – № 3. – С. 297–305.
- Патрушев С.В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 6. – С. 120–133.
- Структуры господства, граждане и институты / А.В. Жаворонков, Г.Л. Кертман, А.Л. Королев [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 318 с.
- Хлопин А.Д. Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 6. – С. 6–15.
- Хлопин А.Д. Институциональная среда. Гражданская вовлеченность в социуме клик: потенциал институциональной вовлеченности // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 30–45.

* Признан иностранным агентом.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

О.Г. ХАРИТОНОВА, А.А. МАЛЬЧЕНКО*

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИЯ И ЛОВУШКИ
ШАНТАЖНОГО ПОТЕНЦИАЛА: СТРУКТУРНЫЕ
ФАКТОРЫ СОЗДАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
КОАЛИЦИЙ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

Аннотация. Традиционное представление об отсутствии необходимости создания правительственных коалиций в президентских системах находит опровержение на примере конкретных политических систем стран Латинской Америки. Более ранние исследования подтверждают, что на процесс формирования партиями коалиций прямое влияние оказывает не столько формально закрепленный дизайн политической системы, сколько характеристики политических партий и институты, обеспечивающие их взаимодействие в рамках данной системы. В данной статье рассматривается феномен создания правительственных коалиций в странах Латинской Америки на примере 11 устойчивых президентских многопартийных систем региона (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу, Чили, Эквадор, Уругвай). Цель исследования заключается в выявлении факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование правительственной коалиции в президентской системе. Проведен анализ необходимых условий (NCA) и качественный сравнительный анализ (QCA) для выявления необходимых условий и достаточных конфигураций факторов создания правительственных коалиций в странах Латинской Америки. Выявлены и объяснены

* **Харитонова Оксана Геннадьевна**, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru; **Мальченко Ангелина Александровна**, аспирант Кафедры сравнительной политологии, преподаватель Кафедры государственного управления, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: an.malashenkova@my.mgimo.ru

типичные и девиантные случаи, отражающие логику создания правительственных коалиций в президентских системах. Проведен анализ вероятности вхождения в коалицию отдельных партий. В качестве наблюдений выступают политические партии, участвовавшие в общенациональных выборах последних двух электоральных циклов (2017–2019 гг. и 2021–2024 гг.) и прошедшие порог в 1% мест. По результатам количественного анализа построены модели зависимости включения политической партии в коалицию от ресурсного и позиционного факторов, подтверждена значимость идеологической дистанции, выявлено пороговое значение процента мест партии в нижней палате парламента и обнаружено разнонаправленное влияние коалиционного и шантажного потенциалов партий на вероятность вхождения в коалицию.

Ключевые слова: правительственная коалиция; президентская система; Латинская Америка; идеологическая дистанция; идеологическая поляризация; шантажный потенциал; коалиционный потенциал.

Для цитирования: Харитонов О.Г., Мальченко А.А. Идеологическая дистанция и ловушки шантажного потенциала: структурные факторы создания правительственных коалиций в Латинской Америке // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 103–131. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.06>

Введение

«Коалиционный президентализм» стал в настоящее время «глобальным феноменом», при котором «президенты меньшинства стремятся преодолеть это положение путем создания коалиций для обеспечения большинства в парламенте» [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018, p. 24]. Это противоречит классическим представлениям о президентских системах, согласно которым разделение властей не дает стимулов к межпартийному сотрудничеству, «так как парламентские партии не формируют правительство и не несут ответственности за его действия, а межпартийные коалиции формируются до президентских выборов и не являются обязывающими после выборов» [Харитонов, 2012, с. 204]. О.И. Зазнаев указывал, что «межпартийные парламентские коалиции как основа для формирования правительства» характерны только для атипичных президентских систем [Зазнаев, 2005, с. 58]. В латиноамериканских системах многопартийность, фрагментация, волатильность и идеологическая поляризация, большие законодательные полномочия президентов, появление харизматичных лидеров-популистов (новых *caudillo*) часто сочетаются с созданием электоральных и правительственных коалиций. Наличие правительственных коалиций делает президентские системы более устойчивыми, предотвращает случаи досрочного прекращения полномочий президента (перевороты,

импичменты и политические убийства чаще всего происходят в президентских системах, в которых отсутствует вотум недоверия исполнительной власти) и обеспечивает поддержку президента и президентской повестки в парламенте. Согласно М. Инасио, это не просто прагматичный ответ на фрагментацию партийных систем, а «инновация, которая вносит коллегиальные элементы распределения власти (power-sharing) в систему разделения властей, тем самым ограничивая единоличную исполнительную власть президента [Inácio, 2026, p. 24–25].

А. Албала и Л. Коуто выделяют три волны исследований коалиций в президентских системах. Первые работы изучали феномен коалиций и их устойчивость в рамках дискуссии о президентских и парламентских системах. Исследования второй волны анализировали структурные отличия правительственных коалиций в президентских и парламентских системах. В третью волну фокус сместился на партийный состав коалиций, логику распределения портфелей и ротацию министров [Albala, Couto, 2023, p. 2].

Исследователи различают два типа коалиций в многопартийных президентских системах – предвыборные (электоральные) и постэлекторальные: первые понимаются как формализованные до дня выборов договоренности партий о совместном использовании ресурсов и проведении кампании [Albala, Borges, Couto, 2021] с целью победы на выборах, вторые – как правительственные. Фокусом данной статьи являются правительственные коалиции в президентских системах Латинской Америки, определяемые как «группы законодателей, являющихся членами партий, которые занимают посты в правительстве» [Cheibub, Przeworski, Saiegh, 2004, p. 570], сформированном партиями или партийными группами, не входившими в одну электоральную коалицию. При такой концептуализации правительства Уругвая (2024) и Аргентины (2019) не определены как коалиции, так как электоральные коалиции трансформировались в правительственные без привлечения других партий¹.

Основной интерес настоящего исследования вызван отсутствием в литературе ясного ответа на вопрос, какие структурные факторы и сочетания факторов ведут к созданию правительственных коалиций в многопартийных президентских системах, где у лидера сосредоточено достаточно полномочий для формирова-

¹ Robertson K. Yamandú Orsi Wins Uruguay's 2024 Presidential Runoff // AS / COA. – 2024. – Mode of access: <https://www.as-coa.org/articles/yamandu-orsi-wins-uruguays-2024-presidential-runoff> (accessed: 30.03.2026).

ния однопартийного правительства. Чтобы восполнить этот пробел и разобраться, как правительственные коалиции соотносятся с президентскими системами, мы, во-первых, проведем критический анализ подходов к концептуализации правительственных коалиций и факторов их устойчивости; во-вторых, систематизируем предлагаемые подходы для формулирования гипотез исследования; в-третьих, проведем двухуровневый анализ – качественный сравнительный анализ структурных факторов на уровне политических систем и количественный анализ факторов вхождения партий в коалицию на уровне политических партий на примере 11 устойчивых¹ президентских многопартийных систем стран Латинской Америки, составляющих ибероамериканское геополитическое пространство² (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу³, Чили, Эквадор, Уругвай). Хронологические рамки исследования охватывают два последних электоральных суперцикла в период с 2017 по 2024 г. [Яковлева, 2018], 2021–2024 [Zovatto, 2020].

Теоретическое основание

Опыт изучения коалиций в парламентских системах обладает эвристическим потенциалом для исследования коалиций в президентских системах, так как разница между этими коалициями «заключается в степени проявления, а не сути явления (in degree, not in kind)» [Cheibub, Przeworski, Saiegh, 2004, p. 576]. Формальные теории коалиций, разработанные на основе анализа парламентских систем, рассматривали коалицию как кооперативную игру между партиями, в которой рациональные акторы, стремясь сокра-

¹ Под устойчивостью в данном исследовании понимается выживание и отсутствие успешной насильственной смены власти.

² Из числа наблюдений исключаются страны, относящиеся к категориям малых государств и микросоударств. Подробнее см.: [Барабаш, 2022].

³ Перу по конституции является президентско-парламентской системой, в которой премьер-министры должны заручиться доверием парламента, и президенты имеют право роспуска парламента. Если ранее право было номинальным, то с 2015 г. парламента три раза выразил недоверие, еще два премьер-министра (последний в марте 2026 г.) покинули свой пост в преддверии вотума. Авторы оставили Перу в списке анализируемых случаев в соответствии с теорией коалиционного президентства, которое характерно для президентских и полупрезидентских систем [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018].

тить политические издержки и получить выгоды, формируют минимальную победную коалицию. В теории конфликта интересов Аксельрода коалиции являются небольшими и связанными, состоящими из смежных партий [Axelrod, 1970, p. 169], при этом «коалиции не могут ‘потерять’ ни одного члена, не перестав быть связанными и победными» [ibid., p. 184]. Согласно теории политической дистанции, партии используют коалиции в качестве «инструмента для принятия наиболее предпочтительных политических решений», поэтому из партий, имеющих «близкие (adjacent) политические позиции», формируются «замкнутые коалиции с минимальным радиусом» [De Swaan, 1973, p. 288, 285]. Формальные модели могли объяснить формирование минимальных победных и связанных коалиций, но не могли предсказать появление больших коалиций или коалиций меньшинства.

Партийный торг в президентских системах отличается тем, что «форматором» правительства является глава исполнительной власти – президент, поэтому число возможных коалиционных альтернатив всегда будет меньше, чем в парламентских. Правительство не несет ответственности перед парламентом, и ротация в правительстве не зависит от его доверия – президент делает рациональный (или иррациональный) выбор между назначением однопартийного кабинета или формированием правительственной коалиции. Выбор президента приводит к коалициям «чаще при раздробленном парламенте, в котором партия президента находится в меньшинстве» [Cheibub Przeworski, Saiegh, 2004, p. 576]. Исследование К. Бункера также подтверждает, что рост поддержки президента и увеличение доли мест партии президента уменьшают вероятность правительственной коалиции [Bunker, 2019, p. 181, 192].

Большинство исследователей согласны с тем, что фрагментация партийной системы (ЭЧП и ЭЧПП) влияет на формирование коалиций, однако они приходят к противоречивым выводам. Одни авторы утверждают, что «по мере увеличения числа партий возрастает вероятность формирования многопартийных коалиций» [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018, p. 63], другие, наоборот, приходят к выводу, что «вероятность формирования правительственной коалиции возрастает по мере сокращения числа законодательных партий» [Bunker, 2019, p. 181]. Албала заключает, что наиболее жизнеспособными являются «коалиции, созданные в условиях низкой фрагментации партийной системы» [Albala, 2021, p. 361]. Авторы, изучившие партийную фрагментацию в Бразилии, наоборот, констатируют, что большое число малых партий в системе дает больше стимулов для

создания коалиций, так как «мелкие партии не могут выжить без альянсов с крупными» [Calvo, Guarnieri, Limongi, 2015, p. 220]. В условиях сильной фрагментации парламента наличие коалиций в два раза повышает «шансы режима на выживание по сравнению с режимами без коалиций» [Cheibub, Limongi, 2002, p. 166].

На основе анализа парламентских коалиций Мюллер и Стром выделили два фактора коалиционного торга – политический вес партии (доля мест в парламенте) и ее положение в политическом пространстве [Müller, Strøm, 2000 a, p. 7]. В одномерных пространственных моделях медианная партия является предпочтительным партнером по коалиции и становится «делателем королей» (например, СвДП в Германии во второй половине XX в.). Исследования демонстрируют, что «при высоком уровне идеологической поляризации в парламенте коалиции будут минимальными победными, небольшими и включать медианные партии» [Indridason, 2011, p. 713]. В президентских системах центром идеологического пространства является президент, чья позиция может отличаться от медианной партии в парламенте, поэтому в настоящем исследовании мы будем рассматривать дистанцию от партии президента, а не от медианной партии.

В парламентских системах «желание партии войти в коалицию зависит не только от позиции будущих партнеров по коалиции, но и от вероятных альтернативных коалиций» [Indridason, 2011, p. 689]. В президентских системах выбор партий будет ограничен двумя альтернативами: либо коалиция с президентской партией, либо роль оппозиции. Коалиции станут результатом согласия партии с двойным «предложением президента (offer)», которое включает «портфель и политику». Президентское предложение зависит от расстановки сил в парламенте, поэтому президент меньшинства может включить в правительство идеологически близкую партию и противостоять парламентскому большинству, либо включить идеологического противника и приблизить его программу к своей, обеспечив себе поддержку большинства [Cheibub, Przeworski, Saiegh, 2004, p. 576]. Например, в 2022 г. левая партия «Исторический пакт» не получила большинства, и президент Г. Петро заключил договор с правоцентристскими партиями (консервативной, либеральной и U-партией), что обеспечило ему большинство в парламенте¹.

¹ Коалиция с правоцентристскими партиями распалась в апреле 2023 г. из-за идеологических разногласий по политике, что подтверждает важность не-большой идеологической дистанции для сохранения ее устойчивости.

Противоположного взгляда придерживаются Цебелис и Алеман, считающие, что партии, идеологически близкие президенту, будут с большей вероятностью участвовать в правительственной коалиции, так как их участие «обеспечит правительству больше свободы действий в формировании политики» [Aleman, Tsebelis, 2011, p. 7]. Коалиционный выбор президента зависит от расстановки сил в парламенте, идеологии и от намерения выполнить предвыборную программу – поведение, нацеленное на политику (policy-seeking) [Strøm, 1990]. Если партии хотят расширить набор альтернатив, доступных для принятия политических решений (Winset of the status quo), они будут стремиться к минимальным идеологическим расхождениям в правительстве [Tsebelis, Ha, 2014, p. 338].

Большая дистанция партии от центра является структурным ограничителем коалиционного выбора, так как «антисистемные партии или партии-изгои (pariah parties), в том числе популистские и праворадикальные партии, исключаются из коалиционной политики» [Müller, Strøm, 2000 b, p. 569]. В президентских системах такие партии будут исключены в случае их оппозиции президенту или поражения, если они являются президентскими, в остальных случаях их антисистемность и радикализм будут ограничивать возможности участия в коалиции. В исследовании Нето президент с нецентристской идеологией с меньшей вероятностью (на 36,2%) сможет сформировать кабинет большинства, по сравнению с президентом – центристом [Neto, 2006, p. 432]. Если такие президенты привлекают в кабинеты «технократов, друзей (cronies)», целью является не обеспечение законодательной поддержки, а «привнесение в политику экспертного мнения или установление связей с группами интересов» [Neto, 2006, p. 423]. Отдельные исследования показывают, что меньшее влияние на стремление войти в правительственную коалицию оказывают идеология и лояльность, чем «получение коалиционных благ в частных интересах, в том числе в плане распределения бюджетных средств (pork-barrel projects)» [Pereira, Melo, 2012, p. 160], однако эти факторы и другие неформальные договоренности будут исключены из нашего исследования.

На основе проведенного обзора литературы авторы сформулировали шесть гипотез о влиянии структурных характеристик на формирование коалиций на двух уровнях анализа. На страновом уровне (единица анализа – страна / год выборов) будут проверены гипотезы о влиянии формата партийной системы, конфигурации сил в парламенте и архитектуры идеологического пространства. На уровне политических партий (единица анализа – партия / год

выборов) будут проверены три гипотезы о ресурсном весе партий, их положении в идеологическом пространстве и наличии шантажного и коалиционного потенциалов.

Гипотеза 1 (формат партийной системы): фрагментация парламента повышает вероятность формирования правительственных коалиций.

Гипотеза 2 (конфигурация сил): высокие показатели соревновательности и состязательности благоприятствуют появлению правительственных коалиций.

Гипотеза 3 (архитектура идеологического пространства): идеологическая поляризация партийной системы обуславливает формирование правительственных коалиций.

Гипотеза 4 (ресурсная): вес партии в парламенте определяет вероятность ее вхождения в правительственную коалицию.

Гипотеза 5 (пространственная, позиционная): в правительственную коалицию с большей вероятностью войдут идеологически близкие президенту партии.

Гипотеза 6 (стратегическая): высокий коалиционный потенциал и низкий шантажный потенциал детерминируют вероятность включения партии в правительственную коалицию.

Для операционализации независимых переменных авторы используют индексы эффективного числа парламентских партий (формат системы), соревновательности и состязательности (конфигурация сил), идеологической поляризации (идеологическое пространство) (подробнее см. табл. 1). Авторы решили не использовать индекс коалиционной необходимости (Index of Coalitional Necessity), состоящий из двух «структурных ограничений: ЭЧПП и доли мест в нижней палате, не занимаемых партией президента» [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018, p. 27–28], так как было решено выявить степень необходимости каждого из этих условий. На уровне политических партий используются доля партии в нижней палате (вес), идеологическая дистанция от партии президента и два стратегических индекса. В рамках данного исследования авторы сконструировали индексы коалиционного потенциала (ИКП) и шантажного потенциала (ИШП) для всех партий, воспользовавшись терминологией Дж. Сартори. По его мнению, «относительную силу (или слабость) сторон можно ранжировать в соответствии с их незаменимостью / заменимостью для коалиции и/или их потенциальной способностью к шантажу» [Sartori, 2005, p. 112].

ИКП и ИШП¹ состоят из двух компонентов: идеологической дистанции партии и индекса влияния Банцафа (ИБ)². ИБ в первом случае разделен на квадрат ИД, во втором – умножен, в случае президентской партии оба индекса равны ИБ. В результате ИКП уменьшается с дистанцией, поощряя идеологически близкие президенту партии, ИШП, наоборот, увеличивается с дистанцией, «штрафуя» партии за удаленные от президента идеологические позиции.

Авторы предположили, что президентские коалиции должны включать партии, находящиеся на расстоянии не далее 2 пунктов от президента. Центристские тенденции и коалиционный потенциал идеологически близких президенту партий должны способствовать формированию коалиций (зона ИКП на рис. 1). При увеличении индекса шантажного потенциала усиливаются центробежные тенденции, что уменьшает вероятность вхождения в коалицию (зоны ИШП)³.

¹ Авторы не используют индекс коалиционного потенциала Сартори, который рассчитывался на основе коалиционного опыта партий в западных демократиях и Японии в течение большого временного промежутка (1946–1974) [Sartori, 2005, p. 268–269].

² Индекс влияния Банцафа позволяет на основе мест в парламенте выявить все победные коалиции и определить ключевую (pivotal) роль каждой партии по числу ситуаций, в которой ее роль будет решающей. Недостатком индекса является факт равного отношения ко всем вероятным коалициям без учета идеологических позиций партий. Чтобы компенсировать этот недостаток, авторы добавили в индекс влияния идеологическую дистанцию.

³ Авторы предположили, что президенты будут скорее включать в правительственные коалиции партии, находящиеся левее от президента. Это обусловлено тем, что большинство граждан являются католиками, при этом социальная доктрина католической церкви поддерживает демократию как метод достижения общего блага и социальной справедливости (подробнее см.: Харитоновна О.Г. Католицизм и современность: демократия в социальной доктрине римско-католической церкви // Политическая наука – 2013. – № 2. – С.81–9). Согласно Всемирному обзору ценностей, самая большая группа граждан (25–30%) в странах Латинской Америки идентифицирует себя с левым центром (5 баллов по шкале 1–10 в базе ВОЦ). Подробнее см.: World values survey online analysis. – Mode of Access: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed: 08.04.2026).

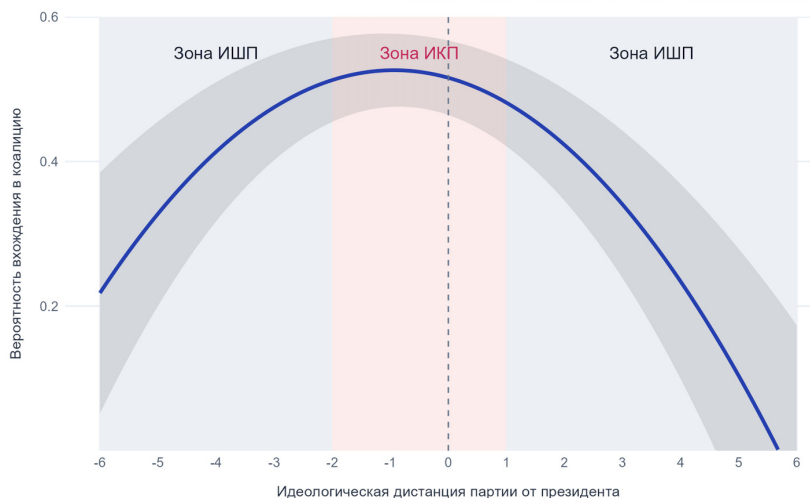

Рис. 1.
**Гипотетическая связь между идеологической дистанцией,
ИКП и ИШП**

Методика исследования

Для проверки гипотез на уровне стран (гипотезы 1–3) авторы использовали метод анализа необходимых условий и качественный сравнительный анализ нечетких множеств [Vis, Dul, 2018], на уровне партий (гипотезы 4–6) – логистический регрессионный анализ.

Были собраны две базы данных¹. Первая база содержит информацию по выборам и коалициям в 11 странах и включает 26 наблюдений, в том числе 10 случаев создания коалиций. Зависимой переменной выступает тип сформированного правительства (коалиция или нет) вновь избранным президентом после проведения всеобщих выборов. Вторая база данных включила 215 наблюдений – политических групп / партий в год выбо-

¹ Харитонов О.Г., Мальченко А.А. Идеологическая дистанция и ловушки шантажного потенциала: структурные факторы создания правительственных коалиций в Латинской Америке // Репозиторий МГИМО. – Режим доступа: <https://open.mgimo.ru/> (дата посещения: 07.06.2026).

ров¹, преодолевших порог в 1% голосов. В качестве зависимой переменной выступал факт участия (неучастия) партии в правительственной коалиции, в качестве независимых – ресурсный, позиционный и стратегический потенциалы партии. Данные по способу операционализации переменных представлены в кодовой книге (табл. 1), описательные статистики – в таблицах 2 и 3.

Таблица 1

Кодовая книга

Переменная	Операционализация	Методика сбора данных
<i>База данных на уровне стран</i>		
Коалиция	Распределение министерских портфель между представителями разных партий	Нет (0) – Да (1)
Формат партийной системы (гипотеза 1)	Степень фрагментации партийной системы (эффективное число парламентских партий)	Индекс ЭЧПП М. Лааксо и Р. Таагерера [Laakso, Taagerera, 1979, p. 4].
Конфигурация сил в парламенте (гипотеза 2)	Соревновательность как уровень электорального успеха небольших партий [Vanhanen, 2003, p. 56]	Индекс Т. Ванханена на основе распределения мест в парламенте
	Состязательность как «отрыв победителя» (margin of victory) Ф. Рэя [Rae, 1971, p. 51]	Инверсия индекса Ф. Рэя на основе распределения мест в парламенте
Архитектура идеологического пространства в парламенте (гипотеза 3)	Идеологическая поляризация как степень идеологического расхождения между партиями по шкале «левый-правый» в зависимости от доли голосов [Dalton, 2021]	Индекс идеологической поляризации Далтона на основе распределения мест в парламенте
<i>База данных на уровне политических партий</i>		
Вес партии (гипотеза 4)	Доля мест партии в нижней палате парламента	Распределения мест по результатам парламентских выборов
Идеологическая позиция партии (гипотеза 5)	Идеологическая дистанция партии от президента	Разница показателей идеологической дистанции между партией и президентом
Стратегический потенциал партии (гипотеза 6)	Индекс коалиционного потенциала	Стандартизированный ИБ, умноженный на квадрат идеологической дистанции.
	Индекс шантажного потенциала	Стандартизированный ИБ, разделенный на квадрат идеологической дистанции

¹ Выбор терминологии обоснован распространенными случаями участия в парламентских выборах не самих партий, а электоральных альянсов, большинство из которых создаются на основании неформальных договоренностей отдельных политических игроков (лидеров партий, групп давления, представителей бизнес-сообществ).

Таблица 2

Описательные статистики для КСА

Переменные	N	Среднее	Ст откл.	Мин	Медиана	Макс
Коалиция	26	–	–	0	–	1 (10 наблюдений)
Фрагментация	26	4,9	3,69	1,17	3,30	16,45
Соревновательность	26	0,64	0,18	0,17	0,61	0,92
Состязательность	26	0,81	0,23	0,12	0,87	0,99
Поляризация	26	0,31	0,08	0,11	0,31	0,49

Таблица 3

Описательные статистики для логистической регрессии

Переменные	N	Среднее	Ст откл.	Мин	Медиана	Макс
Коалиция	215	–	–	0	–	1 (47 наблюдений)
Партия президента	215	–	–	0	–	1
Доля мест	215	11,79	15,28	0,65	5,84	91,34
ИД	215	-0,18	2,69	-5	0	6
ИКП	215	8,78	19,30	1,00	2,11	100,00
ИШП	215	8,44	14,62	1,00	2,98	100,00

Анализ необходимых и достаточных условий

Анализ необходимых условий для формирования коалиций подтвердил необходимость и значимость фрагментации партийной системы, соревновательности, состязательности и поляризации (рис. 2). Были выделены пороги необходимости (бутылочное горлышко – bottleneck) для зоны возможных коалиций: фрагментация > 3 ($p=0,003$), соревновательность $> 0,58$ ($p<0,001$), состязательность $> 0,87$ ($p<0,001$) и поляризация $> 0,28$ ($p<0,001$).

Для формирования коалиций в партийной системе должно быть более трех партий, победившая партия должна получить менее 40% мест, дистанция между партиями, получившими первое и второе места, должна быть минимальной, и поляризация не должна быть низкой. Анализ показал, что эффекты четырех структурных факторов не являются равнозначными при формировании коалиций: фрагментация является слабым условием, соревновательность и идеологическая поляризация – сильными условиями, состязательность – критическим условием. Формирование коалиций является возможным, но необязательным результатом высокой конку-

ренции между политическими партиями, в противном случае создание коалиции невозможно.

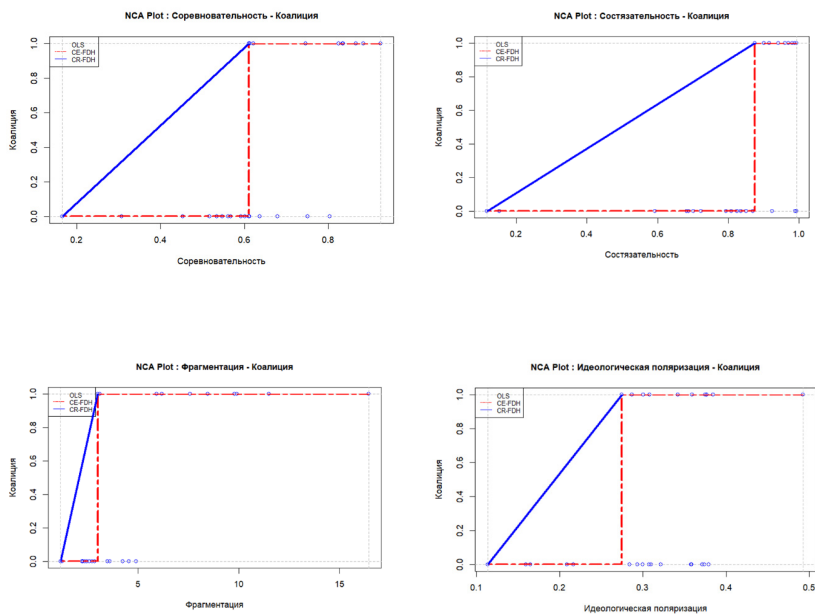

Рис. 2.

Необходимые условия для создания коалиции

Сравнение выделенных порогов с описательными статистиками (табл. 2) показывает, что большинство наблюдений выборки имеют показатель ЭЧПП больше порогового значения (медиана – 3,4), поэтому эффект фрагментации является небольшим. Порог соревновательности является препятствием лишь для одной трети наблюдений (медиана – 0,61), порог идеологической дистанции – для четверти наблюдений (1 квартиль – 0,284), порог состязательности создает заградительный барьер для половины наблюдений (медиана – 0,87). Большинство стран в выборке преодолели пороги фрагментации и соревновательности, но не имеют необходимого уровня состязательности и поляризации.

С целью проведения КСА нечетких множеств для калибровки переменных были взяты пороговые значения необходимости

(см. выше)¹. Проведенный КСА выявил единственную конфигурацию условий, достаточную для формирования коалиций с порогами согласованности и пропорционального снижения несогласованности в 0,613 (порог был снижен ввиду небольшой выборки и большого числа противоречивых наблюдений) и охватом 0,673 (9 наблюдений коалиций):

*Поляризация * Фрагментация * Соревновательность * Состязательность → Коалиция*

КСА показал, что в 61% случаев достаточная конфигурация для создания коалиции включает четыре структурных условия: высокий уровень идеологической поляризации, фрагментации, соревновательности и состязательности. Графически результаты КСА показаны на рисунке (рис. 3), который выявляет 3 кластера в соответствии с методикой проведения КСА нечетких множеств [Schneider, Rohlfing, 2016, p. 52].

- Типичные случаи (правый верхний квадрат над диагональю) характеризуются наличием выделенной конфигурации условий и результата.

- Девиантные по охвату случаи (левый верхний квадрат) имеют недостаточно высокие индикаторы в конфигурации при образовании правительственных коалиций.

- Типичные (иррелевантные) случаи с отрицательным исходом (левый нижний квадрат) не имеют ни конфигурации необходимых условий, ни результата.

Страны в первом кластере подтверждают гипотезу о достаточности выделенной конфигурации факторов для формирования коалиций. Их отличают высокие показатели по четырем индексам, превышающие порог необходимости: фрагментация более 6, соревновательность > 0,70, состязательность > 0,9 и поляризация > 0,3. Эти кейсы подтверждают вывод, что коалиция является необходимостью в условиях высокой поляризации и состязательности, когда президентские партии получают меньшинство в парламенте (5 из 6 получили менее 20%), и президенты вынуждены договариваться с другими, в том числе центристскими и оппозиционными партиями. Широкие коалиции могут препятствовать выполнению президентской программы и вести к смене политического вектора после следующих выборов. Типичным примером являются коалиции в

¹ Пороговые значения калибровки переменных для КСА нечетких множеств: идеологическая поляризация (0,11, 0,28, 0,40), фрагментация (1,2, 3,0, 6,0), соревновательность (0,17, 0,59, 0,80), состязательность (0,15, 0,87, 0,95).

Чили в ходе последних электоральных циклов, когда на смену правоцентристской коалиции С. Пиньеры пришла коалиция левого президента Г. Борича, которую в дальнейшем сменила коалиция правого президента Х. Каста¹.

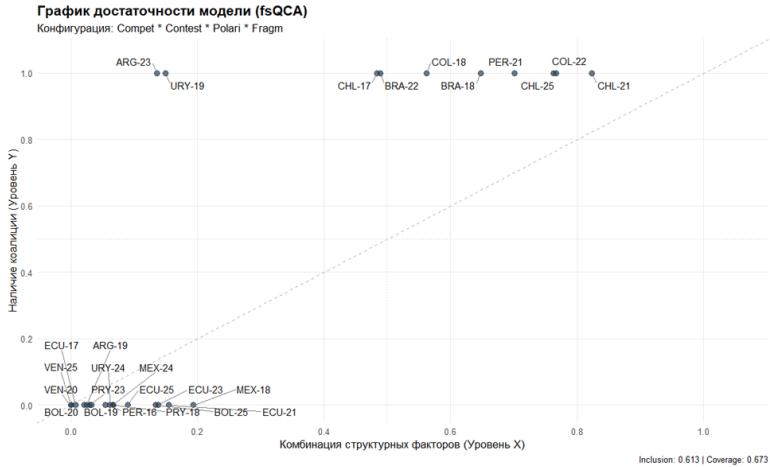

Рис. 3.

Результат качественного сравнительного анализа

Девиантные по охвату случаи имеют пограничные значения по одному или двум показателям: Чили (2017) и Бразилия (2022) отстают по индексу соревновательности, Аргентина (2023) и Уругвай (2019) – по индексам соревновательности и фрагментации. В этом кластере выделяются две логики формирования правительственных коалиций. Во-первых, стратегия выживания, которая была использована Х. Милеем в условиях отсутствия поддержки его партии в парламенте. Министры экономики, обороны и безопасности из партии «Республиканское предложение» (Propuesta Republicana), входившей в правоцентристский блок «Вместе за перемены» (Juntos por el Cambio), получивший 45% мест, были включены как

¹ Необходимо отметить, что кабинет формировался президентом в логике создания правительства независимых министров с привлечением отдельных экспертов из партий-союзниц.

«приглашенные эксперты», а не представители главной оппозиционной силы¹.

Во-вторых, стратегия объединения против правящей политической силы, например коалиции Л. Лакалье Поу против «Широкого фронта» (Frente Amplio), коалиция «Чили, вперед» (Chile Vamos) С. Пиньеры против коалиции М. Бачелет. При высоком уровне фрагментации такие оппозиционные коалиции могут быть очень широкими: в коалицию Л. да Силвы вошли не только левые партии, но и центристы, бывший лидер «Бразильской социал-демократической партии» (PSDB) Ж. Алкмин сменил партию и баллотировался на пост вице-президента в паре с Лулой.

Типичные случаи с отрицательным исходом объясняются наличием доминирующей партии или партии большинства и, соответственно, низкими значениями индексов конфигурации. Из 16 случаев в кластере только пять преодолели порог фрагментации, четыре – порог соревновательности и два – порог состязательности. Примерами являются правительства «Большого патриотического полюса Симона Боливара» (Gran Polo Patriótico Simón Bolívar) в Венесуэле, «Морены» в Мексике, «Колорадо» в Парагвае, «Движения к социализму» (Movimiento al Socialismo) в Боливии до 2025 г. В свою очередь примерами правительственных коалиций, трансформировавшихся из электоральных, выступают «Фронт всех» (Frente de Todos) в Аргентине и «Широкий фронт» в Уругвае.

Количественный анализ

Авторы провели логистический анализ структурных факторов вхождения отдельных партий в коалицию, результаты представлены в табл. 4.

¹ Сотрудничество членов партии «Республиканское предложение» с Х. Милеем вызвало раскол в правоцентристском блоке. Партия «Гражданский радикальный союз» (Unión Cívica Radical) в составе блока «Вместе за перемены» публично отказалась поддержать Х. Милея перед вторым туром президентских выборов. Подробнее см.: Moreno M. Elecciones 2023. Patricia Bullrich confirmó su apoyo a Milei: “Ratificamos los valores del cambio y la libertad, no podemos ser neutrales” // La Nación, 2023. – Mode of access: <https://www.lanacion.com.ar/politica/elecciones-2023-patricia-bullrich-apoyara-a-javier-milei-en-el-balotaje-y-se-diferencia-de-otros-nid25102023/> (accessed: 30.03.2026).

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

	Модель 1 Ресурсная	Модель2 Позиционная	Модель 3 Стратегическая
Зависимая переменная – вхождение в коалицию			
Константа	0,422*** (0,250, 0,696)	1,918* (0,931, 4,135)	0,184*** (0,09, 0,356)
% мест	1,038 (0,983, 1,094)	1,082** (1,017, 1,154)	1,174*** (1,074, 1,291)
Партия президента	5,321*** (1,585 20,343)	1,078 (0,273, 4,591)	–
ИД	–	1,012 (0,781, 1,316)	–
Квадрат % мест	0,995** (0,992, 0,998)	0,994*** (0,990, 0,997)	0,995*** (0,993, 0,998)
Квадрат ИД	–	0,768*** (0,667, 0,853)	–
ИКП	–	–	1,078*** (1,033, 1,135)
ИШП	–	–	0,878*** (0,784, 0,950)
AIC	211,27	172,52	201,18
AUC (ROC)	0,691	0,8459	0,7868
PCP	0,8	0,805	0,795
N	215	215	215
Логарифмическое правдоподобие	-101,635	-80,261	-95,59

Примечание: в таблице представлены отношения шансов (Odds Ratios) с доверительными интервалами (95%) в скобках; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. Коэффициент инфляции дисперсии (VIF) в пределах нормальных значений во всех моделях, структурная мультиколлинеарность между долей мест и ее квадратом была преодолена путем центрирования (7,26 снижен до 1,65). Результаты проверки модели 3 при помощи метода Фирта, не показали значимых отличий, поэтому авторы оставили стандартную логистическую модель в качестве основной.

Модель 1 подтвердила ресурсную гипотезу о значимости веса политических партий в парламенте для вхождения в коалицию. Авторы выявили нелинейную связь между долей мест партии и вхождением в коалицию и рассчитали порог (15,8%), до и после которого шансы на вхождение в коалицию уменьшаются. Перевернутые U-образные кривые (рис. 4) демонстрируют снижение вероятности и для партии президента (синяя кривая), и для других пар-

тий (красная кривая). Наиболее значимым предиктором в модели является партия президента, у которой в 5,3 раза больше шансов войти в коалицию по сравнению с непresidentской партией при средней доле мест, что подтверждает «бонус форматора» [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018, p. 63]. Если партия получает 40% мест, вероятность формирования коалиции становится минимальной, после 50% – нулевой. Модель показывает, что коалиции являются «игрой» средних партий, которые имеют шанс стать младшим партнером в президентской коалиции. Крупные партии могут представлять как поддержку, так и угрозу для президента, но также могут выбрать роль сильной оппозиционной партии.

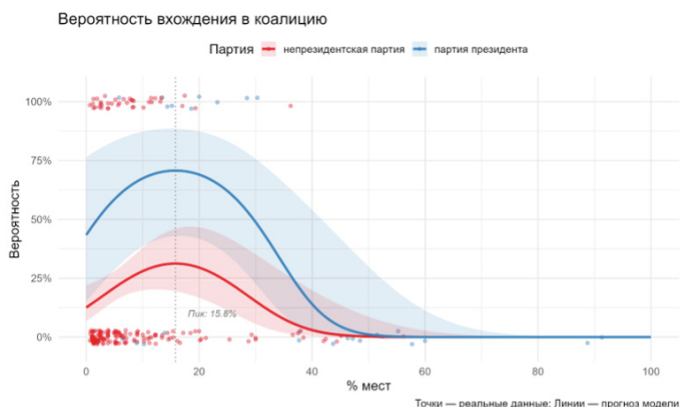

Рис. 4.

Вероятность вступления партий в коалицию

В модели 2 авторы проверили пространственную гипотезу о влиянии идеологической позиции партии. Модель подтвердила нелинейное распределение доли мест и выявила нелинейную связь между идеологической дистанцией партии от партии президента и ее вхождением в президентскую коалицию, но переменная «партия президента» стала незначимой. Рис. 5 демонстрирует снижение вероятности вступления в коалицию для непresidentской партии в зависимости от идеологической дистанции от президента. При этом партия с долей мест 20% имеет больше шансов, чем партии с 10% и 30% при равной идеологической дистанции, что подтверждает обратную U-образную зависимость, выявленную в модели 1.

При большой идеологической дистанции (3,5 и выше) партия не имеет шансов войти в президентскую коалицию независимо от доли мест. Для участия в коалиции средняя по доле мест партия должна находиться недалеко от президента в идеологическом пространстве. При отсутствии идеологических расхождений с президентом вероятность ее вхождения в коалицию достигает 70%, но с увеличением дистанции система «штрафует» партию за отличную от президента позицию.

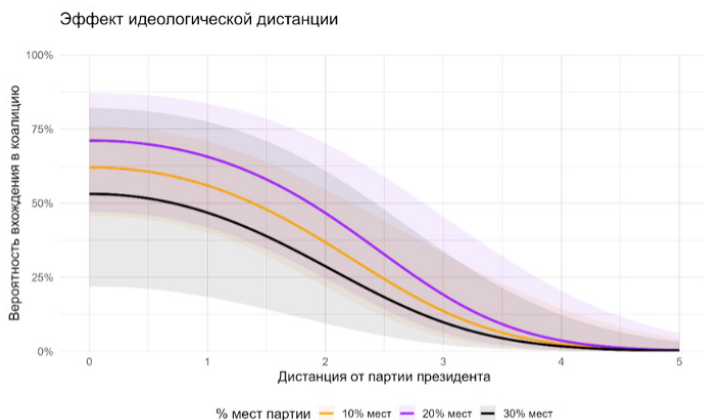

Рис. 5.
**Влияние идеологической дистанции
на вероятность вхождения в коалицию**

Модель 3 была построена с целью проверки стратегической гипотезы о линейном влиянии индексов коалиционного и шантажного потенциалов. Переменная «доля мест» сохранила значимость, подтверждая в третий раз параболическую связь и небольшие шансы маленьких и крупных партий. Стратегические индексы продемонстрировали разнонаправленное влияние на зависимую переменную и оказались значимыми. Увеличение индекса коалиционного потенциала повышает, а индекса шантажного потенциала понижает вероятность вхождения в коалицию (рис. 6¹). ИШП становится «ловушкой»

¹ Прогноз составлен для средней партии в парламенте с долей мест 11,79%. ИКП и ИШП переведены в шкалу от 0 до 1. Широкие доверительные интервалы в центре графика являются следствием отсутствия данных на этом отрезке.

для идеологически далеких непрезидентских партий, которые даже при наличии большого числа мест не будут рассматриваться в качестве возможных партнеров по коалиции. Таким образом, ИШП создает барьер для вступления в коалицию, ИКП, наоборот, стимулирует коалиционирование.

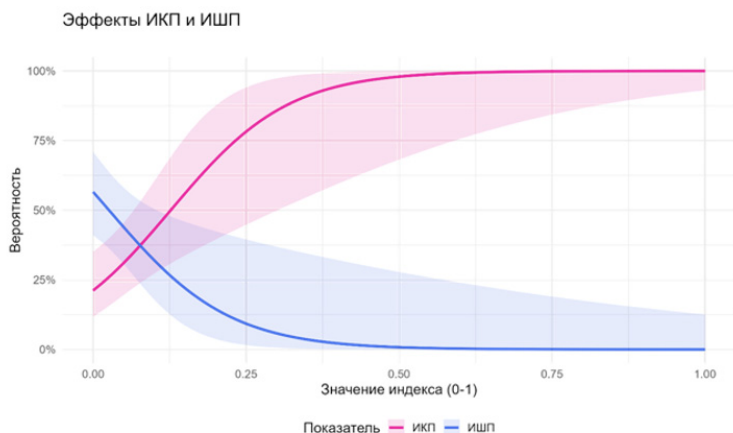

Рис. 6.

**Влияние коалиционного и шантажного потенциалов
на вероятность вхождения в коалицию**

Диагностические показатели (AIC, AUC и логарифмическое правдоподобие) демонстрируют преимущества второй модели, что позволяет сделать вывод о ключевой роли идеологии при формировании правительственных коалиций. Все три модели показали высокую точность прогноза (hit ratio), 80% случаев были верно классифицированы. Однако все модели лучше предсказывают неучастие в коалиции (160–164 верных прогноза), чем участие: первая модель пропустила 39 случаев, вторая – 29, третья – 32. Это может быть связано с тем, что в базе данных в три раза больше случаев участия в коалиции (47), чем неучастия (168).

Результаты количественного анализа подтвердили три поставленные авторами гипотезы. Вес партии, идеологическая позиция партии и стратегический потенциал партии влияют на шансы вхождения в коалицию. В системах с высоким уровнем фрагментации (Бразилия в 2018 и 2022 гг., Чили в 2021 и 2025 гг., Колумбия в 2022 г.) правительственные коалиции включают большое

число некрупных партий с разных сторон идейно-политического спектра.

Например, в первый состав правительства меньшинства, сформированного Ж. Болсонару (2019), вошли представители шести политических партий, получивших не более 11% мест, в том числе «Социальная либеральная партия» (Partido Social Liberal), поддерживавшая президента и обеспечившая ему победу на выборах. В 2022 г. созданная для участия в парламентских выборах (2022) коалиция «Бразильская федерация надежды», объединившая «Рабочую партию» президента с «Коммунистической партией Бразилии» и «Зеленой партией», не сохранилась на этапе формирования кабинета, поэтому правительственная коалиция Л. да Силвы (2023) включила восемь партий, только одна из которых получила 19% мест. Помимо левых партий в правительственную коалицию были включены правые центристы, получившие посты министров планирования и бюджета, шахт и энергетики, коммуникаций, рыболовства и сельского хозяйства, туризма и транспорта¹. Широкие правительственные коалиции часто формируются с участием независимых кандидатов – известных личностей, что в случае с Бразилией отражает популистский стиль руководства. Например, назначенный в 2019 г. министр науки и технологии Бразилии М. Понтес был первым бразильским астронавтом².

Партии, вошедшие в правительственную коалицию в Чили в 2026 г., также не получили больше 15,8% мест в парламенте. «Республиканская партия» (Partido Republicano) президента Х. Каста набрала меньшинство в парламенте (20% мест), что создало институциональную необходимость в распределении министерских постов между представителями различных политических групп. Помимо партийных (8 из 24) в правительстве присутствуют независимые министры (16 из 24), чье доминирование свидетельствует о фор-

¹ Vilela P.R. Lula swears in cabinet members, inks first decrees // Eurasia Review. – 2023. – Mode of Access: <https://eurasiareview.com/03012023-brazil-lula-swears-in-cabinet-members-inks-first-decrees/> (accessed: 30.03.2026).

² Dame L. Bolsonaro confirms astronaut to lead Science, Technology Ministry // Agencia Brasil. – 2018. – Mode of access: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/en/politica/noticia/2018-10/bolsonaro-confirms-astronaut-lead-science-technology-ministry> (accessed: 30.03.2026).

мировании «чрезвычайного правительства»¹, главной целью которого Каст объявил выход страны из кризиса.

При формировании правительственной коалиции в Колумбии в 2022 г. президент принял решение о выходе за рамки электоральной коалиции левых сил «Исторический пакт», получившей лишь 14,36% мест в парламенте. Президент меньшинства был вынужден распределить министерские посты между представителями левых и правых политических партий, ни одна из которых не набрала более 15,8% мест в парламенте, за исключением «Колумбийской либеральной партии» (17% мест). Однако единственный представитель этой политической силы, получивший министерский пост, был приглашен президентом Г. Петро в качестве эксперта².

В рассматриваемых странах были случаи, когда в правительственную коалицию входили средние непрезидентские партии с широкой парламентской поддержкой. Например, рассмотренный выше кабинет Х. Милея или кабинет С. Пиньеры (2018), в который вошла непрезидентская партия «Независимый демократический союз» (Unión Demócrata Independiente), имеющая 19,35% мест в парламенте.

Количественный анализ показал, что в случае, когда партия (в том числе президента и непрезидентская) набирает больше выявленного порога, вероятность ее вхождения в правительственную коалицию снижается. Однако в случаях, когда президентской партии противостоит крупная сила с большой долей мест в парламенте, например Уругвайский «Широкий фронт» (42,42%), партии президента (30,3%) пришлось объединять другие политические силы против нее. Президенты, чьи партии имеют парламентское большинство, формируют однопартийные или технократические

¹ Montes R. Chile's president-elect Kast unveils Cabinet: Few party members, business allies and drug tests // El País. – 2026. – Mode of access: <https://english.elpais.com/international/2026-01-21/chiles-president-elect-kast-unveils-cabinet-few-party-members-business-allies-and-mandatory-drug-tests.html> (accessed: 30.03.2026).

² Речь идет о министре юстиции Н. Осуне, профессоре конституционного права, бывшем судье Конституционного суда и судье (Magistrado) Высшего совета юстиции. Подробнее см.: Orbach J. Who's who in Gustavo Petro's cabinet? // AS/COA. – 2022. – Mode of access: <https://www.as-coa.org/articles/whos-who-gustavo-petros-cabinet> (accessed: 30.03.26).

правительства, например в Венесуэле¹, Мексике (2024)², Парагвае³ и Эквадоре⁴.

Значимым фактором включения партии в коалицию, выявленным по результатам количественного анализа, является идеологическая дистанция. Авторы подтвердили гипотезу, согласно которой идеологически близкие к президенту партии с большей вероятностью включаются в правительственные коалиции. Из 38 непрезидентских партий – участниц коалиций 10 совпадали идеологически с президентом, 16 находились на расстоянии 1 пункта в идеологическом пространстве, 9 – на расстоянии 2 пунктов. Только в двух случаях дистанция составила 3 пункта, например, в Колумбии (2022) правительство Г. Петро объединило левые партии с правыми силами, в первую очередь представленными правоцентристской консервативной партией. Это классический случай обеспечения правительственной легитимности за счет включения традиционных системных партий⁵.

Количественный анализ подтвердил стратегическую гипотезу, продемонстрировав, что вероятность включения партии в правительственную коалицию повышается при высоком коалиционном потенциале и низком шантажном. Выявленное соотношение потенциалов было обнаружено у партий – участниц коалиции в Бразилии, Колумбии, Чили, Перу и Уругвае. Как правило, наибольшим коалиционным потенциалом в президентских системах обладают партии, получившие большинство мест и находящиеся не далее 1 пункта в идеологическом пространстве от президента. В настоящей выборке все непрезидентские партии с ИКП выше среднего значения по выборке (7) вошли в коалицию, при этом

¹ Партия президента «Большой патриотический полюс Симона Боливара» (Gran Polo Patriótico Simón Bolívar) получила 88% и 91% мест в парламенте в 2020 и 2025 гг. соответственно.

² Партия президента «Движение национального возрождения» / «Морена» (Movimiento de Regeneración Nacional / Morena) получила 47% мест в парламенте.

³ Партия президента «Колорадо» (Colorado) получила 52,5% и 60% мест в парламенте в 2018 и 2022 гг. соответственно.

⁴ В 2017 г. партийный альянс президента «Паис» (Pais) получил 55% мест, в 2025 г. партия президента «Национальное демократическое действие» (Acción Democrática Nacional) – 43,7%.

⁵ Bonila J. Petro sella una sólida coalición en el Congreso con el apoyo de los partidos tradicionales // El País. – 2022. – Mode of access: <https://elpais.com/america-colombia/2022-09-08/petro-sella-una-solida-coalicion-en-el-congreso-con-el-apoyo-de-los-partidos-tradicionales.html> (accessed: 30.03.2026).

самый высокий коалиционный потенциал зафиксирован у «Независимого демократического союза» (20,8) в Чили (2017), «Либеральной партии» (26,38) в Чили (2021), «Радикального изменения» (20,07) в Колумбии (2018) и «Колумбийской либеральной партии» (22,38) в 2022 г.

Индекс шантажного потенциала также продемонстрировал эвристическую ценность. Партии с шантажным потенциалом выше среднего значения (8,4) часто не входят в коалицию. Например, в 2017 г. «Социалистическая партия Чили» (23,88), в 2021 г. «Национальное обновление» (32,48) и «Независимый демократический союз» (29,06), в 2025 г. «Широкий фронт» (19,76), «Социалистическая партия Чили» (19,81), «Коммунистическая партия» (19,81). В Перу в 2021 г. наибольшим ИШП обладали не вошедшие в правительственную коалицию партии «Народная сила» (67,26) и «Народное обновление» (36,31).

При этом не все крупные партии, обладавшие значительной поддержкой в парламенте, были включены в правительственные коалиции из-за высокого ИШП, например аргентинский «Союз ради Родины» в 2023 г. при 42% мест. Ресурс этой партии превышал необходимый порог, которого было недостаточно для формирования однопартийного правительства, но шантажный потенциал (30,92) почти в три раза превышал потенциал коалиционный. Пример демонстрирует, что сочетания ресурсного, позиционного и структурного потенциала влияют на принятие решения о включении партии в коалицию. Президентам в анализируемых системах выгоднее включить идеологически близкую партию с достаточной парламентской поддержкой для проведения политики, чем договариваться с крупной оппозиционной силой.

Авторы приходят к выводу, что факторами включения партии в состав правительственной коалиции являются доля мест на уровне 15,8%, идеологическая дистанция от президента, которая должна быть не более 2 пунктов, и индекс шантажного потенциала не должен превышать индекс коалиционного потенциала.

Заключение

В статье была предпринята попытка уточнить факторы формирования правительственных коалиций в президентских системах Латинской Америки во время двух последних электоральных суперциклов.

На уровне стран были подтверждены гипотезы о влиянии формата партийной системы, конфигурации сил и архитектуры идеологического пространства на создание правительственных коалиций в президентских системах. На основе анализа необходимых условий была определена необходимость и выявлены пороги фрагментации, идеологической поляризации, соревновательности и соперничества. С помощью качественного сравнительного анализа была установлена единственная конфигурация структурных факторов, достаточная для формирования коалиции: Поляризация * Фрагментация * Соревновательность * Состязательность. Анализ случаев правительственных коалиций показал, что большинство правительств создаются по модели широких (сверхбольших) коалиций, что объясняется высокой идеологической поляризацией на фоне высокой конкурентности партий: соревновательность и состязательность вынуждают политических акторов объединяться не только с идеологическими союзниками, но и с идеологическими противниками.

Количественный анализ факторов формирования коалиций на уровне партий подтвердил ресурсную, позиционную и стратегическую гипотезы. Анализ выявил пиковое значение доли мест (15,8%), выход за пределы которого снижает вероятность вхождения партии в правительственную коалицию. Было уточнено максимальное значение идеологической дистанции от президента (не более 2), обеспечивающее вхождение партии в коалицию. Анализ подтвердил значимость разработанных авторами индексов коалиционного и шантажного потенциала и выявил их разнонаправленное влияние на вероятность формирования коалиции. Качественный анализ отдельных кейсов продемонстрировал, что в случае с крупными партиями важное значение приобретает не количество мест, а идеологическая позиция, так как крупной партии с высоким ИШП сложнее войти в коалицию.

Авторы проверили прогностические способности третьей модели на примере выборов в Германии¹ в 2021 и 2025 гг. (табл. 5). При составлении индексов в условиях неопределенности идеологической позиции будущего канцлера в качестве референтного значения использовалась медианная позиция, а «бонус президента»

¹ Авторы выбрали Германию, так как ИБ (составная часть ИКП и ИШП) позволяет прогнозировать влияние политических партий при формировании коалиций большинства, что соответствует принципу абсолютного большинства канцлера (Kanzlermehrheit).

(модели 1 и 2) был присвоен партии с наибольшим числом мест. Модель 3 спрогнозировала возможность формирования двух типов коалиций в 2021 г.: «Светофор» или «Ямайка» (что соответствует проведенным партиями переговорам). Партии, сформировавшие коалицию «Светофор» были ближе по индексу коалиционного потенциала (СДПГ – 18,03, ХДС – 22,95, Альянс 90 / Зеленые – 18,03 и СвДП – 14,75), чем партии несформированной коалиции «Ямайка». Модель также показала наибольшую вероятность формирования черно-красной коалиции и наименьшую вероятность для АдГ в 2025 г.

Таблица 5

Проверка прогностического потенциала модели 3

Выборы	Партия	Вероятность вхождения в коалицию
2021	СДПГ	74,85
	ХДС	77,22
	Зеленые	75,15
	СвДП	69,52
	АдГ	16,77
2025	ХДС	82,22
	СДПГ	75,83
	АдГ	2

Авторы признают, что, хотя объяснительный потенциал количественных моделей ограничен, уточнение разработанных индексов для парламентских систем и моделирование вероятности вступления партии в правительственную коалицию на расширенной выборке позволит в дальнейшем оценить их эффективность для анализа парламентских коалиций.

O.G. Kharitonova, A.A. Malchenko*

Ideological distance and the trap of blackmail potential: structural factors of government coalition formation in Latin America

Abstract. Conventional wisdom on the redundancy of coalitions under presidentialism is refuted by political systems in Latin American countries. Earlier studies confirmed that coalition formation process was not directly influenced by political system design, but rather by the characteristics of political parties and institutions that ensure their interaction within the system. The article examines the

* **Kharitonova Oxana**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru; **Malchenko Angelina**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: an.malashenkova@my.mgimo.ru

phenomenon of party coalitions in Latin American presidential and semi-presidential systems on the sample of 11 multiparty consolidated systems (Argentina, Bolivia, Brazil, Venezuela, Colombia, Mexico, Paraguay, Peru, Chile, Ecuador, Uruguay). The study was aimed to assess the impact of structural factors on government coalition formation at the country and party levels. The necessary conditions analysis (NCA) and the fuzzy-set qualitative comparative analysis (QCA) identified necessary conditions and sufficient configuration of coalition building at the country level with typical and deviant cases located and qualitatively described. Logistic regression analysis modeled the probability of individual parties joining a coalition. The 215 party-level observations included political parties, which participated in the national elections of the last two electoral cycles (2017–2019 and 2021–2024) and crossed the threshold of 1% of seats. The study confirmed the hypotheses on the relationship between political party's coalition membership and its structural and positional characteristics, proved the significance of ideological distance from the president, identified the critical seat threshold in the lower chamber and compared the counter-directional influence of the coalition and blackmail potentials of parties on the likelihood of joining the coalition.

Keywords: government coalition; presidential system; Latin America; ideological distance; ideological polarization; blackmail potential; coalition potential.

For citation: Kharitonova O.G., Malchenko A.A. Ideological distance and the trap of blackmail potential: structural factors of government coalition formation in Latin America. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 103–131. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.06>

References

- Albala A. When do coalitions form under presidentialism, and why does it matter? A configurational analysis from Latin America. *Politics*. 2021, Vol. 41, N 3, P. 351–370. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263395720950134>
- Albala A., Borges A., Couto L. Pre-electoral coalitions and cabinet stability in presidential systems. *The British journal of politics and international relations*. 2021, Vol. 25, N 1, P. 64–82. DOI: <https://doi.org/10.1177/136914812111056852>
- Albala A., Couto L. Question of timing: pre-electoral coalitions in multiparty presidential regimes. *Brazilian political science review*. 2023, Vol. 17, N 1, Article e0001. DOI: <http://doi.org/10.1590/1981-3821202300010001>
- Aleman E., Tsebelis G. Political parties and government coalitions in the Americas. *Journal of politics in Latin America*. 2011, Vol. 3, N 1, P. 3–28. DOI: <https://doi.org/10.1177/1866802X1100300101>
- Axelrod R. *Conflict of interest: a theory of divergent goals with applications to politics*. Chicago: Markham publishing company, 1970, 216 p.
- Barabash B.A. Relativistic conceptualization of small states via composite indicator of national capability and neighborhood: spatial statistical analysis. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 262–281. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.12> (In Russ.)
- Bunker K. Why do parties cooperate in presidentialism? Electoral and government coalition formation in Latin America. *Revista de estudios políticos*. 2019, N 186, P. 171–199. DOI: <https://doi.org/10.18042/cepc/rep.186.06>

- Calvo E., Guarnieri F., Limongi F. Why coalitions? Party system fragmentation, small party bias, and preferential vote in Brazil. *Electoral studies*. 2015, N 39, P. 219–229. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2015.03.012>
- Chaisty P., Cheeseman N., Power T.J. *Coalitional presidentialism in comparative perspective: Minority presidents in multiparty systems*. Oxford: Oxford university press, 2018, 288 p.
- Cheibub H., Przeworski A., Saiegh S. Government coalitions and legislative success under presidentialism and parliamentarism. *British journal of political science*. 2004, Vol. 34, N 4, P. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123404000195>
- Cheibub J., Limongi F. Democratic institutions and regime survival: parliamentary and presidential democracies reconsidered. *Annual review of political science*. 2002, Vol. 5, N 1, P. 151–179. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.102301.084508>
- Dalton R.J. Modeling ideological polarization in democratic party systems. *Electoral studies*. 2021, Vol. 72, Article 102346. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2021.102346>
- De Swaan A. *Coalition theory and cabinet formation: a study of formal theories of coalition formation applied to nine European parliaments after 1918*. Amsterdam: Elsevier, 1973, 347 p.
- Inácio M. Coalitional presidentialism in Latin America: what to learn from it? *Simposio Internacional Innovación Institucional en las Repúblicas del Bicentenario. La democracia latinoamericana a dos siglos del Congreso de Panamá*. 2026, 30 p. Mode of access: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/1_Inacio.pdf (accessed: 30.03.2026).
- Indridason I.H. Coalition formation and polarisation. *European journal of political research*. 2011, Vol. 50, N 5, P. 689–718. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2011.01990.x>
- Kharitonova O.G. Presidentialism and democracy: the state of the debate. *Political science (RU)*. 2012, N 3, P. 199–213. (In Russ.)
- Laakso M., Taagepera R. “Effective” number of parties: a measure with application to West Europe. *Comparative political studies*. 1979, Vol. 12, N 1, P. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.1177/001041407901200101>
- Müller W.C., Strøm K. Coalition governance in Western Europe: an introduction. In: Müller W.C., Strøm K. (eds). *Coalition governments in Western Europe*. Oxford: Oxford university press, 2000 a, P. 1–30.
- Müller W.C., Strøm K. Conclusion: coalition governance in Western Europe. In: Müller W.C., Strøm K. (eds). *Coalition governments in Western Europe*. Oxford: Oxford university press, 2000 b, P. 559–592
- Neto O. A. The presidential calculus: executive policy making and cabinet formation in the Americas. *Comparative political studies*. 2006, Vol. 39, N 4, P. 415–440. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005282381>
- Pereira C., Melo M. The surprising success of multiparty presidentialism. *Journal of democracy*. 2012, Vol. 23, N 3, P. 156–170. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2012.0041>
- Rae D.W. *The political consequences of electoral laws*. New Haven; London: University press, 1971, 203 p.
- Sartori G. *Parties and party systems a framework for analysis*. Colchester: ECPR press, 2005, 341 p.

- Schneider C.Q., Rohlfing I. Case studies nested in Fuzzy-set QCA on sufficiency: formalizing case selection and causal inference. *Sociological methods & research*. 2016, Vol. 45, N 3, P. 526–568. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124114532446>
- Strøm K.A Behavioral theory of competitive political parties. *American journal of political science*. 1990, Vol. 34, N 2, P. 565–598. DOI: <http://www.jstor.org/stable/2111461>
- Tsebelis G., Ha E. Coalition theory: a veto players' approach. *European political science review*. 2014, Vol. 6, N 3, P. 331–357. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1755773913000106>
- Vanhanen T. *Democratization a comparative analysis of 170 countries*. London: Routledge, 2003, 302 p.
- Vis B., Dul J. Analyzing relationships of necessity not just in kind but also in degree: complementing fsQCA with NCA. *Sociological methods & research*. 2018, Vol. 47, N 4, P. 872–899. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124115626179>
- Yakovleva N.M. Electoral supercycle in Latin America: political trends. *Perspectives: an electronic journal*. 2018, N 1 (13), P. 69–80. DOI: <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2018-1-69-80> (In Russ.)
- Zaznaev O.I. Atypical presidential and semi-presidential systems. *Scientific notes of Kazan university. The humanities series*. 2005, N 1, P. 54–69. (In Russ.)
- Zovatto D. Election super cycle in Latin America 2021–2024. *The Euro Latin American journal of social and political analysis*. 2020, Vol. 2, N 3, P. 45–66. DOI: <https://doi.org/10.35305/tr.v2i3.11>

Литература на русском языке

- Барабаш Б.А. Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 262–281. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.12>
- Зазнаев О.И. Атипичные президентские и полупрезидентские системы // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 54–69.
- Харитонова О.Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 199–213.
- Яковлева Н.М. Электоральный суперцикл в Латинской Америке: политические тренды // Перспективы: электронный журнал. – 2018. – № 1 (13). – С. 69–80. – DOI: <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2018-1-69-80>

А.Е. КОНЬКОВ, А.Р. ДУМБАДЗЕ*

**ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ РФ ДО 2030 ГОДА**

Аннотация. В конце 2024 г. Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию пространственного развития РФ до 2030 года, которая пришла на смену редакции до 2025 г. Несмотря на активное использование понятия «пространство» в нормативных правовых актах стратегического планирования, законодатель не дает его четкого определения, что создает терминологическую неопределенность в управленческой практике. Авторы исходят из предположения, что для целей государственной политики пространство не может сводиться только к территории как юридически закреплённому участку земной поверхности. Цель исследования – разрешить вопрос, каким образом государство определяет пространство как объект политики и имеет ли различие «пространства» и «территории» прикладное политико-правовое значение. Авторы предполагают, что в Стратегии-2030 понятие «территория» используется преимущественно для фиксации административно-правовых и географических рамок, тогда как «пространство» обозначает динамическую конфигурацию связей, приоритетов, инфраструктур и механизмов координации. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой метод (анализ концепций пространства в европейском праве), институциональный анализ и частотный контент-анализ документов стратегического планирования. Эмпирическая часть включает частотный анализ сло-

* **Коньков Александр Евгеньевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); e-mail: KonkovAE@sra.msu.ru; **Думбадзе Артем Русланович**, аспирант факультета Высшая школа культурной политики и управления в гуманитарной сфере, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: artyom.dumbadzel@yandex.ru

воформ в тексте Стратегии-2030 и сопоставительное кодирование ее ключевых смысловых блоков со Стратегией пространственного развития РФ на период до 2025 года. Результаты показывают, что новая Стратегия смещает акцент от модели перспективных центров экономического роста и макрорегионов к модели опорных населенных пунктов, инфраструктурной связности, цифровой платформы управления и мониторинга пространственных приоритетов. На этой основе пространство предлагается понимать как двухслойную категорию: первый слой – территория как правовая база суверенитета, границ и компетенции; второй слой – институционально организованная среда взаимодействия субъектов, объектов, инфраструктур, потоков и представлений. Авторы приходят к выводу о том, что пространственная политика требует не только юридического закрепления инструментов, но и методического обеспечения, позволяющего разграничивать типы пространств и единообразно соотносить их с целями, полномочиями и результатами деятельности публичной власти в сфере пространственного развития на разных уровнях. Полученные выводы могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании нормативной базы стратегического планирования и подготовке прикладных рекомендаций для органов власти.

Ключевые слова: пространственное развитие; государственная политика; территория; пространство; Стратегия пространственного развития; стратегическое планирование; политико-правовой анализ, контент-анализ, типология пространств, территориальная идентичность.

Для цитирования: Коньков А.Е., Думбадзе А.Р. Пространство как объект государственной политики на примере Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 132–154. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.07>

Введение

В конце 2024 г. Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию пространственного развития РФ до 2030 года (с прогнозом до 2036 года; далее – «Стратегия»)¹. Новая Стратегия пришла на смену предыдущей, до 2025 г. Указанные нормативные правовые акты являются документами стратегического планирования. Отличительной особенностью этих документов является фокус на пространстве в попытке «вовлечь... в достижение нацио-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 2. – Ст. 74. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (дата посещения: 03.06.2026).

нальных целей с учетом необходимости эффективного использования имеющихся ресурсов»¹.

Актуальность темы обусловлена тем, что государство активно использует категорию «пространство», но не обеспечивает ее достаточным понятийным аппаратом. В российском праве подробно закреплены понятия территории, государственной границы, территориального планирования, тогда как пространство остается категорией документов стратегического планирования, политико-управленческого языка и научной доктрины. В результате возникает методологическая неопределенность: если пространство понимается как синоним территории, то Стратегия пространственного развития становится лишь еще одним документом стратегического планирования; если же пространство понимается как система связей, потоков, инфраструктур, институтов и идентичностей, то оно выступает самостоятельным объектом государственной политики. Это создает риски несогласованности документов стратегического планирования, затрудняет формулирование целей и распределение полномочий между уровнями власти [Леонтьева, Проскурнова, 2021].

Исследовательский вопрос настоящей статьи может быть сформулирован так: каким образом в российской системе стратегического планирования конструируется пространство как объект государственной политики и в чем состоит прикладной смысл его разграничения с территорией? Авторы предполагают, что в Стратегии-2030 «территория» и производные от нее термины используются главным образом для фиксации административно-правовых, географических и режимных характеристик, тогда как «пространство» обозначает управляемую конфигурацию связей, приоритетов, инфраструктуры, центров обслуживания и механизмов координации.

Центральный исследовательский вопрос статьи: как в Стратегии-2030 конструируется категория «пространство», чем ее политико-правовое содержание отличается от понятия «территория» и какое аналитическое преимущество дает это различие? Следовательно, цель статьи состоит в том, чтобы концептуализировать пространство как объект государственной политики на примере Стратегии-2030, сопос-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 2. – Ст. 74. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (дата посещения: 03.06.2026), с. 2.

тавив его с понятием территории и показав, каким образом данное различие может быть использовано в политико-правовом анализе.

Методологически работа построена на сочетании сравнительно-правового анализа (сопоставление нормативных актов разного уровня), институционального подхода (объяснение логики стратегического планирования) и частотного контент-анализа ключевых терминов. Такая конфигурация методов нужна, чтобы одновременно уловить и формальные дефиниции, и неявные смысловые сдвиги между документами. Основное ограничение: контент-анализ фиксирует только явное присутствие терминов, но не всегда их реальное операциональное наполнение; кроме того, исследование ограничено сравнением федеральных Стратегий двух редакций (Стратегией-2025 и Стратегией-2030) без детального сравнения со Стратегиями пространственного развития регионов.

Научная новизна исследования состоит в политико-правовой операционализации (процесс перевода абстрактных понятий в измеримые переменные, с которыми можно работать в рамках эмпирических исследований) различия терминов «территория» и «пространство» применительно к документу стратегического планирования. Авторы не преследуют цели обоснования уже ставшим очевидным тезиса о том, что «пространство» шире «территории», что давно отражено в философской и геополитической доктрине.

Сопоставление Стратегии-2025 и Стратегии-2030

Сравнение со Стратегией-2025 показывает не только преемственность, но и изменение управленческой логики. Первая Стратегия была в значительной степени построена вокруг перспективных центров экономического роста, макрорегионов и перспективных экономических специализаций субъектов Федерации. Стратегия-2030 сохраняет эти элементы, но переносит акцент на опорные населенные пункты, инфраструктурную доступность, цифровой мониторинг и концентрацию ресурсов в рамках национальных целей.

Авторы опираются не на частотность словоформ, а на качественный контент-анализ семантических связей: какие понятия сопрягаются, какие получают операциональные определения, а какие исчезают. Это позволяет избежать декларативности и реконструировать саму логику планирования.

Вместе с тем данное исследование имеет ряд ограничений. Текст Стратегий фиксирует заявленную логику, а не реальную

практику управления. Кроме того, документы – результат ведомственного компромисса, поэтому отдельные формулировки могут быть непоследовательными. Выводы следует читать как гипотезы о намерениях разработчиков, а не как описание фактически сложившейся системы.

Сравнительное кодирование Стратегии-2025 и Стратегии-2030 см. в Приложении 1.

Таким образом, Стратегия-2030 не просто обновляет перечень приоритетов. Она иначе описывает пространство. Если Стратегия-2025 в большей степени отвечала на вопрос «где расположены перспективные центры роста и специализации?», то Стратегия-2030 отвечает на вопрос «как связать территории, населенные пункты, инфраструктуру и ресурсы в управляемую систему, способную обеспечивать национальные цели?».

Это различие принципиально. В первом случае пространство преимущественно картографируется; во втором – институционально конструируется. Пространство становится результатом выбора: какие населенные пункты признать опорными, какие территории – геостратегическими, какие инфраструктурные проекты – приоритетными, какие показатели – целевыми, какие данные – достаточными для мониторинга.

Доктринальное восприятие терминов «пространство» и «территория»

В российской науке и деловой практике «пространство» часто употребляется как удобное, но размытое зонтичное понятие – рядом с «территорией», «регионом», «ареалом», иногда вообще без какого-либо различия. Это можно обнаружить, например, в социологических исследованиях [Акимова, 2022]. Нельзя утверждать, что территория всегда имеет только правовой смысл, а пространство – только социальный или политический. В правовой и политической практике встречаются выражения «суверенная территория», «национальное воздушное пространство», «территория опережающего развития», «единое экономическое пространство», «таможенная территория». Следовательно, различие должно строиться не на жесткой семантической оппозиции, а на функциональном анализе.

Л.С. Леонтьева и К.Ю. Проскурнова показывают, что такая терминологическая «взаимозаменяемость» быстро превращается в проблему государственной политики: если не ясно, чем именно

управляет государство (территорией как объектом права или пространством как конфигурацией связей и ресурсов), то трудно иерархизировать документы, корректно формулировать цели, результаты и инструменты, а также распределять ответственность между уровнями власти [Леонтьева, Проскурнова, 2021]. Авторы предлагают использовать следующий терминологический аппарат: территория – это участок земной поверхности (включая сушу и воду) с объектами на нем и под ним, который на основании действующих норм можно отнести к конкретному субъекту отношений (государству, домохозяйству, фирме). Пространство шире: это совокупность правоотношений объектов и субъектов, распределенных по определенной территории, плюс система институтов, действующих на этой территории. То есть территория выступает как правовая «основа присвоения и юрисдикции», а пространство – как институционально организованная среда деятельности и развития, с которой и работает политика пространственного развития. Отсюда следует практический вывод: пространство как объект государственной политики» требует не только стратегий, но и грамотного юридического закрепления (логики связки стратегий и программ), а также методических руководств для административно-территориальных единиц [Леонтьева, Проскурнова, 2021, с. 35].

В противовес позиции, отстаивающей строгое разграничение понятий, в научной литературе существует иная линия, где эти категории рассматриваются как взаимозаменяемые. Как отмечает Л.Л. Зобова, в классической политической экономии исследователи оперировали термином «территория», тогда как современные экономисты все чаще используют понятие «экономическое пространство», зачастую не проводя между ними содержательной границы [Зобова, 2008, с. 11]. Однако для политологического и институционального анализа такое смешение контрпродуктивно.

А.Б. Елацков со ссылкой на К.Э. Аксенова обращает внимание на то, что за словом «пространство» может стоять либо географическая среда, либо сама политическая деятельность, которая в этой среде разворачивается и придает ей осмысленность [Елацков, 2013, с. 152]. В первом случае пространство трактуется как пассивное «вместилище», во втором – как результат отношений между политическими акторами. Территория же фиксирует статичную принадлежность и границы, тогда как пространство динамично и складывается из синтеза географических условий и деятельности субъектов. Сходным образом рассуждает Н.А. Баранов: территория – это конкретный участок, закрепленный за политиче-

ским образованием, своего рода фиксированная площадка; пространство же трактуется как объемная структура, включающая не только объекты, но и дистанции, а также связи между ними¹.

Такое различие хорошо согласуется с логикой юридической политологии Н.П. Медведева, которая позволяет изучать не только норму как юридический текст, но и политические условия ее действия и институциональные последствия [Медведев, 2015]. Работы Н.П. Медведева о политическом регионе уточняют этот предмет: регион – не только административная единица, а поле интересов, ресурсов и взаимодействий государства с его частями [Медведев, 2017, с. 6]. В отечественной доктрине встречаются и выразительные позиции, например, мнение С.В. Митрофанова о том, что территорию следует воспринимать как самостоятельный субъект политико-экономических отношений [Митрофанов, 2025]. Однако справедлив контраргумент Н.А. Баранова: реальными политическими акторами являются не сами территории, а жители, местные элиты и граждане, объединенные в территориальные сообщества².

Р.Ф. Туровский также подчеркивает необходимость структурного анализа как политического геопространства в частности, так и политического пространства в целом, т.е. восприятия пространства в качестве деленного на части. [Туровский, 2015, с. 77]. В контексте Стратегии пространственное развитие является политико-управленческим вызовом: государство сталкивается с задачей удержания экономического единства страны при устойчивой социально-экономической поляризации регионов [Туровский, Сухова, 2024].

Дополнительно научная дискуссия показывает, что Стратегия-2030 воспринимается как попытка переописать пространство страны в категориях связности и управляемости. О.В. Кузнецова и А.Г. Дружинин настаивают на необходимости «муниципализации» федеральной политики и перехода от логики отдельных центров роста к рассмотрению единой системы расселения [Кузнецова, Дружинин, 2024, с. 41]. М.Г. Решетников, министр экономического развития Российской Федерации, подчеркивает, что инструмен-

¹ Баранов Н.А. Лекция 2. Регион как объект (уровень) политического анализа // Курс «Политическая регионалистика». – 2016. – Режим доступа: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-regionalistika/lektsiya-2-region-kak-ob-ekt-uroven-politicheskogo-analiza> (дата посещения: 21.03.2026).

² Баранов Н.А. Лекция 2. Регион как объект (уровень) политического анализа // Курс «Политическая регионалистика». – 2016. – Режим доступа: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-regionalistika/lektsiya-2-region-kak-ob-ekt-uroven-politicheskogo-analiza> (дата посещения: 21.03.2026).

тарий Стратегии строится вокруг опорных населенных пунктов и увязки пространственного развития с новыми национальными целями [Решетников, 2025, с. 8]. При этом Е.М. Бухвальд отмечает, что система институтов пространственного развития все еще не до конца встроена в экономико-правовой механизм федеративных отношений [Бухвальд, 2025, с. 37].

И.Ю. Окунев добавляет методологически важную идею: пространство влияет на политику не только напрямую, но и через субъективные представления, которые могут быть устойчиво искаженными. Поэтому он разводит «объективную» географию (абсолютное пространство) и социальное пространство, описываемое через гетеротопии, пространственный опыт и «места памяти» [Окунев, 2018, с. 20]. В международной политологии D. Lambach критикует привычку мыслить государство как замкнутую территорию и показывает, что пространство «делается» практиками власти: картографированием, проведением границ и увязкой с сетями [Lambach, 2022]. В.А. Simmons и Н.Е. Goemans, в свою очередь, возвращают внимание к границе как институту, который координирует членство и легитимирует власть, не закрепляя при этом пространство как таковое [Simmons, Goemans, 2021].

Наиболее продуктивным для политологического анализа представляется подход П. Бурдьё, где социальное и политическое пространство понимается как «поле» (champ), структурированное пространство позиций конкурирующих акторов. Территория в этой логике лишь физический и юридический «контейнер». Она может быть неизменной, тогда как политическое или экономическое пространство внутри нее может сжиматься, поляризоваться или консолидироваться [Бурдьё, 1993, с. 42–45].

Исходя из этого, целесообразно ввести типологию пространств:

- 1) территориально-географическое пространство (физический базис);
- 2) экономическое пространство (сети производства и обмена);
- 3) политическое пространство (поле взаимодействия институтов власти и граждан);
- 4) цифровое и информационное пространство (среда распределения данных и контроля).

Использование термина «единое экономическое пространство» (например, в Договоре о ЕАЭС¹) или «цифровое пространство» в

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // Официальный сайт Евразийской экономической

отличие от термина «таможенная территория» подтверждает, что в политической практике государственные акторы осознают разницу: территорией владеют, а пространство – конструируют.

На основании проанализированных доктринальных позиций можно прийти к основному выводу о том, что «пространство» воспринимается учеными-политологами, социологами и экономистами однозначно шире, чем «территория». Пространство как объект государственной политики следует воспринимать двухслойно. Первый слой – территория: законодательно закрепленное понятие, связанное с государственной властью, границами и юрисдикцией. Второй слой – само содержание пространства: институционально и материально организованная система объектов, людей, инфраструктур и связей на этой территории.

Восприятие законодателями терминов «пространство» и «территория»

Понятие «территория» в российском законодательстве, позволим сказать, «разбросано» по различным нормативным правовым актам.

Прежде всего мы должны упомянуть, что статья 67 Конституции РФ содержит положения о том, что именно содержит в себе территория страны (территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними)¹.

Также пп. 14 п. 1 ст. 4 ФЗ «О гражданстве» гласит, что «территория Российской Федерации – территория Российской Федерации в пределах Государственной границы Российской Федерации на день наступления обстоятельств, связанных с приобретением или прекращением гражданства Российской Федерации»².

комиссии. – 05.06.2014. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата посещения: 25.04.2026).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 04.07.2020. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата посещения: 03.06.2026).

² Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О гражданстве Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 18. – Ст. 3215. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216> (дата посещения: 03.06.2026).

Наконец, под государственной границей закон понимает «линию и проходящую по этой линии вертикальную поверхность, определяющую пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) РФ, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета РФ»¹.

На основании определения государственной границы мы можем увидеть, что пространство воспринимается законодателем в качестве «содержания», находящегося в пределах государственной границы и являющимся ореолом действия суверенитета.

Нормативный массив демонстрирует определенное терминологическое «жонглирование»: термин «территория» и «территориальный» в Стратегии явно шире термина «территория Российской Федерации» в контексте термина «государственная граница». Одновременно «пространство» в Стратегии, в свою очередь, шире «пространства», упоминаемого в «государственной границе». Это вносит определенную путаницу при анализе и восприятии рассматриваемого вопроса.

Следовательно, корректная позиция состоит не в том, что территория всегда статична, а пространство всегда динамично. Территория тоже может быть объектом развития, особого режима, экономической политики. Пространство тоже может иметь правовое закрепление и режимные границы. Различие заключается в доминирующей функции: территория задает правовую локализацию власти, а пространство описывает конфигурацию связей, через которые эта власть фактически реализуется.

Особенно наглядно это видно в Стратегии-2030. Территория в ней фигурирует как геостратегическая, прилегающая, приграничная, региональная, муниципальная. Пространство же фигурирует как объект развития, система приоритетов и механизм достижения национальных целей. При этом сам документ не дает определения «пространства», что создает риск неоднородного толкования при применении Стратегии в государственных программах, региональных стратегиях и документах территориального планирования.

¹ Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 25.05.2026) «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. – 1993. – № 84 (4 мая). – Ст. 1. – Редим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102022486> (дата посещения: 03.06.2026).

Сравнительно-правовой аспект: как пространство понимают в Европе

Разграничение территории и пространства имеет прочное основание в зарубежной правовой и управленческой практике. Сравнительно-правовой анализ показывает, что в европейских системах эти категории функционально разведены.

Например, в праве Европейского союза и документах Совета Европы активно используется концепт *European Spatial Development Perspective* (Европейская перспектива пространственного развития)¹. При переводе на французский язык используется термин «*espace*» (*Espace de liberté, de sécurité et de justice* – Пространство свободы, безопасности и правосудия), а не «*territoire*». Во французской доктрине *territoire* жестко привязан к суверенитету государства-нации, тогда как *espace* подразумевает функциональную и сетевую интеграцию, выходящую за пределы национальных границ². Аналогично в конституционном праве Германии (ст. 74 Основного закона ФРГ) выделяется предмет совместного ведения «*Raumordnung*» (пространственное планирование, упорядочение пространства), что подразумевает координацию развития инфраструктуры, в отличие от «*Staatsgebiet*» (государственная территория)³.

Таким образом, практически везде существует различие между территорией как основанием юрисдикции и пространственным / территориальным развитием как координацией функций, инфраструктур и интересов.

Сравнительно-правовой анализ тем самым усиливает основной тезис: пространство как объект политики не отменяет территории, а надстраивается над ней. Территория отвечает на вопрос «где действует власть?», пространство – на вопрос «как организо-

¹ European spatial development perspective: Towards balanced and sustainable development of the territory of the EU. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1999. – 87 p. – Mode of access: <https://territorialagenda.eu/wp-content/uploads/ESDP.pdf> (accessed: 25.04.2026).

² Code de l'urbanisme: art. L141-1 – L141-24 (Schéma de cohérence territoriale). Loi n° 2000-1208 du 13 décembre 2000 relative à la solidarité et au renouvellement urbains // République Française. – 2026. – Mode of access: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006074075/LEGISCTA000031210898/ (accessed: 25.04.2026).

³ Gesetz über die Raumordnung (Raumordnungsgesetz – ROG) vom 22. Dezember 2008 (BGBl. I S. 2986), zuletzt geändert am 20. Juli 2017 (BGBl. I S. 2808). – Mode of access: <https://dejure.org/gesetze/ROG> (accessed: 25.04.2026).

ваны связи, ресурсы и управленческие приоритеты внутри и поверх этой территории?»).

**Место Стратегии в реализации государственной политики.
Контент-анализ Стратегии-2030:
от территории к пространству**

Согласно подпункту «б» пункта 2 части 3 статьи 11 Федерального закона «О стратегическом планировании»¹, Стратегия пространственного развития относится к документам стратегического планирования федерального уровня, разрабатываемым в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципам. В отличие от схемы территориального планирования (регулируемой Градостроительным кодексом РФ), которая фиксирует конкретные объекты на карте, Стратегия пространственного развития, согласно ФЗ № 172-ФЗ, выполняет функцию макрополитического целеполагания. Она задает вектор развития опорных населенных пунктов, формирования экономических центров и снятия инфраструктурных ограничений.

В Стратегии-2030 прямо указано, что ее роль определяется необходимостью достижения национальных целей в условиях новых вызовов, бюджетных ограничений и роста издержек. Пространственные приоритеты должны позволять концентрировать бюджетные и внебюджетные ресурсы, в том числе в рамках национальных проектов и государственных программ. Тем самым пространство в тексте Стратегии выступает не пассивным фоном, а механизмом отбора приоритетов: государство не просто управляет территорией, а конструирует систему узлов, связей, режимов и показателей, через которые территория включается в достижение национальных целей.

Для верификации выдвинутого теоретического положения о различии пространства и территории нами был проведен частотный контент-анализ текста Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года.

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – № 146 (3 июля). – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201406300016.pdf> (дата посещения: 03.06.2026).

Корпус анализа включает:

1) текст Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года;

2) текст и официальное описание Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года как предшествующей версии документа.

По Стратегии-2030 выполнен сплошной частотный подсчет словоформ по корням. Корпус подсчета составил текст утвержденной Стратегии, включая приложения, но без текста самого распоряжения и перечня утративших силу актов. Объем корпуса – 17 870 слов. Подсчет проводился по нормализованному тексту с приведением к нижнему регистру и заменой «ё» на «е». В силу особенностей русского языка подсчет является машинным подсчетом словоформ по устойчивым корням: «пространств-», «территори-», «инфраструктур-», «цифров-», «агломераци-» и др.

Таблица 1

Кодировочная матрица контент-анализа

Категория кодирования	Индикаторы в тексте	Политико-правовая интерпретация
Территориально-юрисдикционная рамка	территория, территориальный принцип, государственная граница, субъект РФ, геостратегическая территория, приграничные муниципальные образования	Пространство опирается на территорию как правовую и географическую основу суверенитета, безопасности и компетенции публичной власти.
Пространственно-развивающая рамка	пространственное развитие, пространственные приоритеты, сбалансированное развитие, система расселения	Пространство описывается как объект целеполагания, координации и перераспределения ресурсов.
Инфраструктурно-сетевая рамка	инфраструктура, связность, доступность, транспортная, энергетическая, информационно-телекоммуникационная инфраструктура	Государство конструирует пространство через устранение разрывов, обеспечение доступности и увязку объектов в систему.
Поселенческая рамка	опорные населенные пункты, прилегающие территории, городские агломерации, малые и средние города	Пространственная политика реализуется через узлы обслуживания и развития, а не только через административные границы.
Цифровая и мониторинговая рамка	цифровая платформа, статистические и ведомственные данные, мониторинг динамики развития территорий	Пространство становится наблюдаемым и управляемым через данные, платформы и показатели.
Акторная рамка	Правительство РФ, Минэкономразвития России, федеральные органы исполнительной власти, субъекты РФ, муниципальные образования	Анализируется распределение ролей и ответственности в реализации пространственной политики.

Частотный анализ подтверждает, что понятия «пространство» и «территория» в Стратегии-2030 выполняют разные функции. При этом различие не является абсолютным: в политико-правовой практике оба термина могут иметь политическое, экономическое и социальное содержание. Однако контекст употребления показывает, что «территория» чаще фиксирует локализацию, границы, административную принадлежность и режимы развития, а «пространство» – целеполагание, связность и механизм координации.

Таблица 2

Частотный анализ ключевых словоформ в Стратегии-2030

Индикатор	Частота в корпусе Стратегии-2030	Основной контекст употребления
территори-	187	Территориальный принцип, геостратегические территории, прилегающие территории, территориальное планирование, территориальная целостность
инфраструктур-	156	Объекты инфраструктуры, транспортная, энергетическая, социальная, коммунальная и цифровая инфраструктура как механизм связности
населенн-пункт-	96	Опорные населенные пункты, малые, средние и сельские населенные пункты как узлы системы расселения
пространств-	93	Пространственное развитие, пространственные приоритеты, пространственные ограничения и возможности
опорн-	65	Опорные населенные пункты как ключевой инструмент концентрации ресурсов и обеспечения доступности услуг
связ-	61	Связи между территориями, населенными пунктами, агломерациями, инфраструктурными системами
агломераци-	41	Городские агломерации как формы расселения и центры экономической активности
ресурс-	27	Концентрация и эффективное использование бюджетных и внебюджетных ресурсов
цифров-	19	Цифровая платформа управления комплексным социально-экономическим и пространственным развитием
геостратегическ-	16	Территории, имеющие значение для территориальной целостности, безопасности и устойчивого развития
территориальн-планирован-	11	Увязка пространственных приоритетов с документами территориального планирования
мониторинг-	7	Наблюдение за динамикой развития территорий на основе статистических и ведомственных данных

Полученные данные позволяют сделать несколько выводов.

1. Стратегия-2030 сохраняет акцент на территориальном компоненте. Более высокая частота словоформ «территори-» по сравнению с «пространств-» не опровергает тезис о самостоятельности пространства, а показывает, что пространство государственной политики не существует вне территориальной базы. Государство

мыслит пространство через территории субъектов РФ, федеральные округа, Арктическую зону, новые субъекты РФ, геостратегические и прилегающие территории.

2. Ключевым посредником между территорией и пространством выступает инфраструктура. Частота словоформ «инфраструктур-» сопоставима с частотой словоформ «территории-». Это показывает, что пространство в Стратегии конструируется не через абстрактную географию, а через связность: дороги, энергетику, социальные объекты, цифровые платформы, транспортную доступность, коммуникации и данные.

3. Главным инструментом Стратегии-2030 является система опорных населенных пунктов. Упоминания населенных пунктов и «опорности» образуют устойчивый смысловой блок. Опорный населенный пункт – это не просто географическая точка, а узел предоставления услуг, инфраструктурной доступности, концентрации ресурсов и административного внимания. Через него государство формирует пространство обслуживания прилегающих территорий.

4. Цифровизация в Стратегии-2030 присутствует не как самостоятельная идея, а как инструмент координации. Словоформы «цифров-» встречаются существенно реже, чем «территории-» и «инфраструктур-», но их контекст принципиален: цифровая платформа должна обеспечивать взаимоувязку отраслевых и пространственных приоритетов, планов развития инфраструктуры и мониторинга динамики территорий. Следовательно, цифровой компонент выступает механизмом превращения территории в управляемое пространство данных.

Типология пространств как объектов государственной политики

Для снятия терминологической неопределенности целесообразно говорить не о пространстве вообще, а о типологии пространств. Это позволяет связать и одновременно разделить разные объекты государственной политики.

Эта типология показывает, что государственная политика пространственного развития неизбежно является междисциплинарной. В конституционном и административном праве ключевым будет территориально-юрисдикционный слой; в экономической политике – экономическое пространство; в политологии – политическое и региональное пространство; в культурной политике –

символическое пространство; в цифровой трансформации – цифровое и информационное пространство.

Таблица 3

**Типология пространств
как объектов государственной политики**

Тип пространства	Содержание	Объект государственной политики	Отличие от территории
Территориально-географическое пространство	Физическая поверхность, акватории, природные условия, расстояния, плотность расселения	Территориальная целостность, освоение, транспортная доступность, природопользование, безопасность	Наиболее близко к территории, но включает как правовой статус, так и географические характеристики и ограничения
Региональное пространство	Система субъектов РФ, макрорегионов, федеральных округов, муниципальных образований	Региональная политика, межбюджетные отношения, поддержка регионов, снижение поляризации	Не совпадает с юридическими границами, поскольку включает межрегиональные связи и функциональные зоны
Экономическое пространство	Размещение производительных сил, специализации, рынки труда, инвестиционные связи, центры роста	Экономический рост, специализация регионов, поддержка отраслей, инвестиционная политика	Может выходить за административные границы и формироваться потоками капитала, труда и товаров
Социальное пространство	Доступ к услугам, качество жизни, расселение, мобильность населения, социальная инфраструктура	Образование, здравоохранение, культура, социальная поддержка, доступность услуг	Описывает не владение территорией, а распределение возможностей и жизненных шансов
Политическое пространство	Поле взаимодействия власти, элит, граждан, институтов, партий, локальных сообществ	Управляемость, представительство, центр-региональные отношения, местное самоуправление	Может быть неоднородным внутри одной территории из-за различий политических режимов, ресурсов и идентичностей
Культурно-символическое пространство	Места памяти, символические статусы, территориальная и пространственная идентичность	Политика идентичности, историческая память, брендинг территории, культурная политика	Территория приобретает значение через интерпретации, символы и коллективные представления
Информационное пространство	Коммуникации, медиа, публичная повестка, информационные потоки	Информационная безопасность, коммуникация власти и общества, публичная политика	Не ограничивается физическими границами, но влияет на восприятие территории и власти
Цифровое пространство	Данные, платформы, цифровая инфраструктура, алгоритмическое управление	Цифровая трансформация, платформенный мониторинг, управление данными, цифровая доступность	Создает новый слой управляемости поверх физической территории, позволяя измерять и координировать развитие

Именно поэтому различие «пространства» и «территории» не является самоцелью. Его смысл состоит в том, чтобы корректно определить объект воздействия. Если государство строит дорогу, оно действует на территории. Если оно меняет доступность услуг, связывает муниципалитеты с опорными пунктами, перераспределяет ресурсы и формирует цифровой мониторинг, оно уже конструирует пространство.

Практическое значение для государственной политики

Практическое значение предлагаемой концептуализации состоит в том, что она позволяет уточнить предмет пространственной политики. Если пространство трактуется как синоним территории, то управленческие решения будут сосредоточены на картографировании и размещении объектов. Если пространство трактуется как система связей и институтов, то в центр анализа выходят доступность услуг, инфраструктурные разрывы, управленческие узлы, цифровой мониторинг, идентичности и политико-административная координация.

Из этого следуют четыре прикладных вывода.

1. Документы стратегического планирования нуждаются в глоссарии пространственной политики. В нем целесообразно различить территорию, пространственное развитие, опорный населенный пункт, прилегающую территорию, функциональную зону, экономическое пространство, цифровое пространство и геостратегическую территорию. Без такого глоссария различные органы власти могут по-разному понимать объект управления.

2. Показатели пространственного развития должны отражать не только состояние территорий, но и качество связей между ними. Для этого важны показатели транспортной и цифровой доступности, досягаемости социальных услуг, времени до опорных населенных пунктов, включенности муниципалитетов в межмуниципальные и межрегиональные связи.

3. Цифровая платформа управления пространственным развитием должна рассматриваться не как техническое приложение к Стратегии, а как политико-административный механизм. Именно через нее государство получает возможность видеть территорию как пространство данных, сопоставлять отраслевые и территориальные приоритеты, выявлять разрывы и контролировать достижение показателей.

4. Пространственная политика должна быть связана с федеративными отношениями и местным самоуправлением. Опорные населенные пункты, прилегающие территории и муниципальные образования не могут быть только объектами федеральной классификации. Они являются участниками реализации политики, поскольку именно на локальном уровне проявляются доступность услуг, качество инфраструктуры и реальное ощущение включенности территории в общегосударственное пространство.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что понятие пространства в современной государственной политике не является синонимом территории. Однако его нельзя противопоставлять территории упрощенно. Территория и пространство соотносятся как два слоя одного объекта управления. Первый слой – территория: правовая, географическая и суверенная основа государства, предел действия власти и компетенции. Второй слой – пространство: институционально организованная конфигурация связей, ресурсов, инфраструктур, акторов, идентичностей и данных, которая формируется на этой территории и через которую государственная власть приобретает практическую управляемость.

Контент-анализ Стратегии-2030 подтверждает эту двухслойную логику. Частотное доминирование территориальной и инфраструктурной лексики показывает, что государство мыслит пространство через территориальную основу и материальные связи. При этом смысловые блоки «пространственные приоритеты», «опорные населенные пункты», «цифровая платформа», «мониторинг динамики развития территорий» указывают на более сложную управленческую модель. Пространство становится не просто картой, а системой выбора, координации и наблюдения.

Сопоставление со Стратегией-2025 показывает сдвиг от модели центров экономического роста и макрорегионов к модели опорной сети, инфраструктурной доступности, концентрации ресурсов и платформенного мониторинга. Это не означает отказа от экономической логики, но означает ее включение в более широкую политико-административную рамку. Государство стремится не только стимулировать рост, но и удерживать связность, управляемость и включенность различных частей страны в достижение национальных целей.

Политико-правовое значение предложенного подхода состоит в том, что он позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность – юридический редукционизм, при котором пространство растворяется в территории и границах. Вторая крайность – философская расплывчатость, при которой пространство превращается в метафору без управленческого содержания. Между ними находится политико-правовой анализ: территория задает правовую форму, а пространство показывает, как эта форма наполняется связями, ресурсами, инфраструктурами и властными отношениями.

Дальнейшие исследования могут развивать этот подход в трех направлениях. Во-первых, необходим более широкий сравнительный контент-анализ региональных стратегий пространственного развития и стратегий социально-экономического развития субъектов РФ. Во-вторых, требуется эмпирическая проверка того, как статус опорных населенных пунктов влияет на распределение ресурсов и доступность услуг. В-третьих, особого внимания заслуживает цифровое измерение пространственной политики: цифровые платформы и данные становятся новым инструментом производства управляемого пространства, а значит – новым объектом политологического анализа.

A.E. Konkov, A.R. Dumbadze*

Space as an object of state policy: the case of the spatial development strategy of the Russian Federation until 2030

Abstract. At the end of 2024, the Russia's Government approved the Spatial Development Strategy until 2030 that replaced the version of 2025. Despite the active use of the "space" concept in regulatory acts on strategic planning, the legislator does not provide a clear definition of it creating terminological uncertainty in governance practice. The authors proceed from the assumption that, for the purposes of public policy, space cannot be reduced solely to territory as a legally defined portion of the earth's surface. The article aims to address the question of how the state defines space as an object of policy and whether the distinction between "space" and "territory" has practical political and legal significance. The authors formulate research hypothesis as follows: in Strategy-2030 the concept of "territory" is used primarily to fix administrative-legal and geographical frameworks, whereas "space" denotes a dynamic configuration of connections, priorities, infrastructures, and coordination mechanisms.

* **Konkov Aleksandr**, Lomonosov Moscow State University; Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: KonkovAE@spa.msu.ru; **Dumbadze Artem**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: artyom.dumbadze1@yandex.ru

The methodological framework combines the comparative legal method (an analysis of concepts of space in European law), institutional analysis, and frequency-based content analysis of strategic planning documents. The empirical part includes a frequency analysis of word forms in the text of Strategy-2030 and comparative coding of its key semantic blocks against the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period until 2025. The results show that the new Strategy shifts the emphasis from the model of promising centers of economic growth and macro-regions to the model of backbone settlements, infrastructural connectivity, a digital governance platform, and monitoring of spatial priorities. On this basis, space is proposed to be understood as a two-layer category: the first layer is territory as the legal basis of sovereignty, borders, and competence; the second layer is an institutionally organized environment of interaction among subjects, objects, infrastructures, flows, and representations. The authors conclude that spatial policy requires not only the legal formalization of its instruments, but also methodological support that makes it possible to distinguish between different types of spaces and to consistently relate them to the goals, competences, and performance outcomes of public authorities in the field of spatial development at different levels. The findings may be used in the further improvement of the regulatory framework of strategic planning and in the preparation of practical recommendations for public authorities.

Keywords: spatial development; public policy; territory; space; Spatial Development Strategy; strategic planning; political and legal analysis; content analysis; typology of spaces; territorial identity.

For citation: Konkov A.E., Dumbadze A.R. Space as an object of state policy: the case of the spatial development strategy of the Russian Federation until 2030. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 132–154. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.07>

References

- Akimova Yu.A. Public spaces as territories of development. *Kontentus*. 2022, N 1 (114), P. 34–41. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Sociology of politics*. In: Shmatko N.A. (ed.). Moscow: Socio-Logos, 1993, 336 p. (In Russ.)
- Bukhvald E.M. Russian federalism and a new spatial development strategy. *Problems of territory's development*. 2025, Vol. 29, N 5, P. 32–43. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.5.139.2> (In Russ.)
- Elatskov A.B. Political geospace as an object of research. III. The Space of geopolitical relations. / A.B. Elatskov // *Bulletin of St. Petersburg university. Series 7. Geography*. 2013, N 4, P. 152–161. – EDN PYJGJC. (In Russ.)
- Zobova L.L. Territory and space: twins or siblings? *Regional economics: theory and practice*. 2008, N 33, P. 6–12. (In Russ.)
- Kuznetsova O.V., Druzhinin A.G. Toward a new spatial development strategy for Russia. *Problemy prognozirovaniia*. 2024, N 4, P. 36–45. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-36-45> (In Russ.)
- Lambach D. Space, scale, and global politics: towards a critical approach to space in international relations. *Review of international studies*. 2022, Vol. 48, N 2, P. 282–300. DOI: <https://doi.org/10.1017/S026021052100036X>

- Leontyeva L.S., Proskurnova K.Yu. Space and territory: directions of state development policy. *Problemy teorii i praktiki upravleniia*. 2021, N 10, P. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-10-24-37> (In Russ.)
- Medvedev N.P. Legal political science as a new scientific field. *Political Science Issues*. 2015, N 1(17), P. 5–11. (In Russ.)
- Medvedev N.P. On the territorial organization of power and the form of state structure. *Regional and municipal governance: issues of politics, economics and law*. 2017, N 1–2, P. 5–15. (In Russ.)
- Mitrofanov S.V. Territorial approach as a model of spatial development management: opportunities and barriers in Russia. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*. 2025, N 8, P. 239–251. DOI: https://doi.org/10.55186/2413046X_2025_10_8_205 (In Russ.)
- Okunev I.Yu. Territorial and spatial identity: new approach to the basic concepts. *Comparative politics Russia*. 2018, Vol. 9, N 1, P. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25> (In Russ.)
- Reshetnikov M.G. New spatial development strategy of Russia: main tasks and priorities. *Problemy prognozirovaniia*. 2025, N 4, P. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-6-10> (In Russ.)
- Simmons B.A., Goemans H.E. Built on borders: tensions with the institution liberalism (Thought It) left behind. *International organization*. 2021, Vol. 75, N 2, P. 387–410. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000600>
- Turovsky R.F. Geospace and metaspace: geographical methods in political science. *Metod: Moscow yearbook of works in social sciences*. 2015, N 5, P. 71–89. (In Russ.)
- Turovsky R.F., Sukhova M.S. Challenges of regional socio-economic polarization in Russia: is state policy successful? *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 14–50. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.01> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Акимова Ю.А. Общественные пространства как территории развития // Контентус. – 2022. – № 1 (114). – С. 34–41.
- Бурдые П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- Бухвальд Е.М. Российский федерализм и новая стратегия пространственного развития // Проблемы развития территории. – 2025. – Т. 29, № 5. – С. 32–43. – DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.5.139.2>
- Елацков А.Б. Политическое геопространство как объект исследования. III. Пространство геополитических отношений / А.Б. Елацков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. – 2013. – № 4. – С. 152–161. – EDN PYJGJC.
- Зобова Л.Л. Территория и пространство: близнецы или двойняшки? // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 33. – С. 6–12.
- Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 4. – С. 36–45. – DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-36-45>

- Леонтьева Л.С., Проскурнова К.Ю. Пространство и территория: направления государственной политики развития // Проблемы теории и практики управления. – 2021. – № 10. – С. 25–37. – DOI: <https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-10-24-37>
- Медведев Н.П. Юридическая политология как новое научное направление // Вопросы политологии. – 2015. – № 1 (17). – С. 5–11.
- Медведев Н.П. К вопросу о территориальной организации власти и форме государственного устройства // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2017. – № 1–2. – С. 5–15.
- Митрофанов С.В. Территориальный подход как модель управления пространственным развитием: возможности и барьеры в России // Московский экономический журнал. – 2025. – № 8. – С. 239–251. – DOI: https://doi.org/10.55186/2413046X_2025_10_8_205
- Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 18–25. – DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25>
- Решетников М.Г. Новая стратегия пространственного развития России: основные задачи и приоритеты // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4. – С. 6–10. – DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-6-10>
- Туровский Р.Ф. Геопространство и метапространство: географические методы в политической науке // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 71 – 89.
- Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Вызовы региональной социально-экономической поляризации в России: успешна ли государственная политика? // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 14–50. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.01>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сравнительное кодирование Стратегии-2025 и Стратегии-2030

Категория	Стратегия-2025	Стратегия-2030	Политологическая интерпретация изменения
Базовая модель пространственного развития	Перспективные центры экономического роста, макрорегионы, экономические специализации субъектов РФ.	Опорные населенные пункты, прилегающие территории, федеральные округа, Арктическая зона, новые субъекты РФ, геостратегические территории.	Переход от преимущественно экономико-географической модели к модели управленческой связности и доступности.
Главный инструмент	Поддержка центров роста и учет перспективных специализаций регионов.	Концентрация ресурсов в опорных населенных пунктах и синхронизация отраслевых и пространственных приоритетов.	Государство усиливает роль селектора: оно не только описывает рост, но и задает узлы распределения ресурсов.
Пространственное неравенство	Сокращение межрегиональных различий и поддержка территорий с низким уровнем развития.	Снижение дифференциации через опорную сеть, доступность услуг и инфраструктурное снятие ограничений.	Неравенство трактуется не только как экономический разрыв, но и как разрыв доступа к услугам, инфраструктуре и управленческому вниманию.
Инфраструктура	Повышение доступности магистральной транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.	Инфраструктура увязана с опорными пунктами, территориальным планированием, цифровой платформой и национальными проектами.	Инфраструктура превращается из отраслевой задачи в механизм политико-административной связности пространства.
Цифровой компонент	Присутствует преимущественно как информационно-телекоммуникационная инфраструктура.	Появляется цифровая платформа управления комплексным социально-экономическим и пространственным развитием.	Цифровизация переводит пространство в режим наблюдаемости, мониторинга и платформенного управления.
Акторы реализации	Федеральные органы власти, субъекты РФ, местное самоуправление, субъекты естественных монополий.	Минэкономразвития как координатор, федеральные органы исполнительной власти как ответственные за показатели, субъекты РФ и муниципальные образования как уровни реализации.	Усиливается вертикальная измеримость результатов и зависимость пространственной политики от показателей, отчетности и межведомственной координации.
Политико-правовой смысл	Пространственное развитие как региональная политика роста и снижения диспропорций.	Пространственное развитие как способ достижения национальных целей через управляемую конфигурацию территорий, узлов, инфраструктур и данных.	Пространство становится самостоятельным объектом государственной политики, а не только разделом регионального развития.

О.А. МИРЯСОВА*

**МЕЖДУ (ДЕ)ПОЛИТИЗИРОВАННЫМ
И КВАЗИПОЛИТИЧЕСКИМ:
ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ
В НЕПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Аннотация. В статье исследуется наличие ценностных размежеваний и роль гражданского участия в современной России в контексте процессов политизации и деполитизации. Автор рассматривает российское общественно-политическое пространство как организованное в логике «зон власти», ограничивающей участие граждан в политике и формирование институционализированного политического поля. Методологическая рамка исследования основана на неинституциональном подходе и концептуальном различении политической власти и власти как господства.

На основе данных общероссийских опросов анализируются политические предпочтения, ценностные расколы и их связь с гражданским участием. Показано, что самоопределение респондентов через идеологические категории («демократы», «патриоты», «имперцы» и др.) носит нестабильный и ситуативный характер. Выявление политических предпочтений через выражение согласия или несогласия с утверждениями, связанными с общественно-политическими проблемами, более перспективно. Исследование выявило статистически значимую корреляцию между вовлеченностью граждан в гражданские практики и наличием мнения по политическим вопросам. Показано, что измерение отношения к значимым политическим фигурам настоящего и прошлого также может служить задаче выявления политических размежеваний.

В качестве потенциальной базы политизации рассматриваются граждане, позитивно оценивающие участие других в протестах. Для этой группы характерен более выраженный запрос на расширение демократических механизмов в управлении страной, изменение политико-правовой системы и общественный контроль.

* **Мирясова Ольга Александровна**, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: verdikt.o@gmail.com
© Мирясова О.А., 2026 DOI: 10.31249/poln/2026.03.08

Ключевые слова: гражданское участие; политизация; деполитизация; институциональные изменения; гражданские инициативы; «зона власти»; пространство политики.

Для цитирования: Мирясова О.А. Между (де)политизированным и квазиполитическим: гражданская активность в неполитическом пространстве // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 155–176. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.08>

Введение

Изучение процессов политизации в современной России затрудняется слабой артикулированностью самого понятия политического не только в языке повседневного общения, но и в научном дискурсе. «Власть», «политика», «демократия» и многие другие понятия политического словаря не имеют единого смыслового наполнения в российских коммуникативных практиках и вызывают противоречивые коннотации у граждан. Исследователи предлагают различные теоретические концепты для описания российского социума и происходящих в нем процессов: «кликратия», «превентивная демократия», «плебисцитарная демократия», «электронный авторитаризм», «моноцентричный режим», «суверенная демократия», «фрагментированная полития». Гражданская активность в ее конвенциональных и неконвенциональных формах, как правило исследуется в качестве части демократических практик, которые возможны в обществе, где завершился (или близок к завершению) процесс формирования демократических институтов.

Тема политизации и деполитизации представлена в политологической литературе в широкой рамке обсуждения проблем представительной демократии и теоретических вопросов политической науки [Waever, 1995; Девятков, Макарычев, 2012; Конституирование современной..., 2018]. Р. Беверидж предлагает рассматривать деполитизацию как отрицание важности политического выбора, делегирование принятия решений технократическим экспертам и растущее отстранение общественности от политики [Beveridge, 2017]. Ж. Рансьер полагает, что политика – это всегда «временная случайность», а все явления современной политики могут быть отнесены либо к «полиции», либо к сфере «политического» (парламентской политики) [Рансьер, 2006].

Кроме того, концепт (де)политизации применяется к явлениям общественной жизни, которые могут существовать как вне сферы политического, так и во взаимодействии с ней. Политизация может

пониматься как привнесение в «чуждые политике» социальные процессы и явления политической составляющей либо, напротив, деятельность по очищению ее от политического. Речь может идти как о «(де)политизации», совершаемой акторами в отношении объекта, например, этнического конфликта [Азикова, 2012] или «несистемной оппозиции» [Кузнецова, Михайлов, 2018, с. 31], так и о (де)политизации «изнутри», то есть самими участниками процесса. Например, продвижение фрейма «деполитизации», по мнению А.Ю. Швая, используется участниками протестов с целью дистанцирования от негативно окрашенной сферы «политического» [Швая, 2021]. Другие авторы изучают практики социальных движений, которые используют «политизацию» с целью повышения своей эффективности [Зверев, 2017; Макаренко, 2020].

Если принять во внимание особенности политического порядка в современной России, встает вопрос об оценке роли гражданской активности в процессе политизации, которая необходима для формирования «политического поля» вместо «зоны господства» [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 42–26].

Для оценки процессов политизации и деполитизации имеет значение, как именно индивиды интерпретируют свои действия и поступки других, какими ценностями и мотивами руководствуются, включаясь в гражданскую активность, какую роль в их поведении играет личная выгода, групповой интерес и общее благо. Попытки осмысления мотивации гражданского участия, роли субъектности граждан и их объединений в политических процессах предпринимаются российскими исследователями с середины 1990-х [Дука, 1995; Хлопин, 1997; Халий, 2007; Факторы развития..., 2008; Петренко, 2009; Граждане и политические..., 2011; Гражданский активизм..., 2015; Петухов, 2019; Соловьев, 2019; Структуры господства..., 2020; Уханова, 2020; Аксенова, 2023].

Эволюция концепта «гражданское участие», его места в российской институциональной среде описывается в работах Л. Никовской и ее коллег [Никовская, Якимец, Молокова, 2011; Никовская, Скалабан, 2017]. В этой статье под гражданским участием мы будем понимать публичную активность гражданина, связанную с реализацией его прав и свобод.

Проблему отстранения граждан от участия в политике отмечает И.Б. Фан, не обращаясь к термину «деполитизация», но применяя понятие «квазиполитический» в негативном смысле: «Отсутствие смысла политического участия для граждан – главный критерий негативной и временной эффективности этой квазиполи-

тической конструкции, индикатор ее реально недемократического характера. Это скрытое исключение граждан из политики осуществляется постепенно и неотвратно как специальная операция, осуществляемая «под прикрытием» формально демократических институтов» [Фан, 2013, с. 78].

В настоящей статье мы опираемся на определения политизации и деполитизации, которые были разработаны Л.Е. Филипповой: «Политизация представляет собой совокупность процессов, в результате которых возникают возможности актуализации социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания. Политизация осуществляется на разных уровнях. На уровне сообщества речь идет, прежде всего, об обретении отдельными акторами идентичности и позиционировании себя по отношению к другим акторам, а также по отношению к существующим / формирующимся политическим идеологиям. <...> Деполитизация, наоборот, означает игнорирование противоречий и отрицание идеологий как манифестации этих противоречий, упразднение возможности выбора как на содержательном, так и на процедурном уровне, отрицание правил» [Филиппова, 2018, с. 110].

В статье проводится анализ данных общероссийских опросов, проведенных ИСПИ ФНИСЦ РАН (в 2002–2025 гг.) и ИС ФНИСЦ РАН (в 2018–2022 гг.). С помощью расчета корреляций между индикаторами, выяснения направления и особенностей связей между ними, а также факторного анализа, мы попытаемся выявить отличия между группами респондентов. Мы оценим эффективность выявления идеологических размежеваний в ходе массовых опросов с помощью прямых вопросов о приверженности определенной идеологии, вопросов в форме согласия с суждениями и вопросов об отношении к политикам прошлого и настоящего.

Основной задачей статьи является анализ связи политических предпочтений и ценностей респондентов с гражданским участием, а также выдвижение гипотез об актуальных политических размежеваниях, лежащих в основании процесса политизации.

Деполитизированный социум как институциональная среда. Методологическая рамка

В работах Отдела сравнительных политических исследований (ОСПИ) Института социологии ФНИСЦ РАН используется

концептуальная дифференциация двух форм власти: политической (эмансипаторной) власти и власти в форме господства. Эта попытка выйти за рамки широко распространенного режимного подхода, эвристические возможности которого ограничены. В рамках данного подхода господство трактуется как нормативно-нежелательная власть и социальная патология современных демократий [Конституирование современной..., 2018; Структуры господства..., 2020; Институциональная политология 2.0..., 2024].

Дискурс господства как социальной патологии начал развиваться как реакция исследователей на расширение практик господства в обществах с разными типами правления, а также дефицит инструментария для изучения факторов воспроизводства формально демократическими институтами такой формы власти, которая отчуждает граждан от участия в управлении государством.

С позиций неоинституциональной теории политическое пространство основано на конкуренции политических акторов, которые в процессе взаимодействия производят конвенции и «правила игры», необходимые для выработки общих ценностей и социальной интеграции. В этой логике политическое означает образование и символическое (идеологическое) оформление политических идентичностей (расколов) и политического сообщества, коллективные действия граждан, конфликт и диалог, как между гражданами, так и между политическим сообществом и государством.

Исследования политических процессов в современной России, восприятия гражданами органов власти, мотивации солидаризации и участия в политической жизни, осуществленные ОСПИ ИС РАН в 2008–2022 гг., позволили дать определение социальным отношениям господства: «Это несправедливые, нелегитимные, асимметричные, субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевой суммой, которые ущемляют базовые интересы объекта воздействия, отводят последнему роль инструмента для достижения своекорыстных целей власть предержащего» [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 106]. Именно преобладание таких социальных отношений является основным препятствием для политизации.

Вышеописанная постановка проблемы не исключает наличия в обществе индивидов с гражданским самосознанием и их способности объединяться как с целью реализации групповых интересов, так и ради идеи общего блага. В связи с этим актуальным становится вопрос о развитии (прото-)политического сообщества и возвращении в российское общество «политики современного типа»,

т.е., формировании политического порядка, при котором имеет место институционализированная конкуренция социальных акторов по поводу проектов и решений, ориентированных на общее благо.

Процесс политизации тесно связан с формированием политической вовлеченности, ее когнитивно-эмоциональных и деятельностных компонентов, с освоением и воспроизводством политических практик [Структуры господства..., 2020, с. 75]. В данной статье под «квазиполитическим» мы имеем в виду те составляющие политического, которые имеют место при любом общественном устройстве, то есть «квази-» в нашем случае это скорее «прото-», чем «псевдо-». Признавая, что процесс деполитизации в значительной степени охватил российское общество, и российское пространство в целом не политическое, а выстроено в логике «зоны власти» («зоны господства»), мы исходим из неизбежности наличия лакун неопределенности. Они связаны с обладанием индивидом свободой воли, доступом к информации, способностью мыслить и совершать выбор. Кроме того, «зона власти» в процессе функционирования 1) использует дискурс гражданского общества, апеллирует к ценностям солидарности, свободы, формирует идентичность гражданина, призывает к активному участию в жизни общества, 2) порождает события, которые непосредственно касаются жизни граждан, ставят их перед выбором и способствуют политизации.

Далее мы рассмотрим наличие в современной России расколов, которые могут стать источниками политизации, и проверим гипотезу о связи гражданской активности и наличия политической позиции.

В ходе опросов ОСПИ ИС РАН «вовлеченность» в гражданскую активность измерялась с помощью прямого вопроса об участии в гражданских практиках: публичных выступлениях, работе в качестве наблюдателя на выборах, подписании петиций, создании политических групп в социальных сетях, участии в митингах и организованных дискуссиях о политике. В качестве критерия «потенциальной вовлеченности» в гражданские практики мы использовали отношение к участникам протестов.

Наличие политических расколов исследуется с помощью сопоставления ответов на прямые вопросы об идеологических предпочтениях и симпатиях к политическим деятелям прошлого и настоящего и на вопросы в формате выражения согласия с набором суждений.

Политические убеждения: проблема измерения и связь с гражданским участием

Согласно данным ИСПИ ФНИСЦ РАН, ответить на прямой вопрос о политических взглядах в период с 2002 по 2025 г. «затруднялись» от 17 до 33% опрошенных, но примерно три четверти российских граждан так или иначе позиционируют себя в системе политических координат (см. табл. 1). В последние годы больше всего граждан определяют свои взгляды как «демократические» (18–25%), «патриотические» (14–19%), «социалистические» (12–17%).

Таблица 1

Политические взгляды россиян

Вопрос: «Как бы Вы определили
свои политические взгляды?»
(% от числа опрошенных)¹

Источник: Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]. – М.: ФНИСЦ РАН, 2025. – С. 86.

В длительной временной перспективе существенные изменения претерпела группа «патриотов»: с 2015 по 2020 г. от 28 до 34% респондентов определяли свои взгляды как патриотические; в 2021 и 2022 годах таких было 19%, а в 2023–2025 гг. – 14–15%². В 2016 г. имел место резкий рост численности «демократов»: с 23% в июне до 30% в декабре, а 2021 г. произошло падение сразу на 10 п.п. (с 30% в 2020 г. до 20% в 2021-м). «Подвижность» взглядов части опрошенных заставляет предположить, что декларируемые политические взгляды часто поверхностны, ситуативны и зависят от изменений в дискурсе публичного пространства.

¹ Примечание авторов мониторинга: сумма ответов 2002–2021 гг. превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций. В 2022–2025 гг. респондентов просили отметить одну позицию.

² В то же время на снижении численности могло сказаться ограничение возможности выбора варианта ответов (сокращение до одного) с 2022 г.

Опрос ОСПИ Института социологии ФНИСЦ РАН 2021 г. позволил зафиксировать наборы суждений, по которым можно определять демократические установки респондентов¹.

Респондентам был задан вопрос «В современных дискуссиях предлагаются самые разные способы и пути решения проблем, стоящих перед страной. Какие из предлагаемых ниже способов Вы считаете наиболее подходящими? (Дайте оценку в каждой строке от 5 – наиболее подходящий до 1 – наименее подходящий)». Ответы дали от 66 до 92% опрошенных (в зависимости от утверждения).

Набор из 16 утверждений проанализирован с помощью факторного анализа² и позволил выявить несколько политических паттернов: «демократизация и обеспечение равенства всех перед законом», «сужение полномочий центральной власти», «укрепление роли государства в экономике», «жесткая централизация управления» (см. табл. 2).

Два утверждения тяготеют к установкам на большую демократичность и децентрализацию управления, другие два – к централизованной унитарной модели, исключаяющей участие граждан в принятии решений.

При сопоставлении ответов на другой вопрос анкеты, а именно «Если говорить о политическом и социальном устройстве, то какая его форма представляется Вам наиболее полезной для развития России?»³ с результатами вышеописанного факторного анализа, выясняется, что за выбором респондентами вариантов «демократическая» форма и «существующая сейчас в России» не стоят определенные политические проекты.

¹ Опросы проводились в 2018, 2019, 2020, 2021 и 2022 гг. (в июне–июле каждого года) ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга» по анкетам, разработанным ОСПИ ИС РАН. Общий объем выборочной совокупности в 2018 и 2019 годах составлял 700 человек, в 2020, 2021 и 2022 гг. – 1000 человек в возрасте 18 лет и старше. Квотная выборка учитывала распределение населения по федеральным округам РФ, поселениям разного типа и десяти социально-профессиональным группам населения, составленным на основании статистических данных.

² Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Слабые связи с факторами из таблицы исключены.

³ В вопросе предлагались следующие варианты ответов: «демократическая», «существующая сейчас в России», «советская», «либеральная», «республиканская», «имперская», «монархическая», «затрудняюсь ответить».

Таблица 2

Направления возможных преобразований российской политической системы: результаты факторного анализа

	Факторы			
	Демократизация и обеспечение равенства всех перед законом	Сужение полномочий центральной власти	Укрепление роли государства в экономике	Жесткая централизация управления
Восстановление административно-командной системы управления				,726
Выборность мировых и районных судей	,567		,375	
Демонополизация экономики		,415	,346	
Запрет на участие граждан в принятии политических решений			-,375	,622
Максимально широкое участие граждан в государственном управлении	,452			
Мобилизационная экономика			,658	,430
Национализация системообразующих предприятий			,594	
Повышение профессионализма управленцев, госчиновников			,664	
Приватизация всех предприятий с государственным участием		,636		
Расширение полномочий местной власти		,754		
Реальное разделение властей на центральном и региональном уровнях		,735		
Регулярное проведение референдумов	,664			
Реорганизация центральных и местных органов внутренних дел	,748			
Реформа судебной системы для обеспечения реального равенства всех людей перед Законом	,650		,418	
Унитарное государство				,704
Усиление федеративных начал российского государства, большая самостоятельность регионов	,458	,409		

Источник: Опрос ОСПИ Института социологии ФНИСЦ РАН, 2021 г.

Устойчивые корреляции возникают у сторонников «советской», «имперской», «либеральной» и «республиканской» моделей¹. «Советская» и «имперская» формы тяготеют к централизованной унитарной модели, «либеральная» и «республиканская» – к демократизации и сужению полномочий центральной власти.

Предложенный в анкете набор «форм политического устройства» был не слишком удачным. Поскольку в массовом публичном дискурсе существующая в России система декларируется как «демократическая», это делает их неотличимыми для респондента. Единственным значительным по численности опрошенных «противовесом» ей стал «советский проект», который также чрезвычайно размыт в идеологическом смысле. Либеральный, республиканский и имперский проекты кажутся «полезными для развития России» незначительным группам граждан.

Таким образом, изучение политических взглядов респондентов оказывается более продуктивным с помощью наборов утверждений, отношение к которым позволяет зафиксировать тяготение респондента к той или иной позиции в политическом спектре. Выявление политических идентичностей, реализуемых через принадлежность к определенному идеологическому течению, требует разработки индикаторов для использования в опросах.

Отметим, что в 2021 г. все опрошенные кроме респондентов с имперскими взглядами вне зависимости от представлений о желаемом политическом устройстве активно поддержали (68–85% опрошенных) «реформу судебной системы для обеспечения реального равенства всех людей перед Законом». И даже среди «имперцев» сторонников равенства перед законом оказалось 59%.

Проблема защищенности граждан со стороны закона отмечена в ходе опросов ОСПИ ИС РАН и в другие годы. В 2018 г. 93% опрошенных указали в качестве важной задачи «обеспечение равенства граждан перед законом». В 2020 г. на вопрос «Считаете ли Вы, что сегодня можете рассчитывать на равную защиту со стороны закона в отношениях с государством?» 63% ответили отрицательно и 19% затруднились ответить. 67% участников опроса 2022 г. ответили отрицательно на вопрос «Считаете ли Вы, что сегодня можете рассчитывать на защиту со стороны закона в случае конфликта с властью?» и 16% затруднились ответить.

¹ Сторонников «монархической» модели и «затруднившихся ответить» среди опрошенных оказалось мало (5 и 14 человек соответственно), и их из рассмотрения пришлось исключить.

Это говорит о наличии сильного и устойчивого запроса на равенство граждан перед законом. На протяжении всей волны исследований ОСПИ ФНИСЦ РАН (с 2018 по 2022 г.) респондентам предлагалось оценить полезность для России «конкуренции между различными политическими силами» и «единства различных политических сил». Кроме того, им систематически задавались вопросы о гражданском участии: «вовлеченными» мы будем называть далее тех, кто участвовал как минимум в одной форме деятельности¹. Логично предположить наличие связи между гражданским участием и поддержкой идеи политической конкуренции.

Посчитав корреляцию между переменными «вовлеченность» и отношение к полезности политической конкуренции², мы обнаружили статически значимую зависимость на протяжении всего периода замеров. Критерий хи-квадрат показывает значимую связь при показателе 9,21 и более при числе степеней свободы 2 и величине асимптотической значимости менее 0,01 (см. табл. 3).

Таблица 3

**Критерий хи-квадрат для переменных «вовлеченность»
и «отношение к полезности политической конкуренции»**

	2018	2019	2020	2021	2022
Объем выборки	700	700	1000	1000	1000
% вовлеченных от числа опрошенных	17,6	18,1	47,8 ³	19,7	22,5
Критерий хи-квадрат	18,5	16,6	25,1	13,4	20,8
Асимптотическая значимость	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001

Источник: опросы ОСПИ Института социологии ФНИСЦ РАН, 2018–2022 гг.

¹ Вопрос «Не могли бы Вы вспомнить, на протяжении последних 12 месяцев предпринимали ли Вы что-либо из перечисленного ниже?». Как критерий вовлеченности учитывались варианты ответа «Был наблюдателем на выборах», «Публично выражал свои взгляды», «Подписывал петиции, интернет-обращения», «Создавал политические группы в социальных сетях», «Участвовал в митингах, политических выступлениях», «Участвовал в организованных дискуссиях о политике».

² «Как Вы считаете, что сегодня полезнее для России?» Варианты ответа: «Конкуренция между различными политическими силами», «Единство различных политических сил», «Затрудняюсь ответить»

³ В 2020 г. вопрос включал почти в два раза больше вариантов ответов, чем в другие годы. В связи с пандемией и изоляцией, с одной стороны, и подготовкой голосования по поправкам в Конституцию – с другой, были включены дополнительные варианты, такие как «оказывал финансовую поддержку политическим активистам и организациям», «посещал мероприятия в поддержку власти», «участвовал в избирательных кампаниях» и т.д. Это сказалось на количестве «активных» среди опрошенных.

Изучив более внимательно характер связи, мы видим, что среди вовлеченных в некоторые годы было примерно поровну сторонников «единства» и «конкуренции», а в другие – заметно больше сторонников «единства» (см. табл. 4). Возможно, различия были обусловлены местом вопроса про «полезность конкуренции» в анкете: если предваряющие вопросы касались тем прав человека, демократических свобод, то это могло сместить симпатии респондентов в сторону «конкуренции». Так, в анкетах 2019 и 2021 гг. его предваряли вопросы про демократию, а в 2018 и 2020 гг. – про современную российскую политику. В 2022 г. сторонников единства среди пассивных граждан стало в 2,4 раза больше, чем сторонников конкуренции.

Таблица 4

**Различия в соотношении сторонников единства
и конкуренции политических сил для групп,
вовлеченных в гражданскую активность, и пассивных¹**

	2018 год, 700 опрошенных		2019 год, 700 опрошенных		2020 год, 1000 опрошенных		2021 год, 1000 опрошенных		2022 год, 1000 опрошенных	
	Вовлеченные (17,6%)	Пассивные (82,4%)	Вовлеченные (18,1%)	Пассивные (81,9%)	Вовлеченные (47,8%)	Пассивные (52,2%)	Вовлеченные (19,7%)	Пассивные (80,3%)	Вовлеченные (22,5%)	Пассивные (77,5%)
Соотношение	2,72	1,58	0,97	2,08	1,56	1,02	1,05	1,42	1,22	2,43
Затрудняюсь ответить (% от числа опрошенных)	7	20	16	24	18	29	15	26	20	28

Источник: опросы ОСПИ Института социологии ФНИСЦ РАН, 2018–2022 гг.

¹ Формулировка вопроса «Как Вы считаете, что сегодня полезнее для России?» Рассчитано отношение числа опрошенных, выбравших вариант «Единство различных политических сил», к числу опрошенных, выбравших «Конкуренцию между различными политическими силами». Данные о затруднившихся ответить приведены в % от числа опрошенных.

Для всего периода исследований есть только одна общая закономерность: вовлеченные всегда реже «затрудняются ответить», чем пассивные.

Ответы респондентов на другие вопросы, связанные с политикой в современной России, подтверждают тезис о связи пассивности и отсутствия позиции. Так, в опросе ОСПИ 2021 г. больше «затруднившихся ответить» среди пассивных по сравнению с вовлеченными по следующим вопросам:

– «Каково Ваше отношение к существованию оппозиции в стране?» (варианты ответа «Положительное, различие позиций, политический выбор необходимы», «Отрицательное, наличие оппозиции мешает деятельности государства», «Затрудняюсь ответить») на 10 п.п.;

– «Как Вы полагаете, участие граждан в политике помогает или мешает принятию властью результативных решений?» (варианты ответа «Помогает», «Мешает», «Затрудняюсь ответить») на 17 п.п.;

– «Есть ли в России политические партии, которые действуют в интересах (против интересов) таких людей, как Вы?» (варианты ответа «Есть», «Нет», «Затрудняюсь ответить») на 16 п.п.

Кроме того, анализ ответов на вопрос «Интересовались ли Вы когда-либо содержанием документов, в которых изложены проекты будущего развития России?» (варианты ответа «Да», «Нет») показывает, что пассивные граждане существенно реже обращают внимание на такие документы. «Майскими указами» Президента 2020-х годов» пассивные интересовались на 29 п.п. реже, «Программами партий, представленных в Государственной Думе» – на 25 п.п. реже, «Программами оппозиционных партий» – на 23 п.п. реже, «Национальными проектами» – на 27 п.п. реже. Критерий хи-квадрат показывает значимую связь во всех вышеперечисленных случаях.

Таким образом, гражданское участие, в том числе наблюдение на выборах, подписание петиций, создание политических групп в социальных сетях, участие в митингах и организованных дискуссиях о политике, способствует формированию позиции по актуальным политическим вопросам.

Основания для размежеваний в российском обществе

В качестве критерия потенциального гражданского участия индивида в данном исследовании используется его отношение к участникам протестов. Как правило, число непосредственных

участников протестов в выборках общероссийских опросов очень мало и не позволяет проводить сравнения с другими группами, но позитивно настроенные к протестующим могут считаться потенциальной базой протестного гражданского участия.

В опросе ОСПИ 2021 г. задан вопрос «Как Вы относитесь к людям, которые протестуют по бытовым вопросам или участвуют в политических акциях протеста?» с вариантами ответа «Хотят сделать свой город / страну лучше», «Выскочки, уверенные, что они знают лучше, как действовать, чем власти, а по факту только мешают», «Их кто-то использует в своих интересах», «Никак не отношусь, безразлично», «Затруднились ответить». Положительное отношение к участникам политических акций («хотят сделать город/страну лучше») было выбрано в качестве признака потенциального гражданского участия (28,6% опрошенных).

Ценностный профиль поддерживающих политические протесты таков¹: они на 12 п.п. реже хотят видеть Россию «Мировой державой среди других мировых центров», на 13 п.п. реже – «Федерацией славянского мира». Чаще выбирают вариант такого будущего как «Сообщество свободных людей» (на 15 п.п.), «Государство всеобщего благоденствия» (на 5 п.п.) и «Общество среднезажиточных граждан» (на 4 п.п.). По вариантам ответа «Страна всеобщего равенства и социальной справедливости» и «Улучшенный вариант советского государства» нет статистически значимых отличий между поддерживающими протесты и не поддерживающими. 62% поддерживающих положительно относятся к оппозиции в России (вариант «положительное, различие позиций, политический выбор необходимы»).

Отвечая на вопрос «В каких случаях законы в России будут больше служить интересам граждан?»², сторонники протестующих активнее остальных поддерживают варианты «Если всенародно обсуждать законопроекты», «Если создать механизмы отзыва законов», «Если чаще проводить референдумы», «Если расширить право голоса общественности», «Если полностью поменять политико-правовую систему» (на 6–18 п.п.). Различия отсутствуют по варианту

¹ Вопрос «Какой страной Вы хотите видеть Россию в будущем? (выберите не более двух ответов)»

² Полная формулировка вопроса «В каких случаях законы в России будут больше служить интересам граждан? Насколько Вы лично согласны с каждым из суждений? (дайте оценку в каждой строке по пятибалльной шкале: 1 – совершенно не согласны и до 5 – согласны полностью)»

«Если ответственно выбирать депутатов» и обратная корреляция отмечена с вариантом «Ничего не поможет». Иными словами, поддерживающие протестующих настроены в целом оптимистичнее, но и более категорично. Они в меньшей степени верят в возможность повлиять на ситуацию простой сменой депутатского корпуса.

Таким образом, с помощью наборов суждений можно выявить идеологические предпочтения опрошенных и ценностные расколы. Поддерживающие протестующих в большей степени ориентированы на участие граждан в принятии решений и заявляют о своей приверженности ценности свободы, а положение России на мировой арене беспокоит их в меньшей степени. При этом различия невелики, а по ряду вопросов, например, о социальной справедливости, они и вовсе отсутствуют.

Если говорить о возрастных отличиях, то самые молодые (от 18 до 30 лет) больше верят в самоорганизацию граждан (46% по сравнению с 33–38% в других возрастных группах), и при этом среди них немного больше тех, кто не интересуется политикой совсем или интересуется мало (52% по сравнению с 46–47% в других возрастных группах). 42% молодежи заявили, что обсуждают политику с друзьями и знакомыми (это чуть меньше, чем в остальных возрастных группах), а 14% подписывали петиции и Интернет-обращения (на 4% чаще, чем люди более старшего возраста).

Важность наличия оппозиции и политического выбора немного реже поддерживают люди среднего возраста: от 30 до 50 лет (на 2–7 п.п., чем в остальных группах; см. табл. 5).

Таблица 5

Каково Ваше отношение к существованию оппозиции в стране? Возрастные группы (% от числа опрошенных)

	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	> 60 лет
Положительное, различие позиций, политический выбор необходимы	49	41	42	45	44
Отрицательное, наличие оппозиции мешает деятельности государства	13	25	23	17	26
Затруднились ответить	38	34	35	38	30

Источник: опрос ОСПИ Института социологии ФНИСЦ РАН, 2021 г.

Молодые люди (до 40 лет) чаще готовы участвовать в «осуществлении перемен в стране» (45% в группе до 30 лет, 48% в группе от 30 до 40 лет).

Измерение отношения к значимым политическим фигурам настоящего и прошлого также может служить задаче выявления политических размежеваний.

Участникам опроса ОСПИ ФНИСЦ РАН в 2021 г. предлагалось выбрать из списка 25 политических деятелей прошлого и настоящего трех человек, которых они могли маркировать как «наш человек», трех – «ни то, ни се» и трех – «не наш человек». Анализ ответов на этот вопрос показал определенную специфику каждой из возрастных групп.

В возрастных группах до 50 лет респонденты доверяют (считают, что это «наш человек») прежде всего тройке лидеров опроса: Владимиру Путину, Сергею Лаврову и Сергею Шойгу. Опрошенные старше 50 лет вместо Шойгу включили в тройку лидеров Леонида Брежнева (см. табл. 6).

Таблица 6

Выберите из списка в предыдущем вопросе три фамилии, которые, по Вашему мнению, удовлетворяют следующим определениям. Вариант ответа «Наш человек».
Возрастные группы (% от числа опрошенных)¹

Политики	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	> 60 лет
Андропов	8	9	13	15	17
Брежнев	13	17	20	31	35
Жириновский	16	14	9	10	6
Лавров	28	36	38	36	28
Ленин	20	10	17	21	24
Навальный	19	9	5	4	2
Путин	41	43	43	35	41
Собянин	8	15	9	7	8
Сталин	22	20	21	30	23
Столыпин	7	13	12	16	7
Шойгу	34	34	35	28	24

Источник: опрос ОСПИ Института социологии ФНИСЦ РАН, 2021 г.

Во всех возрастных группах в первой семерке «своих людей» присутствует Сталин, чаще всего его называют «своим» граждане от 51 до 60 лет – в 30% случаев (это на 7–10 п.п. больше, чем в других группах). Эта же группа реже считает своим человеком Владимира Путина (35% по сравнению с 41–43% в остальных

¹ В таблице представлены 11 из 25 политиков, которые чаще всего были названы респондентами.

группах). Возможно, это связано с разочарованием в президенте граждан предпенсионного возраста: пенсионная реформа 2018 г. затронула эту группу в наибольшей степени.

Молодежь существенно чаще называет «своим» Алексея Навального¹: в группе до 30 лет его выбрали 19% опрошенных.

Характерно, что в самой молодой группе респондентов (до 30 лет) сразу после тройки действующих политических «тяжеловесов» идет поддержка Сталина (22%) и Ленина (20%). Молодые люди также достаточно часто называют «своим» Жириновского (16%). Нельзя не предположить наличие эпатажа в таком выборе. За ним скорее стоит отсутствие интереса к актуальной политике и знакомство прежде всего с наиболее медийными фигурами: как из действующих политиков, так и среди политиков прошлого.

Таким образом, определенный раскол между политическими предпочтениями самых молодых по сравнению с другими возрастными группами есть вокруг фигур Андропова, Брежнева и Навального. Первые два политика вызывают у молодежи заметно меньше симпатий, чем у старших возрастных групп, а последний – больше. Группа старше 51 года отличается большим доверием Брежневу и меньшим – Шойгу. В возрасте 51–60 лет заметно меньше доверяющих Владимиру Путину.

Заключение

Несмотря на низкую политическую активность российских граждан, связанную с устойчивым отчуждением от политических процессов², многие из них имеют представления об общественном благе, которые и лежат в основе политических размежеваний. В российском обществе имеют место расколы по вопросам отношения к роли государства и граждан (демократичность и децентрализация vs расширение полномочий государства), роли России в

¹ Включен в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

² В 2025 г. 75% российских граждан высказывало согласие с суждением «Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». С 2002 года это число всегда превышало 60%. // Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]. – М.: ФНИСЦ РАН, 2025. – С.39.

международной политике («мировая держава» vs «сообщество свободных людей»), по отношению к оппозиции и возможности политического выбора, оценкам деятельности ныне действующих политиков и политиков прошлого. Запросы на «равенство граждан перед законом» и развитие страны в направлении «равенства и социальной справедливости» можно рассматривать как консолидирующие российское общество.

Гражданское участие (наблюдение на выборах, подписание петиций, создание политических групп в социальных сетях, участие в митингах и организованных дискуссиях о политике) способствует росту определенности мнений по политическим вопросам.

Поддержка протестующих, которая рассматривается нами как потенциальное гражданское участие, демонстрирует устойчивую связь с установкой на непосредственное участие граждан в управлении государством (всенародное обсуждение законов и их отзыв при необходимости, референдумы, смена политико-правовой системы).

Идеологическая неопределенность взглядов большинства российских граждан и слабая артикулированность понятий политического словаря препятствуют выделению политических размежеваний с помощью прямых вопросов об идеологических предпочтениях. Разработка индикаторов для оценки приверженности определенным политическим проектам является отдельной исследовательской задачей.

Поскольку процесс политизации тесно связан с политической вовлеченностью, выявление значимых политических размежеваний и измерение их «мощности» (численности сторонников, мотивации, установок) позволит оценить перспективы политизации и возможности формирования политического пространства в современной России.

Miryasova O.A.*

**Between the (de)politicized and the quasi-political:
civic engagement in the non-political space**

Abstract. This article examines the value cleavages and the role of civic participation in contemporary Russia in the context of politicization and depoliticization processes. The author studies the Russian socio-political space as organized in terms of a “zone of

* **Miryasova Olga**, Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: verdikt.o@gmail.com

power”, which limits citizen participation in politics and the formation of an institutionalized political field. The methodological framework of the study is based on a neo-institutional approach and a conceptual distinction between political power and power as domination.

Using data from nationwide surveys, this article analyzes political preferences, value cleavages, and their relationship to civic participation. It shows that respondents' self-identification through ideological categories (“democrats”, “patriots”, “socialists”, etc.) is unstable and situational. It is, the author claims, a more promising approach to identify political preferences through expressions of agreement or disagreement with statements related to socio-political issues. The study found a statistically significant correlation between citizen engagement in civic activities and the presence of opinions on political issues. It was shown that measuring attitudes toward significant political figures, past and present, can be applicable / useful to identify political cleavages.

Citizens evaluating the participation of others in protests positively are considered as a potential source of politicization. This group is characterized by more pronounced demand for expanded democratic mechanisms in governing the country, changes to the political and legal system, and public oversight.

Keywords: civic participation; politicization; depoliticization; institutional changes; civic initiatives; “zone of power”; political space.

For citation: Miryasova O.A. Between the (de)politicized and the quasi-political: civic engagement in the non-political space. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 155–176. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.08>

References

- Aksenova O.V. Social action dialectics. On a theory of agency studies. In: Gorshkov M.K. (ed.). *Rossiya reformirujuschayasya*. 2023, P. 122–149. DOI: <http://doi.org/10.19181/ezheg.2023.5> (In Russ.)
- Azikova J.M. Strategies for depoliticizing the “Circassian question”. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2012, N 2, P. 109–115. (In Russ.)
- Beveridge R. The (ontological) politics in depoliticisation debates: three lenses on the decline of the political. *Political studies review*. 2017, Vol. 15, N 4, P. 589–600. DOI: <http://doi.org/10.1177/1478929916664358>
- Devyatkov A.V., Makarychev A.S. Depoliticized Russia: internal and external facets of the transformation of power. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2012, N 1, P. 5–19. (In Russ.)
- Duka A.V. Transformation of local elites (institutionalization of social movements: from protest to participation). *Mir Rossii. Sociology. Ethnology*. 1995, Vol. 35, N 2, P. 6–21. (In Russ.)
- Fan I.B. Political participation in Russia: exclusion under the guise of inclusion. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 2013, Vol. 13, N 1, P. 67–82. (In Russ.)
- Filippova L.E. «Politicization» vs «depoliticization»: the search for alternative strategic projects and possibilities of political field structuring. *Political science*. 2018, N 2, P. 95–115. (In Russ.)
- Jakobson L.I. (ed.). *Factors in the development of civil society and mechanisms of its interaction with the state*. Moscow: Vershina, 2008, 296 p. (In Russ.)

- Halii I.A. *Contemporary social movements: the innovative potential of Russian reforms in a traditionalist environment*. Moscow: Institute of sociology of the Russian academy of sciences, 2007, 300 p. (In Russ.)
- Hlopin A.D. Civic society or clique society: Russia's dilemma. *Politeia*. 1997, N 1 (3), P. 7–27. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078–5089–1997–3–1–7–27> (In Russ.)
- Kuznetsova O.A., Mihajlov D.A. Russian non-systemic opposition in the context of the depoliticization strategy. *Razvitie territorij*. 2018, N 2 (12), P. 27–32. DOI: <https://doi.org/10.32324/2412–8945–2018–2–27–32> (In Russ.)
- Makearenko K.M. Politicization of civil protest in the public space of contemporary Russia. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2020, N 1, P. 12–20. (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Yakimets V.N., Molokova M.A. *Civic initiatives and the modernization of Russia. A collection of articles*. Moscow: Klyuch-S, 2011, 336 p. (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and actual trends of development. *Polis. Political studies*. 2017, N 6, P. 43–60. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04> (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and domination*. Moscow: Political encyclopedia press, 2024, 519 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *Constitutionalization of modern politics in Russia: institutional problems*. Moscow: Political encyclopedia press, 2018, 262 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/monograph.2019.2> (In Russ.)
- Patrushev S.V., Ajvazova S.G., Panov P.V. (eds). *Citizens and political practices in contemporary Russia: reproduction and transformation of institutional order*. Moscow: RAPN, ROSSPEN, 2011, 318 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *Structures of domination, citizens and institutions*. Moscow: Political encyclopedia press, 2020, 318 p. (In Russ.)
- Petuhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petuhov R.V. Civic activism in Russia: motivation, values, and forms of participation. *Vlast'*. 2015, Vol. 22, N 9, P. 11–19. (In Russ.)
- Petuhov V.V. Civic participation in contemporary Russia: the interaction of political and social practices. *Sociological studies*. 2019, N 12, P. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007743–0> (In Russ.)
- Rancière J. *On the edge of the political*. Moscow: Praxis, 2006, 240 p. (In Russ.)
- Shvaya A.J. The political and cultural significance of conflicts over the Orthodox symbolization of public urban space in the context of depoliticization. *Semiotic studies*. 2021, Vol. 1, N 4, P. 74–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-74-81> (In Russ.)
- Solovyev A. Civic leaders in the political space of modern Russia (subjective notes). *Power and elites*. 2019, Vol. 6 (1), P. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.3> (In Russ.)
- Uhanova J.V. The phenomenon of civic participation in scientific discourse: theoretical and methodological background of the research. *The journal of sociology and social anthropology*. 2020, N 23 (3), P. 25–50. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.2> (In Russ.)
- Waever O. Securitization and desecuritization. In: Lipschutz R.D. (ed.). *On security*. New York: Columbia university press, 1995, P. 46–86. DOI: <https://doi.org/10.2307/2082964>

Zverev A.A. The political dimension of monument protection in Russia: the case of the Moscow Archnadzor movement. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*. 2017, N 19 (2), P. 118–129. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-2-118-129> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Азикова Ю.М. Стратегии деполитизации «черкесского вопроса» // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2. – С. 109–115.
- Аксенова О.В. Диалектика социального действия. К методологии изучения трансформации субъектности / отв. ред. М.К. Горшков // Россия реформирующаяся. – М.: ФНИСЦ РАН. – 2023. – С. 122–149. – DOI: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.5>
- Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / отв. ред. С.В. Патрушев; ред. С.Г. Айвазова, П.В. Панов. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 318 с.
- Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В.В. Петухов [и др.] // Власть. – 2015. – Т. 22, № 9. – С. 11–19.
- Десятков А.В., Макарычев А.С. Деполитизированная Россия: внутренние и внешние грани трансформации власти // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – №1. – С. 5–19.
- Дука А.В. Трансформация местных элит (институционализация общественных движений: от протеста к участию) // Мир России. Социология. Этнология. – 1995. – Т. 4, № 2. – С. 106–117.
- Зверев А.А. Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2017. – № 19 (2). – С. 118–129. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-2-118-129>
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: Монография / С.Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с.
- Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 262 с. – DOI: <https://doi.org/10.19181/monograph.2019.2>
- Кузнецова О.А., Михайлов Д.А. Российская несистемная оппозиция в контексте стратегии деполитизации // Развитие территорий. – 2018. – № 2 (12). – С. 27–32. – DOI: <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2018-2-27-32>
- Макаренко К.М. Политизация гражданского протеста в публичном пространстве современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 12–20.
- Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>
- Никовская Л.И., Якимец В.Н., Молокова М.А. Гражданские инициативы и модернизация России: сборник статей. – М.: Ключ-С. – 2011. – 336 с.

- Петренко Е.В., Градосельская Г.В.* Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Мир России. – 2009. – № 1. – С. 117–143.
- Петухов В.В.* Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 3–14. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>
- Рансьер Ж.* На краю политического. – М.: Праксис, 2006. – 240 с.
- Соловьев А.И.* Гражданские лидеры в политическом пространстве современной России (субъективные заметки) // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 5–14. – DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.3>
- Структуры господства, граждане и институты: монография / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова.* – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 318 с.
- Уханова Ю.В.* Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – № 23 (3). – С. 25–50. – DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.2>
- Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Якобсона.* – М.: Вершина, 2008. – 296 с.
- Фан И.Б.* Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2013. – Т. 13, Вып. 1. – С. 67–82.
- Филиппова Л.Е.* «Политизация» vs «деполитизация»: Поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 95–115.
- Халий И.А.* Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 300 с.
- Хлопин А.Д.* Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Политика. – 1997. – № 1 (3). – С. 7–27. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-1997-3-1-7-27>
- Швая А.Ю.* Политико-культурное значение конфликтов по поводу православной символизации публичного городского пространства в контексте деполитизации // Семиотические исследования. Semiotic studies. – 2021. – Т. 1, № 4. – С. 74–81. – DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-4-74-81>

РАКУРСЫ

С.Н. ШКЕЛЬ, В.Д. ДМИТРИЕВА, А.Ю. ШВАЯ*

**ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ
РЕГИОНОВ РОССИИ: СЛУЧАЙ ПЕРЕХОДА
НА ОДНОУРОВНЕВУЮ МОДЕЛЬ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В 2020–2025 ГОДАХ¹**

Аннотация. Последний раунд муниципальной реформы в России планировался как очередной этап централизации и унификации институционального дизайна страны. Однако практическим итогом реформы стало сохранение институционального многообразия регионов на локальном уровне. В статье выявлены основные факторы, которые обусловили выбор региональными элитами конкретной модели муниципального устройства (одноуровневой или двухуровневой), и представлено теоретическое объяснение этой вариации. Исследование проведено с помощью сравнительного анализа двух российских регионов (Ярославской области и Республики Дагестан), которые демонстрируют разные модели организации муниципальной власти. Эмпирической базой выступают 30 полуструктурированных экспертных интервью. Анализ собранных данных позволил выявить три ключевых фактора, определивших выбор институциональной модели муни-

* **Шкель Станислав Николаевич**, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: stas-polit@yandex.ru; **Дмитриева Валерия Денисовна**, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ms.valeria.spb@mail.ru; **Швая Андрей Юрьевич**, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: andrewshvaya@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02310, «Асимметричная рецентрализация: логика частичных реформ на местном уровне в современной России» (<https://rscf.ru/project/25-28-02310/>)

© Павлова Т.В., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.09

ципального устройства: поселенческий, этнокультурный и экономический. В статье не только систематизированы эти факторы, но и раскрыты причинно-следственные механизмы их влияния на исход реформы в виде выбора модели местного самоуправления в рассматриваемых регионах. Полученные результаты раскрывают логику проводимых в России институциональных реформ, а также вносят вклад в более широкую научную дискуссию о главных причинах и детерминантах асимметричного институционального дизайна современных государств.

Ключевые слова: политические институты; институциональный дизайн; институциональные реформы; субнациональная политика; локальная политика; муниципальное управление; регионы России.

Для цитирования: Шкель С., Дмитриева В., Швая А. Факторы институционального многообразия регионов России: случай перехода на одноуровневую модель местного самоуправления в 2020–2025 годах // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 177–205. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.09>

Введение

Современные государства демонстрируют широкое многообразие форм институционального дизайна как на национальном, так и на субнациональном и локальном уровнях. Эта институциональная диверсификация во многом стала результатом децентрализации, которая в период 1970–1990-х годов затронула большинство стран и регионов мира. С середины 2000-х годов разного рода кризисные явления (от финансового кризиса 2008 года до пандемии и эскалации геополитических конфликтов) привели к смене тренда и переходу государств к политике рецентрализации [Dickovick, 2011; Lopez-Murcia, 2022]. Тем не менее во многих случаях усилия центрального правительства по ликвидации институционального многообразия и унификации регионов имеют лишь ограниченный результат. Довольно часто итогом такой политики становится асимметричная централизация, при которой части регионов удается сохранить специфику своего институционального устройства и отстоять более высокий в сравнении с другими регионами уровень автономии во взаимоотношениях с центром [Meguid, 2024].

Исходы в виде асимметричной централизации породили научную дискуссию о причинах этого явления и главных факторах, обуславливающих сохранение институционального многообразия даже в высокоцентрализованных государствах. Если рассматривать центральное правительство как рационального игрока, стремящегося максимизировать выгоду и минимизировать издержки, то исход в виде асимметричной централизации выглядит довольно парадоксальным. Логично предположить, что при проведении

политики централизации государство стремится к полной унификации своего институционального дизайна. Однако реальность демонстрирует иные исходы, при которых центральное правительство часто вынуждено сохранять институциональные параметры и / или определенные привилегии отдельных регионов. Это противоречие между теоретическим ожиданием и эмпирическим опытом актуализирует *исследовательский вопрос*: какие факторы обуславливают сохранение институционального многообразия регионов даже в период политики централизации?

Настоящая статья предлагает ответ на обозначенный вопрос, внося вклад в научную дискуссию о логике асимметричной централизации. На основе изучения эмпирического опыта муниципальной реформы 2020–2025 годов утверждается, что возможными объяснительными переменными сохранения институционального многообразия на субнациональном и локальном уровнях в России могут быть факторы структурного порядка: поселенческий, этнокультурный и экономический. Эти факторы задают различные констелляции ограничений и возможностей, которые обуславливают выбор институциональной модели муниципального устройства. Совокупность этих факторов создает специфический контекст с разным уровнем политических рисков для региональных элит при проведении реформы. В случае, когда эти риски высоки, глава региона предпочитает отказаться от реформы или затягивать ее, сохраняя двухуровневую модель муниципального устройства. Напротив, при отсутствии таких рисков глава региона оперативно приступает к реформе и запускает переход на одноуровневую модель. Ниже, после обзора литературы и описания исследовательского дизайна, раскрываются причинно-следственные (каузальные) механизмы влияния указанных факторов на материалах сравнительного анализа Ярославской области и Республики Дагестан.

Факторы институционального многообразия территориально-административного устройства современных государств

Тематика институциональных порядков является крайне значимой в социальных науках. Вопросы многообразия политических институтов обсуждаются в рамках теории и практики федерализма, а также научной дискуссии о преимуществах и недостатках децентрализованных (федеративных) и централизованных (унитарных)

систем [Watts, 2008]. Ученые анализировали эти системы с точки зрения административной и экономической эффективности [Elazar, 1987; Oates, 1972; Rodden, 2010; Weingast, 1995; Stepan, 1999; Brancati, 2006; Erk, 2008; Treisman, 2007; Каспэ, 2000], национальной консолидации и минимизации рисков сепаратизма [Лейпхарт, 1997; Roeder, 2007; Hale, 2008; Тишков, 2001; Фарукшин, 2004; Гаджиев, 2018]. Позже появилась теория многоуровневого управления, отказавшаяся от дихотомии «федерализм – унитаризм». Согласно этому подходу, на современном этапе любое центральное правительство вынужденно взаимодействовать как с вышестоящими (наднациональными), так и с нижестоящими (субнациональными) институтами. Поэтому проблема институционального многообразия не сводится к выбору формы государственного устройства, а обусловлена множеством факторов, которые требуют изучения [Hooghe, Marks, 2003].

Теория многоуровневого управления подчеркивает комплексный характер взаимоотношений между институтами центрального правительства и субнациональными акторами (регионами, муниципалитетами и большими городами), которые могут сопротивляться политике центра. Этот теоретический подход, разработанный в контексте децентрализации, продолжает применяться и для изучения причин централизации. Ученые, изучающие эти процессы, объясняют сохранение институционального многообразия на региональном уровне двумя факторами. Во-первых, различия в политическом весе (субъектности) субнациональных единиц приводят к вариациям их взаимоотношений и договоренностей с центральным правительством. Во-вторых, изменение интересов и политики самого центрального правительства может выражаться в уступках отдельным регионам и, соответственно, в асимметричности итогов централизации [Aksztejn et al., 2022].

При этом политика центра может иметь экономическую или политическую логику. В первом случае институциональное многообразие обусловлено масштабом существующих на региональном уровне экономических проблем. Правительство проводит централизацию лишь в наиболее проблемных регионах, сохраняя прежний уровень автономии и институциональный дизайн в экономически успешных регионах. Во втором случае институциональное многообразие связано с интересами правящих элит. Поскольку расширение автономии, как правило, находит одобрение среди регионального населения (избирателей), предложения по децентрализации могут использоваться инкумбентами для преодоления

негативных электоральных трендов. Однако эти предложения выдвигаются только в тех регионах, где электоральные проблемы правящих элит становятся особенно очевидными [Meguid, 2024].

Россия, которая на протяжении всего постсоветского периода сохраняет свое институциональное многообразие, привлекает внимание исследователей, изучающих этот социально-политический феномен. Ученые анализируют институциональный дизайн современной России как с точки зрения федерализма, центр-региональных отношений и проблематики этнофедерализма [Ross, 2002; Stoner-Weiss, 2006; Sharafutdinova, 2011; Graney, 2010; Reisinger, Moraski, 2017; Пантин, Лапкин, 2015], так и с фокусом на муниципальный уровень власти [Lankina, 2006; Туровский, 2015]. В обоих случаях исследователи отмечают несоответствие между формально-правовыми положениями о разграничении полномочий между уровнями власти и политическими реалиями. В то время как российское законодательство декларирует федерализм и широкую автономию местного самоуправления, межбюджетные отношения и управленческие практики указывают на довольно высокий уровень централизации, особенно после административной реформы 2004 года [Kahn, 2002]. Хотя ученые предложили ряд объяснений политики централизации [Treisman, 1999; Golosov, 2011], причины сохранения институционального многообразия в современной России исследованы недостаточно.

Важной проблемой представляется то, что все существующие теории факторов институционального многообразия разработаны и обоснованы на материалах западных стран, контекстуальные и политические параметры которых сильно отличаются от России. Вопрос о релевантности подобных теоретических объяснений для российского случая остается открытым. В частности, это касается факторов сохранения институционального многообразия России в результате муниципальной реформы 2020–2025 годов. Опыт последнего раунда муниципальной реформы, кроме редких исключений [Никовская, Якимец, 2024; Шкель, 2025], не нашел должного отражения в научной литературе. Между тем его изучение может не только прояснить логику политического процесса в России, но и внести теоретический вклад в общую проблематику причин асимметричной централизации и факторов диверсификации институциональных порядков.

Случай России: муниципальная реформа 2020–2025 годов

Период 1990–2000 годов в России характеризовался трендом децентрализации, что способствовало развитию институционального многообразия как на региональном, так и на локальном уровнях. На практике это выражалось в развитии федерализма и реализации Федерального закона 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Главным аспектом этого закона, который отражал концепцию Европейской хартии местного самоуправления, являлся переход всех регионов на двухуровневую систему муниципальной власти. Реализация закона привела к двукратному увеличению числа муниципальных образований (до 24,5 тыс.) и существенной институциональной диверсификации регионов России.

Примерно с 2000 года обозначилась смена тренда. После 2010 года централизация, начавшаяся с институциональной унификации региональных структур власти, затронула также локальный уровень. Это стало очевидным в 2020 году, после принятия поправок в Конституцию РФ. Одна из них провозглашала учреждение в России «единой системы публичной власти», что означало интеграцию муниципальной власти в единую вертикаль. В декабре 2021 года в российский парламент был внесен законопроект о местном самоуправлении, призванный реализовать указанную поправку. Предполагалось, что все регионы России откажутся от двухуровневой модели муниципального управления, ликвидировав администрации на уровне городских и сельских поселений¹. Закон был принят Государственной думой РФ в первом чтении в январе 2022 года, но вызвал бурную дискуссию, в том числе в экспертном сообществе [Никовская, Якимец, 2024]. Окончательно Федеральный закон 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» был принят в марте 2025 года, но только после существенной корректировки. В частности, следуя пожеланиям ряда регионов, депутаты отменили обязательный переход к одноуровневой системе муниципально-

¹ Следует отметить, что муниципальная реформа последних лет включает и другие институциональные преобразования: от моделей избрания глав муниципальных образований до перераспределения полномочий между местным и региональными уровнями власти. Однако в фокусе данного исследования находится именно вопрос перехода от двухуровневой к одноуровневой модели местного самоуправления.

го устройства, оставив за регионами право самим определять оптимальную модель.

В марте 2026 года двухуровневая модель муниципальной власти продолжает действовать в 16 регионах, а переход к одноуровневой модели, запущенный после принятия закона в первом чтении, завершен лишь в 15 регионах России¹. Соответственно, муниципальную реформу 2020–2025 годов можно рассматривать как классический случай асимметричной централизации, итогом которой оказалось сохранение институционального многообразия на региональном уровне. В данном контексте возникает вопрос: почему одни регионы выступили против реформы, а другие реализуют ее без промедлений?

Исследовательский дизайн, методы и данные

Первым шагом в ответе на обозначенный вопрос становится изучение российских регионов, демонстрирующих разные подходы к проведению муниципальной реформы. Как было указано выше, значимой проблемой предметного поля исследования является ограниченное число теорий, объясняющих причины институционального многообразия регионов в условиях централизации. Две главные теории – экономическая и политическая – сфокусированы на анализе демократических систем и не принимают во внимание особенности других режимных типов. Поэтому выявление факторов институционального многообразия в современной России требует интенсивного сравнения отдельных случаев (регионов), направленного на генерацию новых гипотез с учетом специфического политического контекста. Реализация данной задачи обуславливает выбор индуктивной исследовательской стратегии, то есть проведение полевого исследования для сбора качественных данных. Используется «метод обоснованной теории» (grounded theory method), важнейший принцип которой заключается в сборе и анализе качественных данных без предварительного формулирования гипотез и принятия теоретических допущений [см. подробнее: Glaser, Strauss, 2012]. Такой подход позволяет избежать влияния существующих теорий и актуализирует выработку новых гипотез, более релевантных для исследуемых случаев. Опираясь на указанные методологические принципы, был собран эмпирический материал (эксперт-

¹ Подсчитано авторами на основании данных из открытых источников.

ные интервью) в двух российских регионах: Ярославской области и Республике Дагестан.

Выбор случаев объясняется поисковым характером исследования и необходимостью генерации эмпирически обоснованных гипотез. Важно было не просто умозрительно выделить факторы институционального многообразия, но продемонстрировать влияние каждого фактора на дифференциацию российских регионов по выбранным ими моделям муниципального устройства. В сравнительных исследованиях с малыми выборками убедительность описания каузального механизма во многом определяется наглядностью эмпирических примеров, которую проще обнаружить в диаметрально противоположных случаях. При этом генерация новых гипотез, в отличие от тестирования ранее сформулированных, требует максимального отличия случаев не только по основным независимым, но и по зависимой переменной. Как следствие, оптимальной оказывается стратегия бинарного сравнительного анализа контрастных, или «многообразных» (*diverse-case method*) случаев [см. подробнее: Gerring, 2007, p. 97–101]. Ярославская область и Республика Дагестан идеально соответствуют указанным требованиям. Они являются контрастными как по основным контекстуальным характеристикам (независимым переменным), так и по исходу муниципальной реформы (зависимой переменной) (см. табл. 1). В то время как Ярославская область с 1 января 2026 года полностью перешла на одноуровневую модель местного самоуправления, Республика Дагестан до сих пор сохраняет двухуровневую модель.

Сбор данных осуществлялся в период с декабря 2025 по март 2026 года посредством метода полуструктурированных экспертных интервью. Всего проведены 30 интервью, в том числе 18 интервью с информантами из Ярославской области и 12 – с представителями Республики Дагестан. Информантами выступили преподаватели, исследователи, служащие региональной и муниципальной администрации, депутаты регионального и муниципального уровней, а также представители СМИ и общественных организаций. Необходимо подчеркнуть, что количество информантов не связано с принципами репрезентативности. В отличие от количественных методов, в качественной методологии при проведении опросов главным критерием для определения достаточного числа респондентов выступает степень содержательного (информационного) насыщения данных. Другими словами, мы проводили интервью в регионах до тех пор, пока не стали получать повторяющиеся данные, которые уже не позволяли генерировать новые гипотезы.

Этим объясняется разница в числе информантов в двух исследуемых регионах. Более подробная информация о собранных данных и распределении информантов по сферам деятельности содержится в табл. 2 и Приложении 1.

Таблица 1

Основные социальные индикаторы Ярославской области и Республики Дагестан¹

Индикаторы	Случай	
	Ярославская область	Республика Дагестан
Численность населения (чел.)	1,18 млн	3,2 млн
Доля городского населения (%)	83	45
Доля сельского населения (%)	17	55
Количество муниципальных образований	19	762
Муниципальные районы	0	41
Муниципальные округа	17	0
Городские округа	2	13
Городские поселения	0	7
Сельские поселения	0	701
Этнический фактор	Моноэтничность	Полиэтничность
Доля русских (%)	96	3
Доминирующая религия	Православие	Ислам
Модель муниципального устройства	Одноуровневая	Двухуровневая

Таблица 2

Распределение информантов экспертных интервью по регионам и сферам деятельности

Сфера деятельности	Информанты (чел.)		Всего
	Ярославская область	Республика Дагестан	
Преподаватель / исследователь	3	4	7
Представитель СМИ	1	1	2
Служащий региональной администрации	3	1	4
Служащий муниципальной администрации	3	1	4
Депутат региональной легислатуры	4	2	6
Депутат муниципального образования	2	0	2
Член общественной палаты или организации	2	3	5
Всего	18	12	30

Предваряя анализ эмпирических данных, следующая часть статьи рассматривает основные этапы политического развития

¹ Базы данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата посещения: 23.03.2026).

двух исследуемых регионов в постсоветский период. Это необходимо для общего понимания их политического и институционального контекста.

Политическое развитие Ярославской области и Республики Дагестан в постсоветский период

Несмотря на то что рассматриваемые регионы различаются по целому ряду параметров, в их политическом развитии можно найти сходные черты. Основные этапы политической эволюции обоих регионов соответствуют общероссийским трендам. С начала 1990-х до середины 2000-х годов региональная политика характеризовалась плюрализмом и довольно высоким уровнем конкуренции, что во многом было следствием децентрализации и общей слабости федерального правительства. Однако с начала 2000-х годов федеральным центром был запущен процесс рецентрализации. Результатом предпринятых политических и административных реформ стало сокращение автономии российских регионов, их институциональная унификация. Обозначенные этапы политического развития страны получили собственное преломление в двух исследуемых регионах.

На этапе децентрализации (1990–2000) уровень политического плюрализма и конкуренции в Ярославской области и Республике Дагестан заметно отклонялся от среднероссийских показателей. Оба случая демонстрировали довольно высокую фрагментацию региональной элиты, фракции которой находились в постоянном политическом противодействии. Вместе с тем природа подобной конкуренции и механизмы разрешения внутриэлитных конфликтов сильно отличались.

Республика Дагестан является самым многонациональным субъектом Российской Федерации, где проживает более 30 коренных этносов и свыше 110 других этнических групп. В данном случае фрагментация элит обусловлена полиэтничностью региона и отсутствием доминирующей этнической группы. Рост межэтнической напряженности, затронувший в 1990-е годы республики Северного Кавказа, привел к открытым столкновениям во многих из них. Однако специфическая институциональная инженерия позволила Дагестану избежать такого негативного сценария. В отличие от большинства национальных республик, Дагестан не стал учреждать институт президентства и в 1994 году создал систему кол-

лективного управления во главе с Государственным советом. Этот высший исполнительный государственный орган власти включал 14 членов и формировался по квотному принципу: в его состав не могло входить более одного представителя от одной этнической группы. Фактически в тот период Дагестан реализовал институциональную модель «консоциального» (сообщественного) управления, функционирующего на базе пропорционального и квотного представительства основных этнических групп, широкой автономии местных сообществ и отказа от всех форм мажоритаризма (см. подробнее: [Лейпхарт, 1997]).

Государственный совет выступал институциональной площадкой для разрешения меж- и внутриэлитных противоречий, выработки единой позиции этнических фракций по главным политическим вопросам. Как следствие, Дагестан проводил консолидированное взаимодействие с федеральными политическими игроками, но при этом сохранял высокий уровень плюрализма в локальном контексте. Государственный совет был распущен в 2006 году вследствие политики централизации. Весь период существования его возглавлял Магомедали Магомедов. Несмотря на столь длительное пребывание на высшей властной позиции, он не смог подавить фрагментацию региональных элит. Вместе с тем в реальной практике политический плюрализм активно проявляет себя скорее на локальном, чем на региональном уровне. Именно муниципальные выборы традиционно отличаются высокой конкурентностью и непредсказуемостью результатов. Напротив, федеральные выборы, как правило, характеризуются высокой электоральной поддержкой инкубентов.

Ярославская область также всегда отличалась политическим плюрализмом и фрагментацией региональных элит. Однако в условиях моноэтничности и высокого уровня модернизации главные политические расколы оказались связаны не с традиционными локальными сообществами, а с концентрацией разных групп бизнес-элиты. Ярославская область является одним из самых урбанизированных и промышленно развитых субъектов Российской Федерации. Информанты подчеркивают наличие в регионе соперничающих экономических игроков: от машиностроительных предприятий «Автодизель» (город Ярославль) и «ОДК-Сатурн» (город Рыбинск) до крупных агропредприятий «Волжанин» и «Красный маяк» (Рыбинский и Ростовский муниципальные округа). Отраслевая и территориальная дифференциация региональных бизнес-групп, часть которых – например Ярославский радиозавод – входит в структуру госкорпораций, обуславливает неодинаковую направленность их

экономических и политических интересов. Директорат основных промышленных предприятий, активно участвовавший в политике на региональном и местном уровнях, инвестировал в разные политические партии. На этапе децентрализации это приводило к значительной представленности оппозиционных сил как в Ярославской областной думе, так и в муниципальных советах больших городов. Выборность мэров Ярославля и Рыбинска также повышала фрагментацию региональных элит, создавая дополнительные центры политической конкуренции. Как и в случае Дагестана, первый постсоветский глава региона Анатолий Лисицын, который занимал пост губернатора Ярославской области с 1991 по 2007 год, не сумел преодолеть политический плюрализм, имевший структурные основания.

В отличие от Дагестана, политическая конкуренция в Ярославской области не ограничивается локальным уровнем, а распространяется и на федеральные выборы. Область считается одним из самых неудобных (оппозиционных) регионов для «Единой России» и других федеральных инкубентов. Фрагментация региональных элит при доминировании городского населения, которое тяжело поддается административному электоральному контролю, обуславливает высокую долю протестного голосования. Как следствие, политические партии делают большой акцент на узнаваемости выдвигаемых кандидатов. В этом отношении показателен пример думской кампании 2021 года, во время которой обладающий значительным политическим капиталом экс-губернатор А. Лисицын совершил переход из партии власти в «Справедливую Россию»¹.

Этап централизации (2000 – н. в.) запустил процессы институциональной унификации и сокращения уровня политической конкуренции в российских регионах. В Дагестане это выразилось в упразднении Государственного совета, введении поста главы республики и практики назначения на эту должность политиков, не имеющих явных связей с регионом (аутсайдеров, или «варягов»). Первым таким прецедентом стало назначение в 2017 году Владимира Васильева временно исполняющим обязанности главы Республики Дагестан. Сегодня регионом руководит Федор Щукин,

¹ Однако в марте 2026 года А. Лисицын объявил о намерении участвовать в праймериз партии «Единая Россия». См.: Экс-губернатор Ярославской области выходит из «Справедливой России» // Коммерсантъ. – 17.03.2026. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8514355> (дата посещения: 21.03.2026).

который также строил свою карьеру вне Дагестана. Схожие тенденции наблюдаются и в Ярославской области, где в 2017 году впервые пост губернатора занял федеральный чиновник Дмитрий Миронов. В настоящее время регионом управляет Михаил Евраев, который до вступления в должность также работал в федеральном центре.

Таким образом, на современном этапе развития основные политические параметры Ярославской области и Республики Дагестан имеют скорее больше общих, чем различных черт. В обоих случаях приход новых глав, не имеющих тесных связей с регионом, ознаменовался ротацией региональных и местных элит, интеграцией в региональное политическое пространство внешних элитных групп, сокращением автономии локальных сообществ, подавлением очагов оппозиционности и переходом от переговорно-консенсусной к директивно-административной модели управления. Опрошенные эксперты из обоих регионов убеждены, что в текущих условиях региональные главы в большей степени зависимы от федерального центра, чем от региональных элит и населения. Это позволяет им игнорировать интересы местных политических игроков и директивно проводить реформы, спущенные «сверху». Однако данный факт задает исследовательскую загадку: почему при сходных политических параметрах главы регионов выбирают разные стратегии реализации муниципальной реформы? Почему губернатор Ярославской области в краткосрочный период с апреля 2024 по январь 2026 года завершил эту реформу, а власти Дагестана взяли паузу, сохранив статус-кво и двухуровневую модель муниципального устройства? Как показал анализ собранных качественных данных, ответы на эти вопросы лежат в плоскости социально-структурных факторов, которые задают разную констелляцию возможностей и ограничений для губернаторов.

Анализ данных и основные результаты исследования

Важнейшей задачей сбора и анализа данных являлся поиск основных объяснений выбора той или иной модели местного самоуправления в регионах России. На базе этих объяснений были сгенерированы гипотезы о факторах, обуславливающих различия в стратегиях реализации муниципальной реформы. Сформулированные гипотезы, в свою очередь, необходимы для создания теоретической рамки, раскрывающей причинно-следственные связи меж-

ду выявленными факторами и конечным исходом в виде выбора конкретной модели муниципального устройства. Первичный анализ данных показал, что при объяснении вариации в проведении муниципальной реформы отчетливо выделяются три фактора: поселенческий, этнокультурный и экономический.

Поселенческий фактор. Первое и наиболее очевидное объяснение различных исходов реформы связано с особенностями поселенческой структуры регионального населения. Практически все информанты подчеркивают, что муниципальная реформа оказывает неодинаковое влияние на городских и сельских жителей. Серьезной проблемой люди считают плохую транспортную доступность районных центров, которые часто расположены далеко от сельских поселений. Это приводит к дополнительным издержкам для местного населения, представители которого в случае ликвидации поселенческих администраций будут вынуждены ездить в районный центр для получения разного рода государственных услуг. Однако для городских поселений, где проблема транспортных коммуникаций не является острой, такие беспокойства не актуальны. Логично предположить, что высокая доля сельского населения и большое количество сельских поселений выступают значимым фактором, который существенно затрудняет переход на одноуровневую модель. В данном ракурсе Ярославская область и Республика Дагестан представляют диаметрально противоположные случаи. Если Ярославская область – это высокоурбанизированный регион, где доля сельских жителей не превышает 17%, то в Дагестане большая часть населения (55%) проживает в сельской местности. Не менее важно и различие в количестве сельских поселений. Если в Ярославской области на старте реформы их было всего 67, то в Дагестане их число в 10 раз выше и в настоящее время составляет около 700 единиц (см. табл. 1).

Информанты из Ярославской области вполне консолидированно акцентируют малозначительную роль, которую в регионе играет село. Сегодня в Ярославской области сельские поселения не имеют ни политического веса, ни экономических ресурсов. В целом достаточно сложно говорить об их позитивном развитии. Рост безработицы и снижение численности населения, обусловленные внутри- и межрегиональной центростремительной миграцией, являются для села ключевыми трендами.

«У нас сельские районы крайне малонаселенные. На уровне сельских поселений нет ни людей, ни ресурсов. Извините, но там

даже в выборах часто некому участвовать, чтобы обеспечить конкуренцию»¹.

Поэтому неудивительно, что издержки сельских жителей от муниципальной реформы легко могут быть проигнорированы региональной элитой, ориентирующейся прежде всего на общественные настроения горожан. В этом смысле более актуальной и острой проблемой становится проводимая в Ярославской области оптимизация социальной сферы (здравоохранения, образования и культуры)².

Дагестан наглядно демонстрирует различие в восприятии муниципальной реформы городскими и сельскими жителями. Ликвидация муниципалитетов первого уровня в столице республики Махачкале, проведенная еще в апреле 2025 года³, не вызвала никакой общественной реакции. Как отмечают информанты, данная реформа прошла практически незаметно. Однако намерение властей распространить этот опыт на сельские поселения породило сильное беспокойство людей. Информанты подчеркивают, что региональные власти следят за общественными настроениями и знают о довольно критическом настрое сельских жителей в отношении реформы. Некоторые эксперты считают это одной из главных причин задержки в ее реализации. Информанты, работающие в региональной администрации Дагестана, признают:

*«Сегодня действительно руководство республики взяло паузу в проведении реформы, и эта пауза обоснованна. В Дагестане более 700 сельских поселений и данная реформа – это очень масштабный процесс. Для республики этот вопрос непростой. Сейчас активно идет работа по изучению мнения населения»*⁴.

Особое место села в социальном развитии региона обусловлено как рассмотренными выше количественными показателями, так и острым дефицитом земли. Земельный вопрос остается наиболее конфликтным в республике, и его влияние на повседневную жизнь многих дагестанцев сложно переоценить [Ибрагимов, Егоров, 2014]. Поскольку земельные отношения в Дагестане напря-

¹ Информант № 13, преподаватель / исследователь, Ярославская область.

² Почти 4 тыс. человек сократили в соцсфере Ярославской области в прошлом году // Коммерсантъ. – 12.02.2026. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8422659> (дата посещения: 21.03.2026).

³ В Махачкале упразднили районы внутри города // ТАСС. – 28.04.2025. – Режим доступа: <https://tass.ru/v-strane/23801519> (дата посещения: 21.03.2026).

⁴ Информант № 11, служащий региональной администрации, Республика Дагестан.

мую связаны с местным уровнем власти, муниципальная реформа может радикально изменить правила контроля над земельными угодьями. Формально землями в административных границах сельского поселения распоряжаются органы муниципальной власти в лице главы поселения и депутатов муниципального собрания. Однако в реальности ключевая роль в решении конкретных земельных вопросов отводится общине сельского поселения (джамаату). Этот социальный институт является не только общиной мусульман во главе с местным религиозным лидером (имамом), но и неформальным представительным органом всех жителей сельского поселения. Власть на локальном уровне оказывается распределена между несколькими игроками: главой поселения, имамом, влиятельными семьями и кланами (тухумами). Такая структура организации власти на местах ограничивает возможность непосредственного влияния районных и региональных властей на вопросы земельной политики.

«Я приведу один известный мне случай. Главу нашего поселения как-то вызывал к себе руководитель муниципального района и требовал подписать документ об изменении границ сельского поселения, чтобы передать соседнему поселению во владение водоем и решить там проблему водоснабжения. Глава отказался и в ответ получил прямые угрозы о том, что в его поселение будет направлена полиция и будет применена сила. Я это говорю просто для понимания того, какие бывают конфликты между главами сельских поселений и районной администрацией, как они решаются и почему для местного населения муниципальная власть на уровне сельского поселения так важна. Главы поселений, имея формальный статус, сегодня могут сопротивляться произволу районной власти, и для населения это очень важно»¹.

В настоящее время добиться согласия на подобные земельные сделки невозможно без одобрения большинства жителей села. Поэтому проведение реформы, предполагающей ликвидацию поселенческих органов муниципальной власти, воспринимается в контексте перехода земельного вопроса в ведение муниципальных округов, главы которых лишены зависимости от джамаатов. На практике это означает нарушение экономических интересов местных сообществ, а также сложившихся межэтнических отношений.

Этнокультурный фактор и роль локальной идентичности. Республика Дагестан является одним из самых полиэтнических

¹ Информант № 7, член общественной организации, Республика Дагестан.

регионов России. Хотя в целом, как и в других российских регионах, процесс формирования общерегиональной (дагестанской) идентичности в республике поступательно развивается, многообразие этнических групп и отсутствие одной доминирующей замедляют его завершение. Не менее важными оказываются другие виды социальной идентичности: религиозная, субэтническая, кровнородственная (клановая), локальная. Переплетаясь друг с другом, они образуют многоуровневую систему, в которой связь с сельской общиной (джамаатом) играет ключевую, структурирующую роль. Именно джамаат концентрирует все главные ценности и социальные отношения: родительский дом и историю предков, кровнородственные связи, семью.

«У нас в Дагестане всем известно, что за джамаат мужчина пойдет на все и если надо, то и с оружием в руках встанет на его защиту!»¹

Джамаат является пространственно-поселенческой и семейной, а также религиозной ячейкой, совпадающей с местом проживания одной этнической группы. Полиэтнические и многоконфессиональные джамааты для Дагестана редкость. Соответственно, связь с джамаатом и конкретной сельской общиной воспроизводит все базовые формы социальной идентичности дагестанцев. В отличие от многих регионов России, в Дагестане урбанизация не приводит к депопуляции села. Это объясняется как высоким уровнем рождаемости, так и приоритетным характером локальной идентичности. Информанты подчеркивают, что большинство дагестанцев, переезжая в города, сохраняют связь с родным селом (включая прописку) и джамаатом. Они не только оказывают финансовую помощь своим сельским родственникам, но и участвуют в муниципальных выборах на селе. В Дагестане именно выборы местного уровня отличаются высокой явкой и чрезвычайной конкурентностью. Поэтому реформа, которая может лишить джамаат контроля над распределением земли, вызывает у населения крайне негативную реакцию.

Таким образом, в Республике Дагестан муниципальная реформа затрагивает не только политико-административные вопросы и экономические интересы муниципальных элит, но и традиционный уклад жизни, базовые ценности населения (семью, религию, этническую гордость и пр.). Реформа получает специфическое преломление, охватывающее важные для дагестанцев морально-

¹ Информант № 12, член Общественной палаты, Республика Дагестан.

ценностные и эмоционально-психологические аспекты. Все это создает дополнительные риски в проведении реформы и обуславливает выбор региональной власти в пользу затягивания ее практической реализации.

Ярославская область представляет в этом смысле диаметрально противоположный случай. Моноэтничность, при которой русские образуют 96% населения, и высокий уровень урбанизации приводят к размыванию сельской (локальной) идентичности. Соответственно, более приоритетными оказываются национальная (общероссийская), этническая (русская), региональная и / или субрегиональная идентичности. В Ярославской области особый акцент делается на формировании региональной идентичности, отсылающей к богатой истории и культурному наследию Ярославии. Региональные власти активно работают с образами и слоганами, позволяющими позиционировать население области в виде единой социальной общности. Образный фонд, используемый в данном процессе, обширен и варьируется от традиционных символов – древнерусских князей, геральдических медведей и пр. – до таких современных брендов, как «Яавтобус». Возникнув в ходе транспортной реформы, он сделал букву «я» важнейшим элементом брендинга региона.

Согласно материалам интервью, единственным примером построения сильной субрегиональной идентичности выступает Рыбинск, известный своими стилизованными вывесками. Информанты отмечают, что выдвижение городом конкурирующего проекта идентичности обусловлено целым рядом факторов, среди которых большая концентрация и численность населения (второе место в области), высокий уровень экономического развития и политической автономии, включая выборность главы Рыбинска.

«И он вообще один из немногих городов у нас в стране, где до сих пор сохраняются прямые выборы. Это было связано с тем, что там был совет, неподконтрольный областной власти. Там были коммерсанты и так далее. <...> Плюс у нас был большой скандал с созданием городских округов. У нас Рыбинск не сделали городским округом. И у нас проводился в 2024 году референдум, у них там. Они голосовали за выход из района с сохранением статуса города. Потом у нас пытался то же самое сделать Тутаев. По-моему, Углич хотел. Но им уже не дали. Потому что Рыбинск опять же, он мог себе это позволить. Пролоббировать»¹.

¹ Информант № 24, служащий региональной администрации, Ярославская область.

Город Рыбинск, местные элиты которого достаточно успешно противопоставляют себя Ярославлю, является скорее исключением. Однако даже в этом случае субрегиональная общность формируется в рамках городской агломерации, не актуализируя локальную идентичность на уровне сельских поселений и, как следствие, не стимулируя сопротивление муниципальной реформе. В таком социальном контексте региональные элиты не имеют серьезных ограничений при переходе на одноуровневую модель местного самоуправления. Несмотря на наличие некоторых очагов недовольства, власти Ярославской области сумели справиться с ними посредством точечных переговоров, кооптации бывших глав поселений в окружные администрации и муниципальные учреждения.

«Конечно, был сложный очень период первый. Когда нужно было проводить публичные слушания, принимать решения муниципальных советов. И вот здесь, наверное, весь успех был в том, насколько мы активно с населением отрабатывали по территориям. И это при том, что позиция у некоторых глав (половины) отрицательная. <...> Но тем не менее, провели все публичные слушания и, собственно говоря, на финале у нас, наверное, такое активное сопротивление было в двух территориях. <...> При этом была поддержка со стороны губернатора. Губернатор вот с этими главами тоже общался лично. И это было тоже важно на том этапе»¹.

Проведенный сравнительный анализ случаев Ярославской области и Республики Дагестан дает основание утверждать, что муниципальная реформа и переход к одноуровневой модели местного самоуправления более релевантны для модернизированных регионов с высокими показателями урбанизации и индустриализации. Напротив, сохранение традиционных форм социальной жизни становится препятствием для проведения реформы. Одновременно полученные данные свидетельствуют о том, что взаимосвязь между традиционализмом и модернизацией носит комплексный характер. Актуальные экономические тренды могут не только разрушать или ослаблять, но и усиливать традиционные институты.

Экономический фактор и взаимосвязь между традицией и модернизацией. В настоящей статье под экономическим фактором понимаются те ключевые экономические тренды, которые домини-

¹ Информант № 29, служащий муниципальной администрации, Ярославская область.

руют сегодня на региональном уровне. В условиях внешних вызовов и ограничений (международных санкций и пр.), с которыми сталкивается Россия, происходит существенное переформатирование индустрии туризма. Как следствие, многие регионы делают ставку на продвижение внутреннего туризма, стремясь использовать возникший «туристический бум» для своего экономического развития. Оба рассматриваемых региона обладают значительным туристическим потенциалом. Республика Дагестан славится своей природой и этнокультурной спецификой, что создает объективные преимущества для развития экотуризма. Населенные пункты Ярославской области включены в популярный туристический маршрут «Золотое кольцо России», столицей которого выступает город Ярославль. Богатое историко-культурное наследие предоставляет региону несомненные преимущества с точки зрения развития туристической отрасли. Здесь важно подчеркнуть, что «туристический бум» оказывает неодинаковый, но иногда существенный эффект на поселенческий и этнокультурный факторы. Тем самым экономический фактор становится дополнительной переменной, влияющей на ход муниципальной реформы. Хотя такое влияние не является очевидным, многие информанты акцентируют эту взаимосвязь.

Наиболее наглядно действие экономического фактора обнаруживается в Республике Дагестан, где бурное развитие туризма тесно переплетается с земельным вопросом и муниципальным управлением. В отличие от Ярославской области, основные туристические достопримечательности которой сконцентрированы в нескольких городах, в Дагестане туристические маршруты распределены почти по всей территории республики и, как правило, пролегают через сельские районы. Поэтому если в Ярославской области развитие туризма проводится по модели «сверху вниз», то в Дагестане оно идет децентрализованно, при участии множества частных хозяйств, вовлеченных в туристический бизнес на местном уровне. В этом процессе правительство республики выступает не главным менеджером, а лишь одним из равных игроков.

Сельские поселения Дагестана и прежде активно развивались, но «туристический бум» последних лет запустил дополнительные драйверы экономического роста на селе. Сегодня туристическая инфраструктура появляется даже в сельских поселениях, которые расположены вдали от наиболее популярных туристических маршрутов.

«Я не была в Дагестане три года, но совсем недавно вернулась и меня просто поразили те изменения, которые произошли в

течение последних трех лет этого туристического бума. Даже в самых удаленных поселках теперь есть по два или три гостевых дома, строятся автомобильные стоянки, дороги и прочее. Теперь село для дагестанцев это не только символический, но и важный экономический ресурс»¹.

Указанный экономический фактор в еще большей степени повысил значимость села и социальных связей с джамаатом, поддержание которых способствует сохранению локальной идентичности и продвижению экономических интересов дагестанцев. Вопрос о переходе на одноуровневую модель приобрел особую остроту, поскольку ликвидация муниципальной власти на уровне сельских поселений затрагивает процесс принятия решений по развитию туризма и напрямую влияет на благосостояние людей, вовлеченных в туристический бизнес. В случае Дагестана современные экономические тренды не разрушают, а укрепляют локальные сообщества. Процессы модернизации в таком контексте сосуществуют с традиционными институциональными порядками.

Таким образом, в Республике Дагестан поселенческий и этнокультурный факторы усиливают свое влияние за счет экономических эффектов, вызванных «туристическим бумом». Этого не происходит в Ярославской области, развитие туристического потенциала которой носит более централизованный характер и контролируется региональной властью. Многие новые проекты, напрямую или опосредованно связанные с привлечением туристов, предполагают приток инвестиций в традиционные туристические локации. Примером служит проект по установке архитектурно-художественной подсветки, который реализуется по поручению губернатора и затрагивает знаковые объекты региона, расположенные преимущественно в городах. Слабость сельских поселений проявляется также в развитии событийного туризма. В течение нескольких месяцев в Ярославской области проходил инициированный губернатором фестиваль «Ярзима-2026». Каждые выходные проводились мероприятия, в рамках которых все муниципальные округа должны были представить творческие программы на площадках соседних муниципалитетов. Несмотря на идею объединения территорий через культурный обмен, практическая реализация проекта получила специфическое преломление. Как отмечает один из информантов, в условиях масштабной оптимизации бюджетной

¹ Информант № 2, преподаватель / исследователь, Республика Дагестан.

сферы «Ярзима» выступила скорее дополнительной нагрузкой на сельские учреждения культуры:

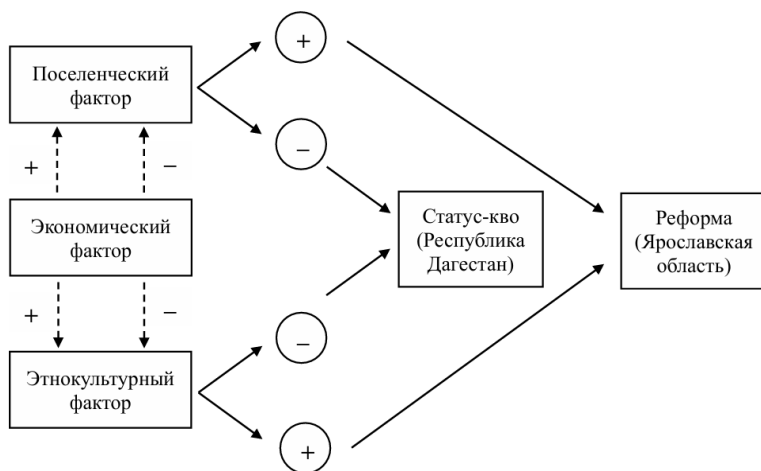
«Причем ее делают сокращенные в два раза сотрудники учреждений культуры. В каждом сельском доме культуры, который отремонтирован в том числе и по федеральной программе «Культура малой Родины», осталось по 0,1–0,2 ставки»¹.

Соответственно, при позиционировании Ярославской области в виде «созвездия 12 старинных городов» село не получает дополнительных драйверов экономического роста и, за исключением нескольких исторических поселений², его роль в туристической отрасли региона остается незначительной. Поселенческий и этнокультурный факторы, которые в случае Ярославской области не создают существенных препятствий для муниципальной реформы, оказываются вне влияния экономического фактора.

Резюмируя, можно сказать: поселенческий и этнокультурный факторы являются ключевыми для объяснения вариаций в выборе регионами стратегии реализации муниципальной реформы. Эти факторы могут создавать как позитивные (Ярославская область), так и негативные (Дагестан) условия для перехода к одноуровневой модели местного самоуправления. Именно поселенческий и этнокультурный факторы позволяют идентифицировать риски массового общественного недовольства. В свою очередь, экономический фактор является промежуточной независимой переменной, которая может усиливать или не изменять характер воздействия ключевых факторов. В схематическом виде причинно-следственные связи между тремя выделенными факторами и их влиянием на выбор стратегии проведения муниципальной реформы представлен на рис. 1.

¹ Информант № 26, депутат региональной легислатуры, Ярославская область.

² См. подробнее: Исторические поселения // Туристический портал Ярославской области. – Режим доступа: <https://visityaroslavia.ru/places?categories=299> (дата посещения: 21.03.2026).

«+» – позитивное влияние фактора

«-» – негативное влияние фактора

Рис. 1.

Факторы выбора регионом стратегии проведения муниципальной реформы

Заключение

Настоящая статья ставит вопрос о факторах, которые обуславливают сохранение институционального многообразия регионов России в условиях централизации. В этом отношении муниципальная реформа 2020–2025 годов предоставляет новый эмпирический материал, позволяющий дать ответ на обозначенный вопрос и внести вклад в более широкую научную дискуссию о причинах асимметричного институционального дизайна современных государств. Анализ литературы по исследуемому вопросу демонстрирует нехватку актуальных теорий, объясняющих институциональное многообразие в контексте централизации. Еще меньше теорий, которые учитывают специфику российского случая. Поэтому на первом этапе решения исследовательской проблемы необходима не столько проверка существующих теорий, сколько выявление новых факторов институционального многообразия российских регионов.

Результаты, полученные в ходе реализации этого начального этапа, отражены в данной статье.

Полевое исследование в двух регионах России (Ярославской области и Дагестане) позволило собрать необходимые эмпирические данные. Посредством анализа собранных экспертных интервью были выделены три основных фактора, влияющие на выбор стратегии проведения муниципальной реформы. Это факторы структурного порядка: поселенческий, этнокультурный и экономический. Важно отдельно отметить, что прошлые исследования причин институционального многообразия маркируют экономический и политический (электоральный) факторы в качестве главных объяснительных переменных, в то время как поселенческий и этнокультурный факторы не находят отражения в разработанных теориях асимметричной централизации. Настоящая статья вносит вклад в научную дискуссию о факторах многообразия институциональных порядков на региональном и локальном уровнях, обосновывая учет поселенческого и этнокультурного контекста территорий. В этом заключается актуальность и новизна проведенного исследования.

Однако представленная статья является лишь первой попыткой научного анализа исследуемой проблемы на эмпирическом материале современной России. Выявление указанных факторов опирается на изучение ситуации в двух регионах, что выступает очевидным ограничением проведенного исследования. Перспективы дальнейшей работы видятся в использовании выявленных факторов для формулирования более строгих научных гипотез, операционализации переменных и тестировании выдвинутых гипотез на базе широкой выборки регионов. Это позволит эмпирически проверить эвристическую ценность выделенных факторов и измерить возможность генерализации ключевых выводов данного исследования.

S.N. Shkel, V.D. Dmitrieva, A.Yu. Shvaya*
Factors of institutional diversity in Russia's regions:
the case of transition to a single-tier local government model
in 2020–2025¹

Abstract. The most recent wave of municipal reform in Russia was conceived as a further step toward the centralization and standardization of the country's institutional design. Contrary to these intentions, however, the reform resulted in the persistence of significant institutional variation at the subnational level. This article examines the determinants shaping regional elites' choices between alternative models of municipal governance—specifically, single-tier and two-tier systems—and advances a theoretical explanation for this observed diversity. The study employs a comparative case analysis of two Russian regions, Yaroslavl Oblast and the Republic of Dagestan, which exemplify divergent approaches to municipal organization. The research uses thirty semi-structured expert interviews as an empirical foundation. The analysis identifies three principal factors influencing the selection of municipal institutional models: social-settlement structures, ethnocultural configurations, and economic conditions. Beyond categorizing these factors, the article elucidates the causal mechanisms through which they shape reform outcomes, as reflected in regional choices of local governance arrangements. The findings contribute to a deeper understanding of the internal logic of institutional reform in Russia and offer broader insights into the determinants of asymmetric institutional design in contemporary states.

Keywords: political institutions; institutional design; institutional reforms; subnational politics; local politics; municipal governance; regions of Russia.

For citation: Shkel S.N., Dmitrieva V.D., Shvaya A.Yu. Factors of institutional diversity in Russia's regions: the case of transition to a single-tier local government model in 2020–2025. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 177–205. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.09>

* **Shkel Stanislav**, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), e-mail: stas-polit@yandex.ru; **Dmitrieva Valeria**, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), e-mail: ms.valeria.spb@mail.ru; **Shvaya Andrey**, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), e-mail: andrewshvaya@gmail.com

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 25-28-02310, «Asymmetric recentralization: the logic of partial reforms at the local level in contemporary Russia». Link to the Project information: <https://rscf.ru/project/25-28-02310/>

References

- Aksztejn W., Lackowska M., Krukowska J., Łukasz M. The multiple faces of recentralization: a typology of central-local interactions. *Journal of urban affairs*. 2022, Vol. 46, N 7, P. 1329–1349.
- Brancati D. Decentralization: fueling the fire or dampening the flames of ethnic conflict and secessionism? *International organization*. 2006, Vol. 60, N 3, P. 651–685.
- Dickovick T.J. *Decentralization and recentralization in the developing world: comparative studies from Africa and Latin America*. Pennsylvania: Pennsylvania state university press, 2011, 248 p.
- Elazar D.J. *Exploring federalism*. Tuscaloosa and London: University of Alabama press, 1987, 336 p.
- Erk J. *Explaining federalism: state, society and congruence in Austria, Belgium, Canada, Germany, and Switzerland*. London and New York: Routledge, 2008, 182 p.
- Farukshin M.Kh. *Federalism: theoretical and applied aspects*. Moscow: Yurist, 2004, 527 p. (In Russ.)
- Gadzhiev K.S. Russian Federation: nation state or state of nations? *Polis. Political studies*. 2018, N 3, P. 130–146. (In Russ.)
- Gerring J. *Case study research: principles and practices*. Cambridge: Cambridge university press, 2007, 265 p.
- Glaser B., Strauss A. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research*. New Brunswick; London: Aldine transaction, 2012, 282 p.
- Golosov G.V. The regional root of electoral authoritarianism in Russia. *Europe-Asia studies*. 2011, Vol. 63, N 4, P. 623–639.
- Graney K. *Of Khans and Kremlins: Tatarstan and the future of ethno-federalism in Russia*. Larham: Lexington books, 2010, 226 p.
- Hale H.E. *The foundations of ethnic politics: separatism of states and nations in Eurasia and the world*. Cambridge: Cambridge university press, 2008, 282 p.
- Hooghe L., Marks G. Unraveling the central state, but how? Types of multi-level governance. *American political science review*. 2003, Vol. 97, N 2, P. 233–243.
- Ibragimov M.A., Egorov V.K. Conflict-generating aspects of the land issue in Dagestan. *Federalism*. 2014, N 4, P. 109–122. (In Russ.)
- Kahn J. *Federalism, democratization, and the rule of law in Russia*. New York: Oxford university press, 2002, 326 p. (In Russ.)
- Kaspe S.I. Constructing a federation – Renovatio Imperii as a method of social engineering. *Polis. Political studies*. 2000, N 5, P. 55–69. (In Russ.)
- Lankina T.V. *Governing the locals: local self-government and ethnic mobilization in Russia*. London: Rowman & Littlefield publishers, 2006, 232 p.
- Lijphart A. *Democracy in plural societies: a comparative explorations*. Moscow: Aspect Press, 1997, 287 p. (In Russ.)
- Lopez-Murcia J. *Recentralisation in Colombia*. Cham: Palgrave Macmillan, Springer Nature Switzerland AG, 2022, 242 p.
- Meguid B. Transferring power to maintain control: decentralization as a national-level electoral strategy in Western Europe. *World politics*. 2024, Vol. 76, N 1, P. 1–37.
- Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Municipal public policy in the context of local self-government reform. *Political expertise: POLITEX*. 2024, Vol. 20, N 1, P. 4–22. (In Russ.)

- Oates W.E. *Fiscal federalism*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972, 249 p.
- Pantin V.I., Lapkin V.V. Ethnopolitical and ethnosocial processes in the Post-Soviet space (on the example of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine). *Polis. Political studies*. 2015, N 5, P. 75–93. (In Russ.)
- Reisinger W.M., Moraski B.J. *The regional roots of Russia's political regime*. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan press, 2017, 320 p.
- Rodden J. *Hamilton's paradox: the promise and peril of fiscal federalism*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, 317 p.
- Roeder P.G. *Where nation-states come from: institutional change in the age of nationalism*. Princeton: Princeton university press, 2007, 440 p.
- Ross C. *Federalism and democratization in Russia*. Manchester and New York: Manchester university press, 2002, 182 p.
- Sharafutdinova G. *Political consequences of crony capitalism inside Russia*. Notre Dame: University of Notre Dame press, 2011, 292 p.
- Shkel S.N. Asymmetric centralization: the logic of selective reforms at the local level in contemporary Russia. *Polity: analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of politics)*. 2025, Vol. 118, N 3, P. 58–79. (In Russ.)
- Stepan A. Federalism and democracy: beyond the U.S. model. *Journal of democracy*. 1999, Vol. 10, N 4, P. 19–34.
- Stoner-Weiss K. *Resisting the state: reform and retrenchment in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 182 p.
- Tishkov V.A. *Ethnology and politics*. Moscow: Nauka, 2001, 240 p.
- Treisman D. *After the deluge: regional crises and political consolidation in Russia*. Ann Arbor: University of Michigan press, 1999, 262 p.
- Treisman D. *The architecture of government: rethinking political decentralization*. Cambridge: Cambridge university press, 2007, 348 p.
- Turovsky R.F. Russian local self-government: an agent of state power trapped in underfunding and civic passivity. *Polis. Political studies*. 2015, N 2, P. 35–51. (In Russ.)
- Watts R.L. *Comparing federal systems*. London: McGill-Queen's university press, 2008, 205 p.
- Weingast B.R. The economic role of political institutions: market-preserving federalism and economic development. *Journal of law, economics, & organization*. 1995, Vol. 11, N 1, P. 1–31.

Литература на русском языке

- Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 130–146.
- Ибрагимов М.А., Егоров В.К. Конфликтотенные аспекты земельного вопроса в Дагестане // Федерализм. – 2014. – № 4. – С. 109–122.
- Каспэ С.И. Конструировать федерацию – Renovatio Imperii как метод социальной инженерии // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 5. – С. 55–69.
- Лейпхардт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

- Никовская Л.И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 4–22.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины) // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 75–93.
- Тишков В.А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
- Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 35–51.
- Фарукишин М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. – М.: Юрист, 2004. – 527 с.
- Шкель С.Н. Асимметричная централизация: логика выборочных реформ на местном уровне в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2025. – Т. 118, № 3. – С. 58–79.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основная информация об экспертных интервью

Код	Статус	Регион	Формат интервью	Дата интервью
1	Член общественной палаты или организации	Дагестан	Онлайн	26.12.2025
2	Преподаватель / исследователь	Дагестан	Онлайн	20.01.2026
3	Преподаватель / исследователь	Дагестан	Онлайн	03.02.2026
4	Преподаватель / исследователь	Дагестан	Онлайн	03.02.2026
5	Преподаватель / исследователь	Дагестан	Онлайн	03.02.2026
6	Служащий муниципальной администрации	Дагестан	Онлайн	04.02.2026
7	Член общественной палаты или организации	Дагестан	Онлайн	06.02.2026
8	Представитель СМИ	Дагестан	Очно	11.02.2026
9	Депутат региональной легислатуры	Дагестан	Очно	12.02.2026
10	Депутат региональной легислатуры	Дагестан	Очно	13.02.2026
11	Служащий региональной администрации	Дагестан	Очно	13.02.2026
12	Член общественной палаты или организации	Дагестан	Очно	14.02.2026
13	Преподаватель / исследователь	Ярославская область	Онлайн	10.01.2026
14	Преподаватель / исследователь	Ярославская область	Онлайн	12.02.2026
15	Член общественной палаты или организации	Ярославская область	Онлайн	18.02.2026
16	Представитель СМИ	Ярославская область	Онлайн	20.02.2026
17	Депутат муниципального образования	Ярославская область	Очно	24.02.2026
18	Депутат региональной легислатуры	Ярославская область	Очно	25.02.2026
19	Член общественной палаты или организации	Ярославская область	Очно	25.02.2026
20	Преподаватель / исследователь	Ярославская область	Очно	25.02.2026
21	Депутат региональной легислатуры	Ярославская область	Очно	26.02.2026
22	Депутат муниципального образования	Ярославская область	Очно	26.02.2026
23	Служащий региональной администрации	Ярославская область	Очно	27.02.2026
24	Служащий региональной администрации	Ярославская область	Очно	27.02.2026
25	Служащий региональной администрации	Ярославская область	Очно	27.02.2026
26	Депутат региональной легислатуры	Ярославская область	Очно	27.02.2026
27	Депутат региональной легислатуры	Ярославская область	Очно	27.02.2026
28	Служащий муниципальной администрации	Ярославская область	Онлайн	04.03.2026
29	Служащий муниципальной администрации	Ярославская область	Онлайн	05.03.2026
30	Служащий муниципальной администрации	Ярославская область	Онлайн	06.03.2026

Д.А. СТРЕМОУХОВ, П. ЧЕРНИКОВ, А.В. СТАРОДУБЦЕВ*

**ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ОБНОВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В РОССИИ
(2000–2020-е гг.): ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
ИЗМЕНЧИВОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ¹**

Аннотация. В последние два десятилетия российская политика обновления городской среды прошла путь от фрагментарных и слабо востребованных инициатив – таких как «Комплексное освоение территорий» (КОТ) и «Развитие застроенных территорий» (РЗТ) – к формированию масштабного общероссийского механизма Комплексного развития территорий (КРТ). Цель статьи – объяснить логику трансформации ранних программ и выявить факторы, определившие специфику и относительный успех механизма КРТ. Теоретическую рамку исследования составляют исторический неoinституционализм, идея редистрибутивной природы институтов и концепция институционального насаивания. Эмпирическую основу работы составляют тексты нормативно-правовых актов, вторичные

* **Стремоухов Денис Александрович**, старший преподаватель, департамент политологии и международных отношений, младший научный сотрудник Центра сравнительных исследований власти и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: dstremoukhov@hse.ru; **Черников Павел Евгеньевич** стажер Центра сравнительных исследований власти и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: pchernikov@leontief.ru; **Стародубцев Андрей Владимирович**, кандидат политических наук, приглашенный исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург; генеральный директор, АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: astarodubtsev@leontief.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01041, <https://rscf.ru/project/25-28-01041/>

© Стремоухов Д.А., Черников П.,
Стародубцев А.В., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.10

данные и серия полуструктурированных интервью с экспертами и представителями девелоперских компаний.

Исследование показывает, что механизм КРТ сформировался не в результате рационального проектирования, а через длительную эволюцию, институциональное наслоение, влияние внешних шоков (включая опыт программы московской реновации) и политическую борьбу. Установлено, что специфика механизма обусловлена глубокой асимметрией политических и ресурсных возможностей акторов. С одной стороны, крупные девелоперы смогли пролоббировать универсальные и выгодные правила игры на федеральном уровне. С другой стороны, федеральный центр обеспечил реализацию своих задач через специализированные институты развития (такие как ДОМ.РФ) в обход неэффективных локальных властей. При этом влияние граждан ограничено преимущественно реактивным сопротивлением. В заключении подчеркивается, что, несмотря на свою масштабность, КРТ не стал окончательно стабильной конструкцией: множественность правовых трактовок и противоречивая судебная практика продолжают генерировать неопределенность, ограничивая первоначальную эффективность этого института.

Ключевые слова: политика обновления городской среды; комплексное развитие территорий (КРТ); исторический неинституционализм; институциональное наслаивание; изменение политики; структурные возможности акторов.

Для цитирования: Стремоухов Д.А., Черников П., Стародубцев А.В. Динамика государственной политики обновления городской среды в России (2000–2020-е гг.): факторы институциональной изменчивости и стабильности // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 206–233. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.10>

Введение

Политика обновления городской среды является не только социально значимым, но и политизированным вопросом. В этом процессе участвуют три ключевые группы акторов, обладающие собственными ресурсами и стратегиями, позволяющими им вступать в сложные отношения сотрудничества и конфликта друг с другом. Речь идет, во-первых, об органах власти, перед которыми стоят задачи по расселению ветхого и аварийного жилья и созданию современной комфортной инфраструктуры. Во-вторых, о застройщиках¹, имеющих экономические интересы и лоббистские возможности. В-третьих, о гражданах, которые получают возмож-

¹ Несмотря на наличие содержательных отличий в терминах «застройщик» и «девелопер», в рамках данной статьи мы используем их как синонимы. Это обусловлено тем, что масштабные программы обновления городской среды включают в себя наиболее крупные компании (группы компаний), которые объединяют в себя функции и планирования проектов городского развития и связанных с ними конкретных проектов строительства.

ность улучшить жилищные условия, но в то же время сталкиваются с конфликтами вокруг собственности.

За последние 20 лет в России сменилось несколько правовых режимов, регулирующих эту сферу. В настоящий момент обновление городской среды в первую очередь осуществляется посредством института комплексного развития территорий (КРТ). Ему предшествовала череда других институтов, каждый из которых активно менял ландшафт правового регулирования сферы обновления городской среды и оказывал, в том числе, и физическое влияние на состояние городов и регионов. В широком смысле цель данной статьи – понять, каким образом сложился институт КРТ, и почему он представляется более устойчивым и успешным, чем предыдущие попытки создания институциональной рамки в данной сфере.

Отечественные исследования комплексного развития территорий в основном проводились с нормативных перспектив юридической науки и науки о государственном и муниципальном управлении (ГМУ) [Друева, 2022; Ербягина, 2021; Кирсанов, 2024; Стерник, 2023; Чмыхало, 2021]. Кроме того, в политологической литературе существует устойчивая традиция интерпретации управленческих решений в России через призму политико-экономического порядка и стимулов различных элитных групп к максимизации ренты [Gel'man, 2017]. С этой точки зрения политики обновления городской среды также являются ничем иным как функцией от этого порядка [Borushkina, Gorodnichev, 2025; Zupan, Smirnova, Zadorian, 2021].

Наша статья призвана продемонстрировать актуальность позитивного (в противовес нормативному) подхода, укорененного в литературе о публичной политике и политических курсах, в частности – с точки зрения исторического институционализма. С одной стороны, это позволит отойти от оценки качества дизайна изучаемых инструментов с нормативной точки зрения, а с другой – показать ограниченность подходов, объясняющих конкретные исходы политического процесса (policy process) через обращение к макроструктурным характеристикам российского государственного и общественного устройства.

Статья представляет собой пример политологического анализа устойчивости и изменчивости политических институтов. Развивая эту повестку, мы следуем за такими авторами, как Кетлин Телен и Вольфганг Штрек, которые рассматривают государственную политику (политический курс, public policy) как институт, устанавливающий формальные и неформальные правила игры, соз-

дающий ожидания и распределяющий права и обязанности, а также предусматривающий их обеспечение государственными механизмами [Streeck, Thelen, 2005].

Подобный подход получил глубокое развитие в литературе 2000-х годов и далее: сквозь его призму анализировались социальная, земельная, семейная политики [Thelen, 2004; Kan, 2021; Daly, Ferragina, 2018] и многие другие направления государственного политического курса. Именно в рамках анализа государственной политики как изменяющегося или устойчивого института развивается идея постепенных (инкрементных) институциональных изменений, предполагающая, что институты меняются не только в ходе кризисов (шоков), но и в ходе повседневной борьбы за интерпретацию правил [Falleti, 2010].

Здесь же получает новое дыхание литература о политической обратной связи (policy feedback), восходящая к классическим работам Эрика Шаттшнейдера [Schattschneider, 1935; Schattschneider, 1945]. В фокусе этого направления находится влияние государственной политики, то есть института, определяющего права и обязанности, на динамику политической борьбы и даже политическое устройство. Государственная политика создает новых акторов, меняет баланс ресурсов и интересов, организует системы политических возможностей и коллективных идентичностей, что, в свою очередь, оказывается важными условиями развития политического процесса [Béland, Campbell, Weaver, 2022].

Формирование и изменение жилищной политики – одна из популярных тем в сфере анализа институциональных изменений. Так, например, стабильность системы муниципального жилья в Англии находит свое объяснение в отказе властей в начале XX века субсидировать частную аренду [Cullingworth, 2021]. Кроме того, стабильность институтов в этой сфере связана с материальностью жилья, а значит со значительной чувствительностью этого вопроса для большого количества стейкхолдеров [Bengtsson, Ruonavaara, 2010]. Разнообразные внешние шоки – войны, экономические кризисы и революции – открывают окна возможностей для радикальных изменений политического курса. В то же время значительная часть изменений происходит инкрементально, в ходе действия признанных механизмов изменения институтов – наслоения, дрейфа, конверсии или смещения [Bengtsson, Kohl, 2020].

Политологическое изучение изменения жилищной политики и городского территориального развития в России в наибольшей степени посвящено взаимодействию властей, жителей и застрой-

щиков в ходе планирования и реализации проектов городского развития [Шевцова, Бедерсон*, 2017; Семенов, Шевцова, Бедерсон*, 2018; Zhelnina, 2026]. В то же время Марина Хмельницкая демонстрирует, как политические идеи взаимодействуют с интересами различных групп и институциональными факторами, определяя направление реформ и выбор инструментов государственной политики [Khmel'nitskaya, 2015; Khmel'nitskaya, 2017].

Наша работа развивает эту повестку, концентрируясь, с одной стороны, на относительно новом сюжете программ обновления городской среды, а с другой – на редистрибутивных эффектах институциональных изменений в этой сфере. Для этого мы, во-первых, описываем институциональные изменения как поле для редистрибутивного конфликта; во-вторых, подчиняясь логике изложения материала в историческо-институциональном анализе, характеризуем те изменения, которые произошли в области регулирования процессов обновления городской среды в период с 1994 года по настоящее время; в-третьих, представляем анализ этого материала сквозь призму сформулированных в теоретической части положений.

Мы опираемся на эмпирические материалы, собранные в ходе комплексного исследования, посвященного адаптации институтов жилищной политики к внешним шокам. Наши выводы основаны на изучении нормативных актов, законопроектов и сопутствующих им документов в сфере обновления городской среды, архиве новостных источников с 1991 года по настоящее время и текстовых расшифровках трех интервью с представителями региональных девелоперов, одного интервью с экспертом в области жилищного строительства и одного интервью с представителем городского совета крупного российского города. Все интервью собраны в период с февраля по сентябрь 2025 года.

Изучение институциональных изменений сквозь призму исторического институционализма

Вслед за Телен и Штреком мы определяем институты как “ожидания касательно поведения определенных типов акторов или осуществления определенных видов деятельности, следование которым социально санкционировано, т.е. обеспечивается коллективно”

* Признан иностранным агентом.

[Thelen, Streeck, 2005, p. 9]. Исторический институционализм подчеркивает редистрибутивный характер институтов: так как институты распределяют ресурсы, любое их изменение несет в себе потенциал для конфликта между акторами, чья деятельность регулируется данным институтом или чьи ресурсы оказываются затронуты функционированием института [Mahoney, Thelen, 2010, p. 7–8].

Из этого следует, что стабильность института не является данностью и требует постоянных усилий по мобилизации поддержки, навязыванию определенных интерпретаций и противодействию агентам изменений [Mahoney, Thelen, 2010, p. 9–10]. Важным фактором стабильности и изменчивости институтов являются структурные возможности и агентивные умения акторов по созданию коалиций [Mahoney, Thelen, 2010, p. 9; Emmenegger, 2021]. При этом отдельные институциональные изменения могут служить средством сохранения более широкого института под давлением агентов изменений [Jacobs, 2010].

Таким образом, объяснение траектории, по которой развиваются институты городского развития в России, предполагает внимание к таким факторам институциональных изменений и стабильности как: 1) степень соответствия институтов редистрибутивным интересам акторов; 2) баланс сил между агентами стабильности и агентами изменений, а также их способность к объединению в коалиции; 3) возможности по влиянию на формирование правил, которые акторам предоставляет более широкая по отношению к анализируемой сфере институциональная структура; 4) наличие институциональных шаблонов, которые использовались ранее для решения схожих задач или доступны акторам из опыта.

Статья использует широкий набор данных для реконструкции последовательности событий, включая моменты политической борьбы и опыт реализации предыдущих институтов, приведших к формированию текущей версии института КРТ. Не все элементы этой последовательности можно интерпретировать в строгом каузальном смысле: так, предыдущие институты обновления городской среды не являются достаточными и необходимыми условиями для разработки последующих. Однако анализ исходит из допущения, что временной порядок событий “имеет последствия (causally consequential) для интересующего исследователя исхода” [Falleti, Mahoney, 2015, p. 218]: в частности, элементы предыдущих институтов переходят в последующие, а опыт акторов в рамках реализации этих институтов формирует их предпочтения в рамках политического (policy) процесса.

Логика дальнейшего анализа предполагает выявление контекстуальных факторов, процессов и случайных цепочек событий, которые привели к изменениям конфигурации ресурсов, предпочтений и структурных возможностей акторов в конкретной ситуации и, как следствие, появлению новых институтов. Эти институты, в свою очередь, рассматриваются как факторы, влияющие на мотивацию и способность акторов добиваться следующей волны такого рода изменений.

Институциональное развитие федеральной политики в области обновления городской среды

Первым элементом, ставшим впоследствии частью института КРТ, стал режим *комплексного освоения территорий* (КОТ), предполагавший освоение незастроенных земельных участков с оснащением их всей необходимой инженерной и социальной инфраструктурой. Федеральная программа КОТ, принятая в 1994 году, включала в себя проведение эксперимента в шести регионах России, однако ввиду ресурсных ограничений была реализована только в Московской области, где было построено несколько коттеджных поселков. Для реализации программы была учреждена финансовая корпорация регионального развития, а само освоение осуществлялось через учреждение муниципальных предприятий, выступавших в роли заказчиков строительных работ¹.

В 2004 году поправки в Земельный кодекс, принятые вместе с Градостроительный кодексом, установили, что аукцион должен быть обязательной процедурой для продажи земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, в том числе «для их комплексного освоения в целях жилищного строительства»². В первой редакции Градостроительного кодекса в качестве одной из целей градостроительной политики впервые встречается понятие «устойчивого развития территорий», интег-

¹ Сагдиев Р. Городок наш ничего // Известия. – 23.11.1999; Московская областная администрация разработала региональную программу комплексного освоения территорий // Московский комсомолец. – 07.07.1994. – № 129.

² Федеральный закон от 29.12.2004 № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» (ред. от 29.12.2024). – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата посещения: 31.03.2026).

рирующее в градостроительную деятельность принципы безопасности, стремления к благоприятным условиям жизнедеятельности человека и бережного взаимодействия с окружающей средой¹.

В 2007 году в рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье гражданам России» федеральное правительство запустило механизм федеральных субсидий проектов КОТ². Стимулом к участию в программе для застройщиков стало сокращение количества доступной под точечную застройку земли³. При этом застройщики столкнулись со сложностями подключения к инженерным сетям и согласования проектов с планами развития инфраструктурных монополий, трудностями долгосрочного планирования и попытками региональных и муниципальных властей переложить на застройщиков затраты по строительству социальной инфраструктуры⁴. Кроме того, крупные застройщики заранее скупали привлекательные участки по старым правилам⁵. Эти факторы, наряду с экономическим кризисом 2009 года, привели к низкой популярности аукционов⁶.

Параллельно с развитием института КОТ перед властями разных уровней остро встали задачи расселения аварийного жилья и выполнения показателей национального проекта. Острота проблемы была обусловлена не только объективными показателями (в период с 1995 по 2005 годы площадь ветхого и аварийного жилищного фонда по официальным данным выросла почти в 2,5 раза и составила 3,2% от общей площади жилищного фонда)⁷, но тем,

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 190-ФЗ (в первоначальной редакции).

² Постановление Правительства РФ № 265 «Об экспериментальных инвестиционных проектах комплексного освоения территорий в целях жилищного строительства» от 05.05.2007.

³ Грибанов В. Глобальные перемены на фоне стагнации // Коммерсантъ. – 03.12.2007. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/831913> (дата посещения: 25.03.2026).

⁴ Денисенко Е. По разным рецептам // Эксперт: Северо-Запад – 13.08.2012, № 32–33.; Грибанов В. Глобальные перемены на фоне стагнации // Коммерсантъ. – 03.12.2007. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/831913> (дата посещения: 25.03.2026).

⁵ Ермак С. Землю есть буду // Эксперт Урал. – 25.02.2008, № 8 (317).

⁶ План по земельным аукционам в Москве в 2009 году выполнен всего на 16% // Новые известия – 23.09.2009. – Режим доступа: <https://reality.rbc.ru/news/577d292e9a7947a78ce9378a> (дата посещения: 27.03.2026).

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2010. Ветхий и аварийный жилищный фонд. – Режим доступа:

что механизм аукционов, введенный в 2004 году, не был приспособлен к продаже застроенных участков¹. По сути, задача расселения и сноса аварийного жилья, которую ранее можно было возложить на застройщика через подписание инвестиционного контракта, полностью ложилась на муниципалитеты². Ввиду отсутствия у последних необходимых ресурсов, выполнение программы расселения было поставлено под угрозу. Существенным кажется и тот факт, что выполнение показателей национального проекта виделось политически важной задачей и личным приоритетом вице-премьера Дмитрия Медведева в контексте приближающихся президентских выборов³.

В 2006 году был принят пакет поправок, направленных на снятие административных барьеров на пути сноса и реновации аварийного и ветхого жилья – в российском законодательстве появился институт *развития застроенных территорий* (РЗТ). Важным отличием от существовавших ранее программ расселения аварийного жилья стала возможность включения в РЗТ домов, не находящихся в состоянии аварийности, через принятие соответствующих адресных программ муниципальными представительными органами.

Механизм РЗТ, помимо сохранения проблем, свойственных КОТ, создал почву для редистрибутивного конфликта между властями и застройщиками с одной стороны и собственниками жилья с другой. Этот конфликт разворачивался в условиях, где институт прав собственности на жилье, с которым вошел в противоречие институт РЗТ, обладал для граждан особым значением в виду исторических особенностей своего формирования [Черкашина, 2023, с. 122]. Застройщики, участвующие в проектах РЗТ, столкнулись с необходимостью получения согласия собственников и выкупа

https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/06-40.htm (дата посещения: 29.03.2026).

¹ Граник И. Строители стали ближе к земле // Коммерсантъ. – 27.11.2006. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/725026> (дата посещения: 31.03.2026).

² Ъ-Граник. Строители стали ближе к земле // Коммерсантъ. – 27.11.2006. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/725026> (дата посещения: 31.03.2026); Ъ-Терентьев И. Для малоэтажного строительства теперь есть все предпосылки. // Коммерсантъ. – 02.02.2007. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/739081> (дата посещения: 31.03.2026).

³ Ъ-Граник. Госдума приступила к спасению нацпроекта «Жилье» // Коммерсантъ. – 21.09.2006. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/706381> (дата посещения: 31.03.2026).

квартир. Эта проблема стала ключевой для механизма РЗТ — застройщики не были готовы брать на себя траты и риски, связанные с протестами жителей и требованиями завышенных компенсаций со стороны жильцов «последних квартир»¹. Другим институциональным фактором, подрывающим интерес застройщиков к проектам РЗТ и их рентабельность, стали существующие правила застройки, ограничивающие набор доступных застройщикам опций. Реализация РЗТ на региональном уровне столкнулась с регулярными провалами аукционов, сопротивлением жильцов, конфликтами между региональным и муниципальными уровнями власти², протестами прокуратуры³, судебными исками и провалом реализации утвержденных проектов. Стремясь привлечь застройщиков в проекты РЗТ, власти отдельных городов предпринимали попытки объявлять аукционы только на участки, заранее рекомендованные к этому застройщикам, и заранее утверждать предложенные застройщиками проекты планировки⁴.

Показательна история РЗТ в Санкт-Петербурге: принятие и реализация программы сопровождалась протестами со стороны граждан⁵, существенной переработкой закона в региональном парламенте⁶ и вмешательством Генеральной и Санкт-Петербургской

¹ Игнатова М. «Сносить пятиэтажки слишком дорогое удовольствие» // Коммерсантъ. — 01.03.2021, № 35. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4711413> (дата посещения: 31.03.2026); Госдума приступила к спасению нацпроекта «Жилье» // Коммерсантъ. — 21.06.2006. — № 108. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/706381> (дата посещения: 31.03.2026); Костина А. Строителей оставляют сносом // Коммерсантъ. — 27.04.2011, № 73. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1634097> (дата посещения: 31.03.2026).

² Кряжев Р. В области взаимных упреков // Коммерсантъ. — 10.02.2016. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2912470> (дата посещения: 31.03.2026).

³ Муллина М., Двизова Н. Несносный протест // Коммерсантъ. — 06.04.2012. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1909171> (дата посещения: 31.03.2026).

⁴ Гуторова М., Варламова О. Земля — советам // Коммерсантъ. — 14.03.2009. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1138615> (дата посещения: 31.03.2026); Лобанова И. «Город не может развиваться только в ширину» // Коммерсантъ. — 31.05.2011. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1651544> (дата посещения: 31.03.2026).

⁵ Иванова Е. «Хрущевские» тонкости: реновация в Петербурге стала токсичной для девелоперов // Деловой Петербург. — 07.01.2023. — Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2023/01/06/Hrushhiovskie_tonkosti_re (дата посещения: 31.03.2026).

⁶ Шевчук М. Крен влево // Коммерсантъ. — 25.01.2008. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/845558> (дата посещения: 31.03.2026).

прокуратур¹. Реализация РЗТ в городе, по сути, провалилась. Так, один из проектов за 11 лет удалось выполнить только на 8% из-за изменения ограничений высотности и сопротивления местных жителей. Кроме того, суд запретил пролонгировать истекший в 2018 году договор об РЗТ, несмотря на готовность городских чиновников². Договор по другому проекту был продлен еще на 10 лет: среди факторов задержки назывались отсутствие «стартовых пятен» и невозможность договориться со всеми жителями домов, подлежащих сносу³. В результате в 2017 году программа РЗТ в Санкт-Петербурге была реализована менее чем на 10%⁴. На совещании представителей регионального правительства, застройщиков и экспертов был сделан вывод о неэффективности положений РЗТ для достижения планируемых темпов расселения⁵.

Тем не менее, в ходе своей реализации федеральные программы городского развития начали приобретать для государства стратегическое значение. В 2019 году при рассмотрении проекта федерального бюджета на 2021–2022 годы Счетная палата раскритиковала Министерство строительства за неучет целей и задач, направленных на реализацию РЗТ и КОТ⁶. А годом ранее разра-

¹ ЗакС привлек прокуратуру в спор со Смольным по адресной программе реновации // РБК. – 18.10.2012. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/spb_sz/18/10/2012/55929d279a794719538c5431 (дата посещения: 31.03.2026).

² Коваленко С. Ульянка окончательно прощается с «Воином В» // 78.ru. – 2019. – Режим доступа: <https://78.ru/articles/2019-12-03/ulyanka-okonchatelno-proshaetsya-s-voinom-v-a-so-snosom-hrushevok> (дата посещения: 31.03.2026).

³ Иванова Е. «Хрущевские» тонкости: реновация в Петербурге стала токсичной для девелоперов // Деловой Петербург. – 07.01.2023. – Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2023/01/06/Hrushhiovskie_tonkosti_re (дата посещения: 31.03.2026).

⁴ Воронин И. Реновацию критикуют, но ничего не предлагают // Бюллетень недвижимости. – 2017. – Режим доступа: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/237066/> (дата посещения: 31.03.2026).

⁵ Коваленко С. Стоимость программы сноса хрущевок для «СПб Реновации» может подорожать до 450–470 млрд руб. // Бюллетень недвижимости (BN.ru). – 26.08.2015. – Режим доступа: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/222010/> (дата посещения: 31.03.2026).

⁶ У Счетной палаты есть ряд замечаний к Минстрою по поводу госпрограммы обеспечения россиян доступным жильем // ЕРЗ.РФ. – 28.10.2019. – Режим доступа: <https://erzrf.ru/news/u-schetnoy-palaty-yest-ryad-zamechaniy-k-minstroyuro-povodu-gosprogrammy-obespecheniya-rossiyan-dostupnym-zhilyem> (дата посещения: 31.03.2026).

ботка национальной программы «Жилье и городская среда» стала одним из основных поручений президента РФ правительству¹.

В апреле 2015 года группа из трех депутатов (включая бывшего и текущего секретаря московского отделения «Единой России») внесла в Государственную думу законопроект, направленный на создание механизма комплексного развития промышленных зон, утративших свое первоначальное промышленное значение². Вероятно, законопроект изначально был написан при поддержке московского правительства³. На этапе второго чтения в него были внесены поправки Правительством РФ и влиятельным депутатом М.Л. Шакумом (одним из авторов закона об РЗТ), существенно изменившие первоначальную концепцию законопроекта.

Принятый в июле 2016 года закон вводил понятие «комплексное и устойчивое развитие территорий» (КУРТ), определяемое как «осуществляемая в целях обеспечения наиболее эффективного использования территории деятельность по подготовке и утверждению документации по планировке территории для размещения объектов капитального строительства жилого, производственного, общественно-делового и иного назначения и необходимых для функционирования таких объектов и обеспечения жизнедеятельности граждан объектов коммунальной, транспортной, социальной инфраструктур, а также по архитектурно-строительному проектированию, строительству, реконструкции указанных в

¹ Госпрограмму по жилищному строительству нужно модернизировать // Законодательная Дума Томской области. – 12.10.2018. – Режим доступа: https://duma.tomsk.ru/news/news_zdto/gosprogrammu_po_zhilishhnomu_stroitelstvu_nuzhno_modernizirovat (дата посещения: 31.03.2026).

² Текст законопроекта № 778655-6 «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного и устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Государственная Дума. – 2015. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/778655-6> (дата посещения: 31.03.2026).

³ Левкин С. Комплексный подход в реорганизации промышленных зон позволит создать в границах Москвы гармонично развивающиеся территории // Градостроительный комплекс Москвы. – 28.04.2015. – Режим доступа: https://stroj.mos.ru/press_releases/kompleksnyi-podhod-v-reorganizacii-promyshlennykh-zon-pozvolit-sozdat-v-granichah-moskvy-garmonichno-razvivayushiesya-territorii-sergei-levkin (дата посещения: 31.03.2026).

настоящем пункте объектов»¹. К видам КУРТ закон относил *комплексное развитие территорий* по инициативе правообладателей земельных участков и (или) расположенных на них объектов нежилого имущества (развитие первоначальной идеи о развитии промышленных зон) и *комплексное развитие территорий по инициативе органа местного самоуправления*. Принятые нормы были охарактеризованы в профессиональных публикациях как направленные на снижение административных барьеров и инвестиционных рисков [Кузьма, 2016]. При этом КРТ по инициативе органа местного самоуправления не распространялось на многоквартирные дома, остававшиеся объектом механизма РЗТ. Этот же закон исключил возможность включения в границы РЗТ объектов, не соответствующих градостроительному регламенту – индивидуальных построек, временных и некапитальных строений, – что сильно сократило масштаб территорий, которые могут быть выдвинуты на аукцион. Институт экономики города оценивал данные изменения как «убийство» механизма РЗТ². Поправками 2019 года КОТ и РЗТ также были отнесены к видам КУРТ.

Важнейшей вехой в развитии механизмов обновления городских территорий стала *московская программа реновации*. Исследования показывают, что она также была сформирована в результате сложного процесса, в котором переплелись интересы бюрократии, экспертные взгляды на развитие городских пространств и политическая борьба [Khmelnitskaya, Ihalainen, 2021]. К 2017 году эксперты, бюрократия и политики пришли к пониманию, что экспансионистская стратегия городского развития, воплощенная в создании Новой Москвы – расширении границ города за счет территории Московской области в 2012 году – не оправдала себя. В ответ на

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 373-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного и устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420363704> (дата посещения: 31.03.2026).

² Полиди Т.Д. Редевелопмент территорий российских городов требует серьезного продвижения законодательства // Институт экономики города. – 10.07.2017. – Режим доступа: <https://www.urbaneconomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/erz-redevelopment-territoriy-rossiyskih-gorodov-trebuets-serezno> (дата посещения: 31.03.2026)

вызовы городского развития была разработана программа, предполагающая массовый снос малоэтажных домов 1957–1968 гг. постройки («хрущевки»).

Хотя программу реновации традиционно связывают с продвижением интересов строительного бизнеса, существуют данные о том, что идея реновации изначально исходила от мэра Москвы, которому удалось заручиться поддержкой президента страны¹. Другие источники сообщали, что программа стала возможностью избежать перераспределения московских бюджетных доходов в пользу регионов с высокой долговой нагрузкой². Таким образом, программа реновации родилась в результате череды контингентных событий и желания региональных властей избежать редистрибуции ресурсов.

Несмотря на ожидания того, что программа принесет политические дивиденды, власти столкнулись с волной массовых протестов. В Государственной думе была создана рабочая группа, в которую вошли в том числе критики реновации из числа граждан³. В результате в закон о реновации⁴ были внесены существенные изменения: гражданам гарантировалось переселение в границах того же муниципального образования, получение равнозначного или равноценного жилья на выбор⁵ и возможность обжаловать в

¹ Сарджвеладзе С., Галимова Н., Пастушин А. Неудачи капремонта и криминал: кто и зачем придумал реновацию в Москве // РБК. – 09.01.2018. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2018/5a47a6229a79472fceb8b3> (дата посещения: 31.03.2026).

² Еременко Е. Закон о сносе пятиэтажек: Собянин спасает бюджет и надеется на инвесторов // Forbes.ru. – 27.04.2017. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/342925-zakon-o-snose-pyatietazhek-sobyanin-spasaet-byudzheth-i-nadeetsya-na-investorov> (дата посещения: 31.03.2026).

³ Хамраев В. Госдуме пришли поспорить о реновации // Коммерсантъ. – 21.09.2017. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3417161> (дата посещения: 31.03.2026).

⁴ Полное название закона: Федеральный закон от 01.07.2017 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О статусе столицы Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации – городе федерального значения Москве». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219043/ (дата посещения: 31.03.2026).

⁵ Равноценное жилье – жилье такой же рыночной стоимости. Равнозначное жилье – жилье с такими же существенными характеристиками (площадь, количество комнат). В первоначальном варианте законопроекта жители домов,

суде решение о включении дома в программу [Khmelnitskaya, Ihalainen, 2021, p. 1167–1172]. Важным итогом процесса стала необходимость согласия двух третей жителей дома для включения его в программу. При этом на уровне экспертных обсуждений подобные идеи высказывались и раньше, но были зафиксированы в законодательстве только в результате острой политической борьбы¹. Тем не менее, именно в рамках программы реновации абсолютность прав собственности на жилье была поставлена под вопрос.

О распространении опыта московской реновации на всю страну на государственном уровне заговорили уже в 2018 году (а на уровне экспертных институций – не позднее 2017²). Законопроект, подготовленный депутатами Государственной думы Галиной Хованской и Сергеем Мироновым, был отклонен на этапе первого чтения (закон критиковали за то, что он не учитывает бюджетное неравенство между регионами)³, а инициатива Законодательного собрания Санкт-Петербурга – на этапе предварительного рассмотрения⁴. Однако уже в 2020 году о возможности принятия подобного закона заявил вице-премьер Марат Хуснуллин, отвечавший ранее за программу реновации на должности заместителя мэра Москвы. Соответствующий законопроект был внесен в Государственную думу в сентябре 2020 года, а в декабре уже подписан президентом. В отличие от предыдущих механизмов, решения о КРТ получили приоритет над другой градостроительной

подлежащих реновации, могли получить только равноценное жилье, что грозило им существенным ухудшением жилищных условий.

¹ Полиди Т.Д. Редевелопмент территорий российских городов требует серьезного продвижения законодательства // Институт экономики города. – 10.07.2017. – Режим доступа: <https://www.urbanecomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/erz-redevelopment-territoriy-rossiyskih-gorodov-trebuets-sereznogo> (дата посещения: 31.03.2026).

² Там же.

³ Миронов С.М., Хованская Г.П. Текст законопроекта №550294-7 «О реновации жилищного фонда в Российской Федерации» // Государственная Дума. – 19.09.2018. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/550294-7> (дата посещения: 31.03.2026).

⁴ Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. Текст законопроекта 689840-7 «О реновации жилищного фонда в Российской Федерации» // Государственная Дума. – 16.04.2019. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/689840-7> (дата посещения: 31.03.2026)

документацией, а сам закон о КРТ¹ ликвидировал все предыдущие институты городского развития.

В 2020 году наряду с уже устоявшейся целью по расселению аварийного жилищного фонда в новых национальных целях развития была обозначена необходимость обеспечить ежегодный ввод 120 млн кв. м жилья до 2030 года². К осени 2022 г. в новой стратегии развития строительной отрасли и ЖКХ к тому же 2030 г. было предусмотрено принятие 1000 решений о КРТ (500 из них – к 2024 г.) и «приоритетность» применения механизма КРТ³. В результате этого, институт КРТ стал объектом усиленной законотворческой работы, направленной на совершенствование механизмов, ускорение процедур согласования (в том числе через дальнейшие ограничения на гражданское участие) и расширение источников финансирования. Так, в 2021 году был запущен механизм инфраструктурных облигаций, область применения которого затем была несколько раз расширена Правительством РФ⁴. Федеральный закон № 276-ФЗ от 24.06.2023 определил механизм судебного выселения «последнего жильца»⁵. Федеральным законом №58-ФЗ от 14.03.2022, направ-

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий». – 30.12.2020. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300039> (дата посещения: 31.03.2026).

² Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – 21.07.2020. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата посещения: 31.03.2026).

³ Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.10.2022 № 3268-р. – 31.10.2022. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-31102022-n-3268-r/strategiia-razvitiia-stroitelnoi-otrasli-i/> (дата посещения: 31.03.2026).

⁴ Правительство разрешило использовать инфраструктурные облигации в проектах по благоустройству городских и сельских территорий // government.ru. – 07.05.2022. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/45353/> (дата посещения: 31.03.2026); Правительство разрешило использовать инфраструктурные облигации для строительства жилья // government.ru. – 22.08.2022. – Режим доступа: <http://government.ru/news/46338/> (дата посещения: 31.03.2026); Крючкова Е. Облигации под снос // Коммерсантъ. – 2024. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6479723> (дата посещения: 31.03.2026).

⁵ Русинов А. Последний не жилец... // Строительная газета. – Вып. 27. – 2023. – Режим доступа: <https://stroygaz.ru/publication/regulation/posledniy-ne>

ленным на поддержку строительной отрасли в период кризиса, региональным властям было дано право отменять публичные и общественные слушания в рамках внесения изменений в генеральные планы и правила землепользования и застройки и проводить их в заочном формате¹. Этот инструмент позволил сократить пространство для участия граждан в разработке решений о КРТ с целью сокращения строительно-инвестиционного цикла и нагрузки на застройщиков в условиях международных ограничений, высокой ключевой ставки и отмены льготной ипотеки. В городах федерального значения с июня 2025 года градостроительные документы приводятся в соответствие нормам КРТ без проведения публичных слушаний или общественных обсуждений². С другой стороны, в 2025 и 2026 годах федеральный законодатель ужесточил требования к договорам КРТ в части закрепления обязательств по строительству объектов социальной инфраструктуры³. С 1 марта 2025 года в зону КРТ разрешили включать частные дома⁴.

Механизм КРТ оказался гораздо успешнее своих предшественников, кратно обогнав их по масштабам применения и заинтересованности со стороны застройщиков⁵. Нельзя сказать, что он

zhilets-upryamye-sobstvenniki-bolshe-ne-smogut-prepyatstvovat-proektam-krt/ (дата посещения: 31.03.2026).

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.03.2022 № 58-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – 14.03.2022. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140007> (дата посещения: 31.03.2026).

² Стенина Н., Коневский А. Опубликован закон о совершенствовании КРТ... // Пепеляев Групп. – 2025. – Режим доступа: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/real-estate-must-read/real-estate-must-read-07-07-25/> (дата посещения: 31.03.2026).

³ ЕРЗ-тренды: законодательству о КРТ не хватает нормативов обеспеченности объектами социальной инфраструктуры // ЕРЗ.РФ. – 23.01.2025. – Режим доступа: <https://erzrf.ru/news/yerz-trendy-zakonodatelstvu-o-krt-nedostayet-normativov-obespechennosti-obyektami-sotsialnoy-infrastruktury> (дата посещения: 31.03.2026).

⁴ Шевченко. КРТ: итоги первых пяти лет и развитие программы // Движение.ру. – 30.10.2025. – Режим доступа: <https://dvizhenie.ru/media/4874/pervaya-pyatiletka-krt-itogi-i-perspektivy> (дата посещения: 31.03.2026).

⁵ В Минстрое России подвели итоги комплексного развития территорий за 3 года // Минстрой России. – 24.04.2024. – Режим доступа: <https://minstroyrf.gov.ru/press/v-minstroe-rossii-podveli-itogi-kompleksnogo-razvitiya-territoriy-za-3-goda/> (дата посещения: 31.03.2026); Торба А. Работа над инструментом: продолжается совершенствование механизма КРТ // Строительная газета. – 27.03.2026. – Режим доступа: <https://stroygaz.ru/publication/regulation/rabota-nad->

разрешил все проблемы, с которыми встречались его институциональные предшественники: отсутствие обязательного экономического обоснования проектов КРТ и, как следствие, неопределенность выгод застройщиков и низкая экономическая эффективность, большие расходы застройщиков на начальном этапе проектов, отсутствие конкретных нормативов обеспеченности социальной инфраструктурой, сложности с переносом сроков проектов и их координации с планами ресурсных монополий, риски невыполнения обязательств органами власти назывались среди проблем нового правового режима¹ [Кирсанов, 2025]. Относительная привлекательность механизма КРТ для застройщиков была достигнута за счет ограничений прав собственности граждан. Именно облегчение механизма изъятия жилья из собственности, наряду с ограничением публичных слушаний и упрощением бюрократических процедур, изменило соотношение выгод и рисков для застройщиков.

Институциональный анализ развития механизмов обновления городских территорий

Относительный успех механизма КРТ и провал его предшественников нельзя объяснить в терминах рационального улучшения дизайна государственной политики (policy design). Наоборот, невозможность акторов, принимающих решения, предвидеть последствия своих действий (ограниченная рациональность) подрывали эффективность разрабатываемых ими механизмов. Было бы ошибкой свести развитие такого сложного механизма к доминированию рентных интересов тех или иных групп элит. Наблюдаемый результат развития институтов обновления городской среды стал следствием изменяющихся внешних условий и структуры рынка,

instrumentom-prodolzhaetsya-sovershenstvovanie-mekhanizma-krt/ (дата посещения: 31.03.2026).

¹ Косарева Н. Б. Факторы успеха проектов КРТ жилой застройки // Фонд «Институт экономики города». – 2023; Комплексное развитие территорий: итоги, проблемы, перспективы // ЕРЗ.РФ. – 22.08.2024. – Режим доступа: <https://erzrf.ru/publikacii/tekhnologii-kontrolya-kak-intellektualnyye-resheniya-trassirovaniya-pravila-igry-dlya-umnykh-domov> (дата посещения: 31.03.2026). ЕРЗ-тренды: законодательству о КРТ не хватает нормативов обеспеченности объектами социальной инфраструктуры // ЕРЗ.РФ. – 23.01.2025. – Режим доступа: <https://erzrf.ru/news/yerz-trendy-zakonodatelstvu-o-krt-nedostayet-normativov-obespechennosti-obyektami-sotsialnoy-infrastruktury> (дата посещения: 31.03.2026).

политической борьбы в рамках доступной акторам структуры возможностей и исторически контингентных цепочек событий.

Институциональный дизайн механизма КРТ сложился в результате исторического процесса, в котором предыдущие институциональные решения, идеи экспертов и структурные возможности акторов сочетались с влиянием кризисов и политических стимулов. Институты КОТ и РЗТ с самого начала не обладали большой привлекательностью для девелоперов. Серьезные изменения в этом отношении стали возможны только благодаря комбинации факторов, породившей программу московской реновации, и дальнейшему трансферу этого опыта на общегосударственный уровень. В табл. представлены вехи этого процесса в виде основных институциональных элементов, которые в итоге составили часть механизма КРТ.

Таблица

Историческая преемственность институтов городского развития и территориального обновления в России

Институт	Год	Элементы, составляющие часть института КРТ
Комплексное освоение территорий (КОТ)	1990-е гг. 2004 г., 2007 г.	Идея комплексного развития, необходимость обеспечения новых кварталов социальной инфраструктурой Аукционы на земельные участки
Развитие застроенных территорий (РЗТ)	2006 г.	Редевелопмент застроенных территорий Возможность включения в программу не только аварийного жилья
Комплексное и устойчивое развитие территорий (КУРТ)	2016 г.	Понятие КРТ Институты «КРТ по инициативе правообладателей» и «КРТ по инициативе органа местного самоуправления»
Реновация в Москве	2017 г.	Принудительное переселение жильцов МКД Согласие 2/3 собственников для включения в программу

В рамках выработки данных институциональных решений в первую очередь сталкивались интересы застройщиков, органов власти различных уровней и граждан. У большинства акторов, включая застройщиков и региональные власти, отсутствовали ресурсы для радикального изменения правил игры: развитие институтов обновления городской среды соответствовало механизму наложения (layering) и в основном представляло собой *донастройку* ранее созданных механизмов. Такая *донастройка* занимала много времени, а более серьезные изменения становились результатом ожесточенной политической борьбы, влияния внешних кризисов и меняющихся политических приоритетов федеральных властей.

Для федеральных и региональных властей важной целью в рамках институтов городского развития стало выполнение показателей национальных проектов. Региональные и муниципальные власти были озабочены вопросами обеспечения новых кварталов социальной инфраструктурой, минимизацией бюджетных затрат и пополнением бюджета за счет проведения аукционов. Не следует сбрасывать со счетов и нормативную цель улучшения городской среды.

В свою очередь, застройщики не были гомогенной группой: их отношение к обсуждаемым институтам во многом зависело от их ресурсов и стратегий развития. Проекты КРТ, как и их предшественники, в первую очередь доступны для крупных девелоперов, обладающих необходимыми ресурсами. Механизм КРТ стал для таких игроков не только способом получить выгодные участки под застройку без лишних обременений (Интервью с представителем девелопера, Екатеринбург, 29.07.2025), но и создал общепонятные правила игры (Интервью с представителем девелопера, Новосибирск, 02.09.2025; Интервью с представителем девелопера, Екатеринбург, 16.07.2025). Последнее соображение представляется особенно важным в свете выхода крупных девелоперов на новые региональные рынки – стратегии, ставшей особенно актуальной в связи с отменой льготной ипотеки и последствиями событий 2022 года¹.

Важно отметить, что такие застройщики обладают разнообразными возможностями для точечного влияния на содержание института КРТ через большое количество институциональных каналов: многочисленные рабочие группы (например, в Совете Федерации), активность ассоциации НОСТРОЙ (глава которой участвовал в заседаниях Президиума Государственного Совета), профессиональные форумы (например, «Движение» – одно из крупнейших мероприятий, в ходе которого ежегодно встречаются все важнейшие игроки отрасли) и конференции.

Структурные возможности граждан по влиянию на федеральную политику оказались особенно ограниченными. В условиях, когда каждый проект КРТ является ареной политической борьбы, попытка вывести свой конкретный дом из проекта может выглядеть более обещающей стратегией, чем вовлечение в кампанию по изменению законодательства. Граждане также не являются

¹ Трубилина М. Эксперты объяснили, зачем застройщики идут в «чужие» регионы // Российская газета. – 01.08.2025. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/08/01/eksperty-objasnili-zachem-zastrojshchiki-idut-v-chuzhie-regiony.html> (дата посещения: 31.03.2026).

гомогенной группой: так, Анна Желнина показала на примере московской реновации, как отношение граждан к переселению связано с их жизненными стратегиями и интерпретацией права на жилище [Zhelnina, 2022]. Представляется, что эта неоднородность граждан по отношению к программам редевелопмента позволила властям в конечном итоге добиться достаточного уровня поддержки данных инициатив.

В то же время программа московской реновации стала случаем, когда недовольство граждан привело к значительным уступкам со стороны властей, которые затем были перенесены и в механизм КРТ. Другим заслуживающим внимания случаем стало опосредованное влияние через Законодательное собрание Санкт-Петербурга. В 2022 году протесты граждан против реализации КРТ в Санкт-Петербурге привели к приостановке действия уже подписанного губернатором закона¹, после чего «заморозка» программы продлевалась еще два раза². После двух неудачных попыток внести изменения в федеральный закон о КРТ, Законодательному собранию Санкт-Петербурга удалось пролоббировать исключение для городов федерального значения, позволившее им переселять граждан, чьи дома попадают под программу реновации, в границах муниципалитета³. Это не первый раз, когда региональный парламент предпринимал попытку добиться изменений в федеральном законодательстве о механизмах городского развития, становясь проводником местных интересов⁴.

Важную роль в становлении института КРТ сыграла и более широкая институциональная структура. В частности, одним из основных акторов в этой сфере стал единый институт развития в жи-

¹ Дилимбетов О. Закон «Выйди вон» // Коммерсантъ. – 29.09.2022. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5581283> (дата посещения: 31.03.2026).

² В ЗакСе Петербурга согласились с «заморозкой» закона о КРТ еще на год // Коммерсантъ. – 22.11.2023. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6351820> (дата посещения: 31.03.2026); Ярмула Н. Закон о КРТ в Петербурге вновь будет приостановлен сроком на год // Коммерсантъ. – 30.10.2024. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7267133> (дата посещения: 31.03.2026).

³ Вэлл В. Городам федерального значения упростили реализацию КРТ // Правда о СРО. – 30.06.2025. – Режим доступа: <https://pravdaosro.ru/sro/law/gorodam-federalnogo-znacheniya-upros/> (дата посещения: 31.03.2026).

⁴ Розбот В. Воронежские застройщики ждут возможности выкупать сараи и гаражи // Коммерсантъ. – 31.07.2014. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2536416> (дата посещения: 31.03.2026).

лищной сфере ПАО «ДОМ.РФ». Корпорация играет роль федерального оператора КРТ и организатора торгов на участки, находящиеся в федеральной собственности, а также является важным носителем экспертизы и администрирует механизмы финансирования проектов КРТ, такие как инфраструктурные облигации. ДОМ.РФ представляет собой воплощение стратегии создания специализированных институтов, часто используемой российскими федеральными властями с целью обойти ограничения неэффективных и слабо подотчетных региональных и муниципальных правительств [Khmelnitskaya, 2017]. В финансирование расселения аварийного жилья вовлечен Фонд развития территорий – правопреемник Фонда содействия реформированию ЖКХ, созданного, «чтобы примирить интересы региональных и местных органов власти и частных подрядчиков для обеспечения реализации политических целей, поставленных федеральными властями» [Khmelnitskaya, 2017, p. 322].

В ходе имплементации механизмов КРТ возникло множество многозначных интерпретаций, которое стало основанием для активного участия судов. Так, Верховный суд, пересматривая решения нижестоящих судов, постановил, что договор о КРТ является нормативно-правовым актом, а эксперты отмечали, что «судебная практика складывается так, что в некоторых регионах застройщиков по уже построенным объектам дополнительно нагружают обязательствами по строительству социальных объектов <...> поскольку четкого понимания того, что считать обеспеченностью социальными объектами, нет»¹. Такая многозначность не столько стала источником институциональных изменений [Mahoney, Thelen, 2010], сколько создала дополнительную неопределенность и подорвала эффективность институтов.

Таким образом, можно утверждать, что относительный успех механизма КРТ стал результатом не рационального институционального дизайна, а сложной эволюции, направляемой историческими прецедентами, внешними шоками и политической борьбой. Институциональная архитектура КРТ формировалась путем «наслоения» и адаптации предыдущих механизмов (КОТ, РЗТ), отражая неравные структурные возможности ключевых акторов. Если

¹ ЕРЗ-тренды: законодательству о КРТ недостает нормативов обеспеченности объектами социальной инфраструктуры // ЕРЗ.РФ. – 23.01.2025. – Режим доступа: <https://erzrf.ru/news/yerz-trendy-zakonodatelstvu-o-krt-nedostayet-normativov-obespechennosti-obyektami-sotsialnoy-infrastruktury> (дата посещения: 31.03.2026).

крупные девелоперы смогли использовать многообразные каналы лоббирования для формирования предсказуемых и выгодных правил игры, то граждане влияли на процесс преимущественно реактивно, добиваясь значимых уступок лишь в ситуациях масштабного протеста (кейсы Москвы и Санкт-Петербурга). Для реализации своих целей федеральный центр был вынужден опереться на специализированные институты развития (такие как ДОМ.РФ), компенсируя тем самым недостатки муниципального управления. Тем не менее, несмотря на создание работоспособного механизма, КРТ остается зоной нестабильности: множественность правовых трактовок и противоречивая судебная практика, особенно в вопросах социальной инфраструктуры, продолжают генерировать неопределенность, ограничивая эффективность программы и создавая новые риски для всех ее участников.

Заключение

Возвращаясь к исходным теоретическим позициям, мы утверждаем, что современный институт КРТ не является продуктом рационального проектирования «с чистого листа». Он представляет собой результат длительной эволюции, в ходе которой происходило наложение (layering) предыдущих практик – КОТ, РЗТ, КУРТ, московской реновации. Каждый из этих механизмов не был полностью отменен последующим; скорее, они были частично вытеснены, частично интегрированы. По сути, происходит своеобразное научение включенных в процесс институционального развития акторов выстраиванию наиболее приемлемых правил игры, которые позволяют в конечном счете достичь заявленных федеральными властями целей.

Центральным измерением этого процесса стал конфликт интересов между тремя группами акторов: властями (прежде всего, федеральными и региональными, но иногда и городскими), крупным девелоперским бизнесом и собственниками жилья. Наш анализ показывает, что институциональный дизайн КРТ выстроен так, чтобы радикально асимметрично распределить возможности влияния на правила. Бизнес получил предсказуемый конвейер изъятия и освоения территорий. Власти – инструмент достижения национальных целей по вводу жилья, не требующий радикального повышения бюджетных расходов. Граждане же оказались в позиции реактивного актора: их участие, местами успешное, последова-

тельно ограничивалось через отмену очных публичных слушаний и неопределенность судебной практики. Экономические кризисы, с которыми российская строительная отрасль столкнулась начиная с 2020 года, стали катализатором дальнейшего упрощения процедур КРТ.

Таким образом, КРТ – это институт, который удачно решил операционные проблемы своих предшественников (финансирование инфраструктуры, блокировка отдельными собственниками). Его относительная стабильность держится, прежде всего, на коалиции властей и застройщиков при неспособности потенциальных проигравших к коллективной мобилизации. Будет ли такой институциональный дизайн устойчивым в долгосрочной перспективе зависит не только от совершенства правовых норм, но и от того, сможет ли система абсорбировать возможное социальное недовольство, которое потребует очередного витка наслоения – или, напротив, радикальной институциональной пересборки.

D.A. Stremoukhov, P.Ye. Chernikov, A.V. Starodubtsev*
Dynamics of the urban redevelopment policy in Russia (2000s–2020s):
factors of institutional stability and change¹

Abstract. Over the past two decades, Russian urban renewal policy has evolved from fragmented and weakly demanded initiatives – such as Integrated Territorial Development (Kompleksnoe Osvoenie Territorii, KOT) and Development of Built-Up Areas (Razvitie Zastroennykh Territorii, RZT) – toward the formation of a large-scale nationwide mechanism of Integrated Territorial Development (Kompleksnoe Razvitie Territorii, KRT). This article aims to explain the logic behind the transformation of the early programs and to identify the factors that shaped the specificity and relative success of the KRT mechanism. The theoretical framework of the study draws on historical institutionalism, the idea of the redistributive nature of institutions, and the concept of institutional layering, complemented by an analysis of actors' structural opportunities. The empirical basis of the work includes an analysis of legal and regulatory acts, secondary data, and a series of semi-structured interviews with experts and representatives of development companies.

* **Stremoukhov Denis**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: dstremoukhov@hse.ru; **Chernikov Pavel**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: pchernikov@leontief.ru; **Starodubtsev Andrey**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: astarodubtsev@leontief.ru

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 25-28-01041, <https://rscf.ru/project/25-28-01041/>

The research shows that the KRT mechanism emerged not as a result of rational design, but through a long-term evolution, institutional layering, the impact of external shocks (including the experience of the Moscow renovation program), and political struggle. It is established that the specificity of the mechanism is shaped by a profound asymmetry in the political and resource capabilities of actors. On the one hand, large developers managed to lobby for universal and favorable rules of the game at the federal level. On the other hand, the federal center ensured the implementation of its objectives through specialized development institutions (such as DOM.RF), bypassing ineffective local authorities. At the same time, citizens' influence is largely limited to reactive resistance. The conclusion emphasizes that, despite its scale, the KRT has not become a definitively stable mechanism, the multiplicity of legal interpretations and contradictory judicial practice continue to generate uncertainty, limiting the initial effectiveness of this institution.

Keywords: urban redevelopment policy; Integrated Territorial Development; historical institutionalism; institutional layering; policy change; opportunity structures.

For citation: Stremoukhov D.A., Chernikov P.Ye., Starodubtsev A.V. Dynamics of the urban redevelopment policy in Russia (2000s–2020s): factors of institutional stability and change. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 206–233. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.10>

References

- Béland D., Campbell A.L., Weaver R.K. *Policy feedback: How policies shape politics. Elements in public policy*. Cambridge: Cambridge university press, 2022, 102 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108938914>
- Bengtsson B., Ruonavaara H. Introduction to the special issue: Path dependence in housing. *Housing, theory and society*. 2010, Vol. 27, N 3, P. 193–203. DOI: <https://doi.org/10.1080/14036090903326411>
- Bengtsson B., Kohl S. Incremental change in housing regimes: some theoretical propositions with empirical illustrations. *Critical housing analysis*. 2020, Vol. 7, N 1, P. 15–24.
- Borushkina S., Gorodnichev A. From genplan to master plan: the changing urban planning paradigm in Russia. *Territory, politics, governance*. 2025, Vol. 13, N 4, P. 468–487. DOI: <https://doi.org/10.1080/21622671.2023.2215817>
- Cherkashina T.Yu. Personal, private, privatized: what does the property owned by Russians mean? *EKO*. 2023, N 11 (593), P. 110–130. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-11-110-130> (In Russ.)
- Chmykhalo E.Yu. Integrated territorial development: legal aspects. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2021, N 2, P. 57–65. (In Russ.)
- Cullingworth J.B. *Housing and local government: in England and Wales*. London: Routledge, 2021, 276 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003132912>
- Daly M., Ferragina E. Family policy in high-income countries: Five decades of development. *Journal of European social policy*. 2018, Vol. 28, N 3, P. 255–270. DOI: <https://doi.org/10.1177/0958928717735060>
- Drueva A.A. Integrated territorial development: legal conditions of implementation. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 2022, N 12 (100), P. 82–90. (In Russ.)

- Emmenegger P. Agency in historical institutionalism: Coalitional work in the creation, maintenance, and change of institutions. *Theory and society*. 2021, Vol. 50, N 4, P. 607–626.
- Erbyagina M.V. Regulatory and legal framework for integrated urban development. *Arkhitektura i dizain*. 2021, N 2, P. 29–38. (In Russ.)
- Falleti T. Infiltrating the state: the evolution of health care reforms in Brazil, 1964–1988. In: Mahoney J., Thelen K. (eds). *Explaining institutional change: ambiguity, agency, and power*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, P. 38–72. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511806414.004>
- Falleti T.G., Mahoney J. The comparative sequential method. In: Mahoney J., Thelen K. (eds). *Advances in comparative-historical analysis*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, P. 211–239. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316273104.009>
- Gel'man V. Political foundations of bad governance in post-Soviet Eurasia: towards a research agenda. *East European politics*. 2017, Vol. 33, N 4, P. 496–516.
- Jacobs A. Policymaking as political constraint. In: Mahoney J., Thelen K. (eds). *Explaining institutional change: Ambiguity, agency, and power*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, P. 94–131.
- Kan K. Creating land markets for rural revitalization: Land transfer, property rights and gentrification in China. *Journal of rural studies*. 2021, Vol. 81, P. 68–77.
- Khmelnitskaya M. *The policy-making process and social learning in Russia: the case of housing policy*. New York; Oxford: Palgrave Macmillan in association with St Antony's College, 2015, Vol. 15, 279 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137409744>
- Khmelnitskaya M. Tools of government for Russian development: the case of housing. *Russian politics*. 2017, Vol. 2, N 3, P. 307–333.
- Khmelnitskaya M., Ihalainen E. Urban governance in Russia: The case of Moscow territorial development and housing renovation. *Europe-Asia studies*. 2021, Vol. 73, N 6, P. 1149–1175.
- Kirsanov A.R. Integrated territorial development: how can the new institution avoid the fate of the “old” ones (KOT, RZT, KRT and KURT)? *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. 2024, N 2 (269), P. 27–35. (In Russ.)
- Kirsanov A.R. Integrated territorial development: results, problems, and prospects. *Property relations in the Russian Federation*. 2025, N 4 (283), P. 9–16. (In Russ.)
- Kuz'ma I.E. Integrated and sustainable territorial development: A new investment driver or an administrative barrier? *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii*. 2016, N 12 (183), P. 53–61. (In Russ.)
- Mahoney J., Thelen K. A theory of gradual institutional change. In: Mahoney J., Thelen K. (eds). *Explaining institutional change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, P. 1–37.
- Schattschneider E.E. *Politics, pressures and the tariff: a study of free private enterprise in pressure politics, as shown in the 1929–1930 revision of the tariff*. New York: Prentice-Hall, 1935, 300 p.
- Schattschneider E.E. Party government and employment policy. *American political science review*. 1945, Vol. 39, N 6, P. 1147–1157.
- Semenov A.V., Shevtsova I.K., Bederson V.D. Urban mobilization and urban development policy: strategic interaction between local residents and developers in a conflict situation. *The Journal of sociology and social anthropology*. 2018, Vol. 21, N 3, P. 140–169. (In Russ.)

- Shevtsova I.K., Bederson V.D. "The Authorities' point of view is silence": interaction between initiative groups and local authorities in urban planning policy. *Political science (RU)*. 2017, N 4, P. 111–136. (In Russ.)
- Sternik S.G. Integrated territorial development and regional economy. *Studies on Russian economic development*. 2023, Vol. 34, N 2, P. 161–173. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700723020112> (In Russ.)
- Streeck W., Thelen K. (eds). *Beyond continuity: institutional change in advanced political economies*. Oxford: Oxford university press, 2005, 290 p.
- Thelen K. *How institutions evolve: the political economy of skills in Germany, Britain, the United States, and Japan*. Cambridge: Cambridge university press, 2004, 333 p.
- Zheltnina A. Bring your own politics: life strategies and mobilization in response to urban redevelopment. *Sociology*. 2022, Vol. 56, N 4, P. 783–799. DOI: <https://doi.org/10.1177/00380385211059438>
- Zheltnina A. *Private life, public action: how housing politics mobilized citizens in Moscow*. Philadelphia: Temple university press, 2026, 228 p. DOI: <https://doi.org/10.9783/9781439926154>
- Zupan D., Smirnova V., Zadorian A. Governing through stolichnaya praktika: housing renovation from Moscow to the Regions. *Geoforum*. 2021, Vol. 120, P. 155–164. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2021.01.008>

Литература на русском языке

- Друева А.А. Комплексное развитие территории: правовые условия обеспечения // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 12 (100). – С. 82–90. – DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.100.12.082-090>.
- Ербягина М.В. Нормативно-правовое регулирование в вопросе комплексного развития городских территорий // Архитектура и дизайн. – 2021. – № 2. – С. 29–38.
- Курсанов А.Р. Комплексное развитие территорий: итоги, проблемы, перспективы // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 4 (283). – С. 9–16.
- Курсанов А.Р. Комплексное развитие территорий: как новому институту избежать судьбы «старых» (КОТ, РЗТ, КРТ и КУРТ)? // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 2 (269). – С. 27–35.
- Кузьма И.Е. Комплексное и устойчивое развитие территории – новый инвестиционный драйвер или административный барьер? // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 12 (183). – С. 53–61.
- Семенов А.В., Шевцова И.К., Бедерсон В.Д.* Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – Т. 21, № 3. – С. 140–169.
- Стерник С.Г. Комплексное развитие территорий и экономика регионов // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 2. – С. 57–75. – DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-57-75>.

* Признан иностранным агентом.

Черкашина Т.Ю. Личная, частная, приватная – что значит для россиян собственность, которой они владеют? // ЭКО. – 2023. – № 11 (593). – С. 110–130. – DOI: <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2023-11-110-130>.

Чмыхало Е.Ю. Комплексное развитие территорий: правовые аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 2. – С. 57–65. – DOI: <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-2-57-65>.

*Шевцова И.К., Бедерсон В.Д.** «У власти точка зрения – молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Политическая наука. – 2017. – № 4. – С. 111–136.

* Признан иностранным агентом.

Н.А. ЗАРИПОВ*

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА
ПАРЛАМЕНТСКИХ КОМИТЕТОВ В СТРАНАХ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹**

Аннотация. В статье рассматриваются институциональные свойства работы комитетов в законодательных органах постсоветских государств на современном этапе. Исходя из тезиса о том, что парламентские комитеты – уникальные организации, в которых политика пересекается с экспертизой, автор сопоставляет их роль в законотворчестве стран с разной политической судьбой, но общим институциональным прошлым. В качестве эмпирической базы используются актуальные нормы регламентов и законов, регулирующих деятельность парламентских комитетов в 13 странах.

Анализ свойств работы комитетов проведен по трем блокам показателей: организационные свойства и механизмы взаимодействия с другими структурами палаты; свойства работы на этапе чтений; полномочия в сфере взаимоотношений с исполнительной властью и внешними акторами. Сравнение показало, что базовый функционал в виде экспертизы законопроектов и докладов на пленарном заседании идентичен, а ключевые различия сосредоточены в вопросах подотчетности руководящим органам палаты, участия в коллегиальных управленческих структурах и регламентированности сроков рассмотрения инициатив. Примечательно, что эти различия не определяются количеством работающих комитетов.

* **Зарипов Никита Андреевич**, аспирант, преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ассоциированный исследователь лаборатории парламентских и законотворческих исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: zaripovnikita139@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10163 «Трансформация роли исполнительной власти в законотворческом процессе: сравнительное исследование постсоветских государств» (URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10163/>) в Финансовом университете при Правительстве РФ.

© Зарипов Н.А., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.11

Текущие конфигурации полномочий, сосредоточенных у парламентских комитетов постсоветских стран, показывают, что такие комитеты функционируют не как самостоятельные политические субъекты, а как площадки для согласования интересов иных акторов, а в некоторых случаях – как объект борьбы за контроль над формальными рычагами влияния в законотворчестве. Обнаруженный статус структуры значительно отличается от статуса комитетов в европейских странах, где комитеты имеют широкий разброс полномочий между странами и нередко выступают самостоятельными игроками в законодательном процессе.

Полученные результаты дополняют существующую дискуссию об институциональных особенностях постсоветских политических систем. Можно сделать вывод о том, что представления о работе парламентских органов, заложенные еще на этапе институциональной трансплантации 35 лет назад, могут по-прежнему сохраняться в регламентных правилах игры и определять свойства процесса принятия решений.

Ключевые слова: законотворческий процесс; парламентские комитеты; парламентская процедура; постсоветское пространство; парламент; политические институты.

Для цитирования: Зарипов Н.А. Институциональные свойства работы парламентских комитетов в странах постсоветское пространство // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 234–256. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.11>

С момента начала конституционного строительства в постсоветских государствах прошло свыше 30 лет. За этот период некоторые страны определили оптимальные конфигурации того, как принимаются решения и как организовано политическое представительство, в то время как другие республики еще продолжают их искать. Существующие различия в партийных системах и формах правления постсоветских стран являются результатом небольшого по времени периода самостоятельного развития, наполненного политическими расколами и дебатами о переосмыслении советского прошлого и формировании образов будущего. Институциональные изменения в регионе стали объектом исследований – авторы уделяют особое внимание вопросам государственной устойчивости и эффективности [Мельвил, 2020], специфике формирования и функционирования современных конституционных дизайнов [Медушевский, 2018] и связанных с ними форм правления [Зазнаев, 2024].

В настоящий момент постсоветское пространство в политической науке определяется преимущественно как совокупность стран с общим историческим опытом, которые примерно в одно время перешли к самостоятельному нациестроительству [Макаренко, 2019]. По мере накопления опыта независимого развития в этих странах сформировалась отдельная научная дискуссия, в рам-

ках которой изучается влияние советского наследия на конфигурацию сложившихся систем принятия решений. Изначально обращенные на поиск факторов успешности демократического транзита и устойчивости режимов, сегодня главными вопросами подобных исследований выступают качество управления и прогнозирование социальных изменений [Борисов, 2023]. И если ученым удалось определить траектории политического развития постсоветских государств и подобрать инструменты для их сравнения, то правила игры внутри отдельных институтов в подобной перспективе рассматриваются редко. Однако именно последние отражают особенности, по которым протекают политические процессы.

Отдельного внимания при рассмотрении особенностей правил игры постсоветских институтов требует парламент. Трансплантация законодательных органов, понимаемое как «перенос политических институтов из одних политических, культурных и временных контекстов в другие» [Мелешкина, 2012, с. 188] в республиках бывшего СССР началась в первые годы обретения независимости и осуществлялась путем оформления похожего набора внутренних структур – комитетов, парламентских групп, руководящих органов, аппарата и др. [Помигуев, 2023]. С точки зрения теории организаций, мировой опыт парламентской работы потребовал от новых государств создания легитимных структур, которые занимаются реализацией определенных принятых в развитых политических системах церемоний [Мейер, Роуэн, 2011]. Специфика контекста, в который были погружены созданные по образцу европейских легислатур формальные структуры, привела к изменению норм регламента – приобретению новых полномочий и, как следствие, фактического статуса в законотворчестве.

С одной стороны, на оформление легислатур в странах оказало влияние институциональное наследие в виде решений, принятых в Верховных Советах Республик и на Съездах народных депутатов [Берлов, Помигуев, 2025]. Практики, общепринятые в советской системе, впоследствии могли быть формализованы в виде полномочий парламентских организаций и дополнены их отдельными функциями. С другой стороны, описанное Е.Ю. Мелешкиной разнообразие путей развития государств могло привести к перестройке правил игры внутри их законодательных органов [Мелешкина, 2012]. Политический состав палаты, смена правящей партии, конституционный дизайн, представления депутатов о демократии и т.д. – все эти переменные могли сформировать особенности за-

конотворческого процесса, в том числе роли задействованных в нем внутренних структур.

Таковы были условия, в которых происходило политическое и бюрократическое становление парламентаризма в постсоветских государствах. Сегодня, по результатам накопленного опыта работы созывов, представляется возможным определить траектории, по которым произошла трансплантация парламента в странах с разной судьбой государственного строительства, но общим прошлым.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть результаты трансплантации на примере сравнения формальных характеристик работы одной из ключевых организаций внутри парламента – комитетов. В первой части статьи рассматриваются политические аспекты устройства и деятельности комитетов в законотворческом процессе. На их основании определяются блоки для сравнительного анализа комитетов, который проводится во второй части статьи с опорой на тексты действующих регламентов и законов о парламентской процедуре в легислатурах 13 постсоветских стран. Сопоставление статусов организаций позволяет выявить, в какой мере в результате самостоятельного развития стран с общим институциональным прошлым расходятся практики использования схожих по замыслу формальных институтов в законодательном процессе.

Политические аспекты устройства и деятельности комитетов в законотворческом процессе

Законотворчество – процесс, в ходе которого политические интересы сначала оформляются в законодательные инициативы, а затем проходят стадии согласования, обсуждения и голосования, чтобы впоследствии обрести форму закона. Весь процесс следует определенным формально закрепленным стадиям, обеспечивающим бесперебойную работу «машин законотворчества». Подобные правила могут значительно отличаться между странами – в некоторых случаях бюрократия определяет политический процесс сильнее, чем партийный состав палаты. Например, могут различаться вето-полномочия – способность участников законотворчества с помощью действий или бездействия затруднить прохождение законопроекта, но не наложить на него юридическое вето. Число вето-акторов и их конфигурация в законодательных органах определено нормативно, обычно – в регламентах работы законода-

тельных органов. Но сам факт существования структур, влияющих на судьбу инициатив за пределами их обсуждения на пленарных заседаниях, демонстрирует потенциал политического использования парламентских процедур.

Комитеты в данной дискуссии заслуживают особого внимания как *место пересечения политики и экспертизы, взглядов на государственное регулирование, основанное на политических и профессиональных представлениях*. П. Лоунди с опорой на европейские наблюдения отметил, что «деятельность всех парламентов в большей или меньше степени сосредоточена в комитетах» [Mickler, 2022, p. 3]. Работа по созданию инициатив и публичные прения являются главными инструментами политической борьбы за контроль над повесткой дня вне зависимости от конституционного дизайна государства. При этом законопроект является не только формой выражения интересов, но и потенциальным правилом для органов исполнительной власти, бизнеса и общества в целом. Как следствие, значительная доля рабочего времени депутатов проходит за оценкой целесообразности принятия инициатив по направлениям политики в специальных местах – комитетах.

Для осуществления подобной деятельности комитетам необходим минимальный функционал в виде права представления заключений по законопроектам на чтениях. Различия в их реальных полномочиях в разных странах показывают, что комитеты используются не только для выполнения юридической работы, но и в политических целях. Более того, иногда комитеты сами становятся игроками с собственными интересами – участвуют в формировании повестки дня палаты, вырабатывают независимую от фракций позицию и тем самым определяют особенности работы на уровне отношений между депутатами, партиями и даже ветвями власти [Longley, Davidson, 1998]. Например, в Риксдаге Швеции работа комитетов оказывается значимее фракций в законотворчестве – они сами выбирают председателей, имеют право вносить инициативы и снимать их с рассмотрения, вести заседания параллельно пленарным встречам. Напротив, в Палате общин Великобритании председатели назначаются отдельной комиссией, а основной функцией комитетов выступает не разработка инициатив, а оценка проводимой исполнительной властью политики [Mickler, 2022]. Значимость исследуемых структур отмечается и в работе американского парламента: комитеты Конгресса США на практике используют целый набор политических технологий для блокирова-

ния дальнейшего рассмотрения инициативы [Crombez, Groseclose, Krehbiel, 2006].

В законодательных исследованиях объем полномочий комитетов рассматривается в сравнении с другими структурами: фракциями, руководящими структурами парламента, министерствами и неаждоритарными институтами [Помигуев, 2023]. В связи с этим, например, долгое время считалась рабочей гипотеза М. Шоу о том, что в системах с небольшим числом фракций и сильной партийной дисциплиной предпочитают сохранять за комитетами минимальные полномочия, и наоборот [Shaw, 1998]. Кроме того, объем функционала комитетов определяет уровень влияния их руководства на политические процессы, что можно наблюдать на позиции председателей комитетов и их заместителей в сетях сотрудничества (соавторства) [Зарипов, 2025].

Политически значимым может быть даже количество комитетов: как правило, в случае совпадения профилей последних с министерствами наблюдается больший масштаб сотрудничества между ветвями власти по вопросам правоприменения [Longley, Davidson, 1998]. Интересен в рамках предмета исследования и вопрос, связанный с профессионализацией политики. Как было отмечено ранее, ключевой задачей комитетов выступает экспертиза предлагаемых решений по направлениям политики. С точки зрения теории институционального изоморфизма вполне вероятно, что такой запрос к комитетам в условиях высоких темпов социального развития, в том числе цифровизации, может быть выражен в тенденции к оберетению комитетами одинакового функционала по данному профилю [Димаджио, Пауэл, 2010].

Потенциальное разнообразие полномочий, которыми могут обладать комитеты в парламентах, и связанных с ними политических последствий привело к росту интереса к проведению сравнительных исследований. Р. Зубек рассматривает власть комитетов как способность влиять на судьбу инициативы на каждом этапе законотворчества. Для этого формируется теоретико-игровая модель стадий принятия инициативы и оцениваются нормативные границы, в которых комитет фактически может наложить вето на законопроект [Zubek, 2021]. Другую категорию анализа работы комитетов – «автономность» – предлагается оценивать как способность проводить независимую от партий политику: Н. Марторано предложил 11 формальных правил для оценки последней [Martorano, 2002]. Позднее Т. Миклер дополнил данный концепт и на основании 27 показателей регламентных полномочий комитетов сделал вывод

о том, что упомянутая гипотеза М. Шоу не работает в современных парламентских системах Европы [Mickler, 2017].

У большинства существующих исследований есть одно серьезное ограничение – все их внимание обращено на legislatures США и Европы, т.е. системы с устойчивой к политическим изменениям институциональной структурой. Иная ситуация складывается в государствах с более скромным опытом парламентской работы – о функционировании комитетов в таких системах известно сравнительно мало. Представители теории институционализированных организаций отмечают, что эффективность работы формальных институтов зависит от результатов их адаптации к социальным практикам и культурным нормам [Мейер, Роуэн, 2011]. Однако здесь кроется еще одна сложность: если на уровне конституционного дизайна можно определить «идеальные типы» для заимствования в виде форм правления, то в случае комитетов история каждого парламента уникальна.

У большинства существующих исследований есть одно серьезное ограничение – их внимание сосредоточено преимущественно на legislatures США и Европы, т.е. системы с устойчивой к политическим изменениям институциональной структурой. Иная ситуация складывается в государствах с более скромным опытом парламентской работы – о функционировании комитетов в таких системах известно сравнительно мало. В то же время государства при изначальном проектировании институтов, как правило, ориентируются на опыт стран с устойчивыми политическими системами, заимствуя определенные правила игры. Политическая наука предлагает разные типологии для сравнительных исследований конституционного дизайна, например, формы правления или политические режимы. В случае парламентов *per se* конфигурация полномочий в каждом из них уникальна, что затрудняет разработку аналогичного инструментария для сравнений. Тем не менее, с точки зрения теории институционализированных организаций подобное свойство уникальности позволяет рассмотреть схожесть работы парламентских структур в государствах, существовавших прежде в одной политической системе.

В этом контексте трансплантация институтов на постсоветском пространстве и их последующее развитие столкнулись с «правилами игры», сложившимися в системе принятия решений в Верховных Советах и Советах министров Республик. В частности, структура и полномочия Федерального собрания в России создавались с опорой на дискуссию, которая велась еще депутатами

Верховного Совета РСФСР, а до 20% депутатов первого созыва Госдумы составляли члены Верховных Советов РСФСР и СССР [Берлов, Помигуев, 2025]. Более того, влияние советского опыта устройства законодательных органов может сохраняться до сих пор. На этом фоне интересно сравнение входящих в парламент структур с советской системой: И. Помигуев отмечает схожесть устройства Совета Думы как руководящего органа палаты с Президиумом Верховного Совета [Помигуев, 2017]. Н. Саулен определяет значительную роль советского наследия в формировании современного устройства Мажилиса в Казахстане [Саулен, 2023].

Примечательно, что важность выстраивания работы комитетов обсуждалась как часть реформы Верховного Совета СССР в 1980-е: беспартийные депутаты предлагали преобразовать существовавшие 27 комитетов в 7 суперкомитетов, а С. Филатов – увеличить время работы комитетов и преобразовать систему их работы по образцу Бундестага [Chaisty, 1997]. Вскоре после образования полутора десятков новых государств данный вопрос вновь обрел актуальность: бывшие республики стремились найти компромисс между сохранением привычных механизмов разработки законодательства и созданием процедур по европейским образцам. Подобные изменения нашли отражение и в динамике полномочий комитетов в странах Центральной и Восточной Европы, которая по числу поправок в нормы Регламента за период 1990-х годов значительно превосходит аналогичные показатели для парламентов Западной Европы с середины века [Zubek, 2021]. Д. Олсон и Ф. Нортона отмечали «организационный хаос» комитетов в легислатурах региона в рассматриваемый период – регулярно меняется не только их число, но и количество министерств, в связи с чем возникает сложность в создании системных институциональных связей между органами власти [Norton, Olson, 2007].

Таковы были особенности начала строительства института парламента в постсоветских странах и определения в них статуса комитетов. Попытки рассмотреть современную конфигурацию полномочий существуют, но они проходят в разрезе смежных регионов и не ставят своей целью определение общих закономерностей. Так, Т. Миклер проанализировал работу парламентов Эстонии, Латвии и Литвы – по уровню автономии комитетов страны оказались примерно равны [Mickler, 2017]. Вероятно, на фоне разных статусов парламента в политической системе общий институциональный опыт может быть отражен в процедурах, по которым ведется внутренняя работа на современном этапе. С учетом суще-

ствующих исследований, влияние опыта может выражаться в месте комитетов в управлении палатой (формировании повестки дня и участии в коллегиальных органах управления парламентом), юридической силе разрабатываемых заключений, формате и направлениях взаимодействия с непарламентскими акторами.

Методология исследования

В работах отмечается важная роль бюрократической стороны процесса законотворчества в стенах парламента [Помигуев, Зарипов, 2024]. Фактическая власть комитетов определяется формулировками норм Регламента, по которым выстроена процедура рассмотрения законопроектов и полномочий – границы обеих категорий регулируются нормами регламента, их изучение позволяет приблизиться к пониманию фактического устройства системы принятия решений внутри института и их схожести между странами.

В качестве эмпирического материала используются актуальные на 1 апреля 2026 года нормы законодательных актов, регулирующих работу парламентских комитетов стран, возникших в результате распада Советского Союза. В ситуациях двухпалатной законодательной власти рассматривались правила той палаты, которая считается «нижней», то есть первой в процедуре рассмотрения законопроектов. В 6 случаях (Россия, Армения, Молдова и страны Балтии) нормы представлены только во внутреннем Регламенте палаты, в Беларуси, Узбекистане, Киргизии и Туркменистане – в законе о парламенте, в Казахстане и Украине – в отдельном законе о работе комитетов. В Грузии внутренние правила игры регулируются нормами не только регламента, но и Конституции¹. Допущением является их рассмотрение в разрезе действующих редакций: влияние внутривнутриполитических событий на изменение парламентской процедуры учитывается как условие, в котором могут сохраняться общие бюрократические подходы к организации работы комитетов. Юридический статус правил отражает воз-

¹ Были рассмотрены правила законодательных органов Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, России, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Эстонии. Регламенты Азербайджана и Таджикистана не включены в анализ в связи со сложностью получения последних версий регламентных норм – на официальных сайтах легислатур и в базах данных представлены устаревшие версии.

возможности их изменения: формирование функционала комитетов в виде закона может быть более ригидным, чем в регламенте.

Каждый парламент был рассмотрен с точки зрения процедурных и структурных характеристик положения комитета в законодательстве, анализ включает в себя следующие блоки.

1. Организационные свойства внутренней работы и взаимодействия с другими структурами парламента

Порядок формирования состава комитета, избрания его руководства и составления расписания работы отражает степень зависимости структуры от интересов других акторов внутри парламента: фракций, коллективного руководящего органа палаты, фигуры председателя и т.д. [Помигуев, 2023]. Перечисленные правила определяют статус комитета в политических отношениях еще в начале работы созыва: если порядок работы в нем определяют не депутаты, а другие органы, вероятность того, что комитет будет формировать повестку для внутренней работы (в формате дискуссии между членами комитета или председателем единолично) невелика [Mickler, 2022]. Степень самостоятельности комитетов в организации собственной работы находится в центре внимания сравнительного анализа Т. Миклера, однако он нуждается в дополнении концепции «автономности» полномочиями, с помощью которых комитет может влиять на законодательство. Вероятна ситуация, при которой комитеты с большим объемом полномочий, позволяющими влиять на судьбу законопроекта, могут не обладать автономностью и выступать лишь как инструмент политической борьбы между партиями.

В рамках блока будут рассмотрены следующие аспекты: порядок назначения председателей комитетов и численности структур, способность комитетов самостоятельно формировать содержание своих заседаний, членство комитетов в коллегиальном органе палаты.

2. Свойства работы на этапе чтений: сроки разработки заключений и формальный статус последних

Законодательные исследования отмечают политическую значимость контроля за парламентской процедурой – возможность устанавливать сроки рассмотрения инициатив может быть использована для управления повесткой дня и даже наложения фактического вето [Norton, 2001; Помигуев, Алексеев, 2026]. Другая характеристика процедуры – формальные последствия принимаемых решений для судьбы законопроектов в результате, например, отрицательного заключения.

При обсуждении места комитетов в процедуре рассмотрения инициатив важными показателями норм регламента являются: предоставляемый срок экспертизы, формальная способность решения вернуть инициативу автору, возможность выступать с докладом в каждом чтении, а также самостоятельное право законодательной инициативы.

3. Полномочия в сфере взаимоотношений с исполнительной властью и внешними акторами

Комитеты занимают особое место не только внутри парламентской работы, но и во взаимодействии между законодательной ветвью власти и широким спектром непарламентских акторов: от правительства и центральных банков до экспертного сообщества и общественных организаций. Функционал комитетов может включать сбор информации о практике правоприменения, проведение публичных мероприятий для обмена мнениями по дальнейшему развитию направлений политики, а также иных мероприятий, связанных с экспертизой поступаемых решений. Анализ по данному направлению дополняет дискуссию о многомерной борьбе между ветвями власти за контроль над законотворчеством [Помигуев, Алексеев, 2026]. В европейских системах роль комитетов в этой борьбе исследуется, текущая практика постсоветских легислатур рассмотрена слабо.

Объем установленных регламентом полномочий коммуникаций с непарламентскими акторами способен отражать место комитета в законотворчестве, формальную способность руководителей структур влиять на повестку дня и управлять судьбой инициатив за пределами их рассмотрения на пленарных заседаниях. В методологии статьи к числу полномочий блока относятся: направлять запросы и создавать специальные структуры для коммуникации и экспертизы, обязанность получать информацию от других акторов.

Нормы регламентов, а также связанных с деятельностью комитетов положений и законов были взяты с официальных сайтов легислатур или базы данных «Законодательство стран СНГ» и затем соотнесены с тематиками трех описанных блоков. Предполагается, что сравнение комитетов постсоветского пространства по данным показателям позволит определить текущее положение структуры в политических системах.

Парламентский комитет как организация и как институт в законотворческом процессе постсоветских политических систем

В первую очередь, стоит отметить разные подходы к количеству комитетов, во многом определяющем объем ответственности каждого из них: если в Мажилисе Казахстана действуют 7 комитетов, в Молдове – 12, в Латвии – 16, а в России – 32. Кроме того, различаются подходы к определению численных границ их состава: например, количество депутатов не регламентировано в Украине, Молдове, Армении, Туркменистане и Латвии. При этом правило пропорционального представительства фракций в комитетах широко распространено – исключение составляют только Беларусь, Казахстан Туркменистан, где подобное правило не закреплено в регламенте. Примечателен механизм согласования должностей в Грузии и Узбекистане: в странах присутствует квота оппозиции на руководство комитетами. В первом случае ее устанавливает Бюро парламента для каждого созыва, во втором – управление минимум 1 комитетом. В таблице 1 представлено соотношение числа комитетов с численностью палаты. Различия в средней нагрузке на одного депутата могут отразиться на объеме полномочий самих структур. Следует также отметить, что в четырех парламентах – Эстонии, Латвии, Грузии и Узбекистане – комитеты даже обладают правом законодательной инициативы.

Таблица 1

Статистическая информация о количестве комитетов и числе депутатов в постсоветских законодательных органах

Страна	Комитетов	Депутатов	Депутатов на комитет
Россия	32	450	14,1
Украина	23	450	19,6
Латвия	16	100	6,3
Грузия	15	150	10,0
Литва	15	141	9,4
Беларусь	14	110	7,9
Молдова	12	101	8,4
Армения	12	107	8,9
Эстония	11	101	9,2
Узбекистан	11	150	13,6
Кыргызстан	8	90	11,3
Туркменистан	8	125	15,6
Казахстан	7	98	14,0

Согласно нормам парламентских регламентов, минимальный набор функций комитетов – экспертиза и выступление на пленарных заседаниях – во всех случаях идентичен. Функционал комитетов предполагает проведение заседаний для обсуждения заключений по законопроектам и предлагаемым отдельными депутатами поправкам.

В отношении выстраивания общей внутренней работы института отмечается интересная закономерность – в парламентах 11 стран расписание всей палаты утверждается коллективными управленческими органами. В 8 парламентах председатели комитетов входят в эти органы, тем самым обладая возможностью принимать участие в управлении палатой в той же степени, в которой обладают ей руководители фракций. В случае России председатели участвуют в Совете Думы с правом совещательного голоса – подобная конфигурация уникальна для постсоветского пространства. Однако после установления общей повестки в легислатурах стран процедура работы схожая: комитеты ориентируются на устанавливаемый график и утверждают внутреннее расписание. В случаях России и Беларуси график проходит дополнительное согласование с коллегиальной организацией. Возвращаясь к рассмотренному ранее вопросу «автономности» подробно изученному на материале европейских легислатур, право комитетов проводить параллельные пленарным заседаниям мероприятия в постсоветских парламентах упоминается как исключительный случай, который согласуется с коллективным органом (Армения, Беларусь, Грузия, Киргизия). Таким образом, нормы регламентов контролируют самостоятельность комитетов в распоряжении собственным временем и повесткой: формально предусмотренная возможность проводить параллельные заседания является производной от решений коллегиальных органов палаты.

Значимое место в отношениях между комитетами и другими участниками законотворчества занимает вопрос назначения ответственных комитетов и комитетов-соисполнителей. В одних случаях (Казахстан, Туркменистан, Армения, Кыргызстан) данный функционал сосредоточен на фигуре руководителя палаты. В легислатурах России, Беларуси, Грузии, Молдовы, Украины и Узбекистана сформировалась иная модель – вопросы назначения ответственного решаются коллегиальным органом (Советом, Бюро или Кенгашем) с участием председателей комитетов во всех случаях, кроме Верховной рады. «Особый путь» стран Балтии наблюдается и в данном вопросе – распределение законопроектов требует решения

всей палаты по предложению Собрания старост (Литва) или комитетского консенсуса (Латвия).

Разные структуры парламентов могли быть вдохновлены широким спектром факторов, в том числе институциональных, например партийной системой и формой правления. В первом случае нормы регламента и устройство организаций рассматриваются как правила игры, по которым представители политических сил согласны заниматься законотворчеством. Опыт показывает, что в случае абсолютного большинства у фракции правила могут изменяться в сторону приобретения последней институциональных преимуществ [Helms, 2008]. В случае форм правления предполагается, что конституционное устройство определяет форматы борьбы между ветвями власти, в которой парламентские структуры могут занимать важное место [Помигуев, Алексеев, 2026].

В табл. 2 отражены основные показатели политических систем и их сопоставление с актором, ответственным за организацию повестки дня, а также членство в коллективном управляющем органе фигур председателей комитетов.

Таблица 2

**Соотношение членства председателей комитетов
в коллективных органах парламентов постсоветских стран
с показателями политических систем
(по данным, актуальным на 1 апреля 2026 г.).**

Страна	Председатели комитетов в коллегиальном органе	Кто утверждает повестку дня работы палаты	Форма правления	Доля крупнейшей фракции
Эстония	Да	Коллегиальный орган	Парламентская	36,6%
Латвия	Да	Коллегиальный орган	Парламентская	26%
Литва	Да	Коллегиальный орган	Смешанная	36,9%
Молдова	Нет	Коллегиальный орган	Парламентская	54,5%
Армения	Нет	Председатель НС	Парламентская	66,3%
Грузия	Да	Коллегиальный орган	Парламентская	59,3%
Украина	Нет	Председатель ВРУ	Смешанная	56,4%
Кыргызстан	Да	Председатель ЖК	Президентская	21%
Казахстан	Да	Коллегиальный орган	Президентская	63,3%
Узбекистан	Да	Коллегиальный орган	Президентская	35,3%
Россия	Да, но с правом совещательного голоса	Коллегиальный орган	Смешанная	72%
Беларусь	Да	Коллегиальный орган	Президентская	46,4%
Туркменистан	Нет	Председатель Меджлиса	Президентская	52%

Формальное присутствие председателей комитетов в коллективных управляющих органах встречается в основном в парламентах, где крупнейшая фракция не превышает половину состава палаты (исключением является Грузия и Казахстан). Подобное состояние может отражать измерение внутренней борьбы комитетов и фракций за право контроля над повесткой дня – с учетом инерционности норм регламента вероятно, что сложившаяся структура была признана подходящей для взаимодействия политических сил даже не в текущем созыве. При этом сложно сказать, что состав коллективных органов связан с конституционной формой правления – вопрос допуска комитетов к управлению палатой является скорее результатом внутренних договоренностей.

Второй блок анализа, связанный со свойствами работы комитетов на этапе чтений, обусловлен тем, что контроль за временем рассмотрения инициативы может быть использован как возможная технология блокирования или, наоборот, ускорения принятия решения [Crombez, Groseclose, Krehbiel, 2006; Помигуев, Алексеев, 2026]. В случае работы комитетов подобные механизмы власти могут быть реализованы в вопросе установления сроков разработки заключения. В законодательных органах Молдовы, Украины, Узбекистана, Грузии, Туркменистана и Киргизии регламент содержит конкретный интервал рассмотрения инициативы после ее передачи комитету – как правило, он составляет не более 30 дней. В 7 случаях (Россия, Армения, Беларусь, Казахстан и страны Балтии) срок для вынесения заключения не установлен, он утверждается в каждом случае коллективным органом. В отношении второго чтения время рассмотрения комитетом законопроекта и поправок к нему закреплено только в трех странах – Грузии (3 недели), Эстонии (10 рабочих дней), Киргизии (10–30 рабочих дней); в остальных случаях срок устанавливает Председатель или коллегиальный орган. Стоит отметить и нормативный статус разрабатываемых решений – ни в одном из 13 парламентов отрицательное заключение комитета ни на одном из чтений не блокирует законопроект автоматически, а решение возвращать инициативу закреплено либо за палатой на первом чтении, либо за коллективным органом на предварительном этапе. Таким образом, на уровне парламентской процедуры комитеты не располагают собственными вето-полномочиями, однако их формальная включенность в этапы прохождения законопроекта позволяет использовать комитеты как арену для продвижения позиций других акторов.

В третьем блоке анализа, посвященном особенностям взаимодействия комитетов с другими институтами, наблюдается однородная картина. Прямые запросы в государственные органы по материалам инициатив и приглашение экспертов предусмотрены почти во всех постсоветских странах. Исключение только одно: Туркменистан, где норма о запросах есть, но обязательность и срок дачи ответа явно не установлены. Подобная ситуация иллюстрируется и формулировкой «контрольной функции» комитетов. Право инициировать парламентские слушания есть в 11 из 13 случаев. Исключения – Туркменистан и Узбекистан, где института парламентских слушаний в явном виде нет, но в последнем случае в конце квартала каждый комитет заслушивает отчет профильных распорядителей бюджетных средств. Объем остальных возможностей в рамках функции регламентирован слабо: выделяется только мониторинг правоприменения, который встречается в Беларуси, России, Грузии и Киргизии.

Общепринятым правилом является обязательный отзыв правительства на законопроекты с финансовыми обязательствами: сокращение доходов бюджета, увеличение расходов, государственные займы. В данном вопросе примечателен российский опыт: для законопроектов о мерах социальной поддержки Совет Госдумы назначает дату третьего чтения только после получения от Правительства информации об основных нормативных предписаниях и сроках принятия подзаконных актов, – аналогичные правила в парламентах других стран не встречаются. Правительство де-факто обладает дополнительной возможностью с помощью правовых механизмов влиять на судьбу законопроекта.

Еще одним вопросом для рассмотрения выступает наличие полномочий по обращению к иным акторам для профессиональной экспертизы поступаемых законопроектов. Все парламенты сохраняют за комитетами право приглашать экспертов на свои заседания, однако для его реализации предлагаются разные подходы. В легислатурах Грузии, Беларуси, России, Узбекистана, Молдовы при каждом комитете могут быть образованы отдельные структуры – советы или рабочие группы; в Армении эксперты-координаторы входят в состав аппарата постоянных комиссий, а в Киргизии и Украине – в состав аппарата палаты; в Литве формируются рабочие группы, однако в ее состав одновременно входят и эксперты, и депутаты. В остальных случаях комитеты имеют право приглашать отдельных экспертов без формирования постоянного штата.

Кроме создания экспертных структур, а также упомянутых ранее парламентских слушаний в регламентах выделяются разные механизмы, направленные на агрегирование общественных интересов с помощью комитетов. Например, в случае России комитет обладает правом проводить круглые столы и семинары для получения обратной связи по направлениям политики. В Грузии, Молдове, Узбекистане, Беларуси, Литве представители общественности могут быть приглашены на слушания комитетов – рассмотрение инициатив перед первым чтением.

Несмотря на то, что вопрос экспертизы относится больше к профессиональному, чем политическому анализу законопроектов, подходы к работе системы сильно различаются. В связи с тем, что функция внешней экспертизы появилась в постсоветских парламентах сравнительно недавно, ее устройство оказалось слабо подвержено влиянию общего институционального наследия.

Заключение

Дискуссии об устройстве парламентов, которые проходили после распада Советского союза и включали обсуждение разных моделей работы внутренних организаций, привели к тому, что комитеты в странах с разным объемом власти законодательных органов, а также разным юридическим статусом, в котором оформлены полномочия данных структур, функционируют по схожим правилам.

Необходимость в легитимизации законотворческого процесса с помощью структуры, которая реализует базовые функции экспертизы инициатив и представления заключений по ним на пленарных заседаниях, стала общепринятой. Более того, за время самостоятельного государственного строительства изначально заданный функционал и статус сохранился. Иной подход к работе комитетов сформировался только в странах Балтии, однако он выражается больше в вопросе автономии от работы остальных структур палаты, а не в вопросе влияния на законодательный процесс. С другой стороны, было бы неправильно говорить, что формальный статус структур в законодательных органах одинаковый. Ключевыми развилками в свойствах работы остаются вопросы подотчетности другим внутренним структурам парламента, членства в управленческом органе палаты и регламентации сроков внутренних рассмотрений законопроектов.

Сопоставления с результатами исследований европейского опыта позволяют выделить особенности политического статуса комитетов в постсоветских легислатурах: так, К. Стром фиксирует, что многие комитеты имеют право менять текст правительственных законопроектов и самостоятельно вносить изменения в повестку дня палаты [Strom, 2012]. Постсоветские комитеты за пределами базовых функций действуют принципиально по-другому, – они исполняют роль не субъектов политики, а площадок для согласования интересов между другими акторами, в основном партиями.

Разумеется, распределение мест руководителей комитетов и, как следствие, получение контроля над формированием заключений и экспертной работой депутатов по направлениям политики является отдельным этапом политической борьбы между фракциями. Однако этот процесс не повлиял на наблюдаемую сегодня силу структур – заложенные тридцать пять лет назад принципы работы комитетов сохранились, несмотря на разные партийные конфигурации и высокую вариацию количества комитетов. Кроме того, интересен факт слабого регулирования отношений между комитетами и исполнительной властью – их стоит рассматривать скорее через акторные измерения, то есть использование партиями и отдельными депутатами статусов в комитете для преследования собственных целей, а не формирование комитетами самостоятельной политической позиции [Помигуев, Алексеев, 2026].

Подобный взгляд входит в противоречие с существующими результатами анализа работы комитетов в странах Европы, где ученые фиксируют связь между числом фракций и силой комитетов, а также делают акцент на вопросе разработки внутри организации единой экспертизы по направлению политики через сотрудничество [Mickler, 2022]. В случае постсоветских парламентов внимание стоит уделять скорее борьбе за то, чтобы предлагаемая партией экспертиза была выражена на пленарном заседании от имени комитета. Логика политизации экспертных заключений подчеркивает необходимость рассмотрения распределения полномочий остальных парламентских структур в постсоветских странах.

В отношении комитетов важным становится анализ эволюции работы парламента как политического института. Так, легислатуры стали все чаще выступать в роли открытой площадки для агрегирования интересов и обмена мнениями между исполнительной властью, бизнесом, общественными организациями, экспертами и т.д. Комитеты повсеместно приобрели статус медиатора между законодательной властью и другими участниками политики и, как

следствие, расширили спектр институтов для направления запросов, получили возможности для создания экспертных советов и проведения публичных обсуждений. Однако подобный запрос был по-разному адаптирован к правилам игры и включен в функционал организаций: в одних случаях полномочия по взаимодействию с экспертами принадлежат непосредственно комитету, в других – аппарату всей палаты либо фигуре спикера.

Другая тенденция – профессионализация политики – оказалась связана и с распределением функций представительства: например, за председателями Госдумы и парламента Грузии закреплены задачи заниматься коммуникацией с общественными организациями, хотя в остальных случаях этим занимаются комитеты. Теория институционального изоморфизма раскрывает сложившиеся процессы лишь частично: да, структуры приобрели новые одинаковые функции, связанные с их профессиональным предназначением (например, проведения публичной экспертизы). Однако вопрос того, каким образом эти функции будут исполняться и согласование с кем необходимо провести, решается исходя из политических интересов [Димаджо, Пауэл, 2010].

Современные законодательные органы необходимо рассматривать как комплексные институты, в которых вопрос полномочий тесно переплетается с политической борьбой за контроль над законодательством. Анализ правил игры, выраженных в нормах регламента постсоветских парламентов, показывает, что подход политических сил к организации некоторых структур в законодательном процессе на формальном уровне является иным. Автор сознательно не фокусируется на вопросе фактической реализации комитетами своих полномочий и отношений рассматриваемых структур с фракциями и ветвями власти. Данные процессы относятся к более широким вопросам о свойствах постсоветских политических систем, они задают направление для дальнейших исследований – цель же статьи заключалась в изучении институциональных условий, в которых данные процессы происходят. Бюрократические структуры следует рассматривать как переменную, не только зависящую от политических факторов, но и формирующую облик и правила, по которым происходит борьба за власть. И если в отношении развития политических систем ученые сходятся во мнении о разных судьбах стран бывшего советского блока, то в случае устройства отдельных институтов еще предстоит ответить на данный вопрос.

В терминах институциональной трансплантации комитеты на административном уровне были оформлены и затем адаптиро-

ваны к культурным и политическим свойствам постсоветских стран-реципиентов. Можно заключить, что, как минимум на уровне формальных правил игры, опыт работы Советов оказал влияние на современный статус парламентских комитетов – степень подобного влияния требует проведения дополнительного историографического анализа.

N. A. Zaripov*

Institutional features of parliamentary committees functioning in post-soviet countries¹

Abstract. The article examines the institutional features of committees functioning in the legislative bodies of post-Soviet countries at the present stage. Based on the thesis that parliamentary committees are unique organizations where politics intersects with expertise, the author compares their role in lawmaking between countries with different political trajectories but a common institutional past. The current rules of the regulations and laws governing the activities of parliamentary committees in 13 countries are used as an empirical basis.

The features of the committees were analysed with three blocks of indicators: organizational properties and mechanisms of interaction with other structures of the chamber; features of the work at the reading stage; powers in the field of relations with the executive branch and external actors. The comparison showed that the basic functionality in the form of examination of draft laws and reports at the plenary session is identical, and the key differences are seen in issues of accountability to the governing bodies of the Chamber, participation in collegial management structures and the timing of initiatives' consideration. It is noteworthy that these differences are not determined by the number of committees.

The current configurations of features of the post-Soviet committees show that they function not as independent political actors, but as platforms for coordinating the interests of other actors, and in some cases as an object of struggle for control over formal levers of influence in lawmaking. The result of such a struggle may be expressed in the distribution of new committee-specific powers in parliament, for example, in the establishment of a system for involving non-parliamentary actors in the examination. The revealed status of the structure differs significantly from ones of the European experience, where committees have a wide range of powers between countries and often act as independent players in the legislative process.

* **Zaripov Nikita**, HSE University; Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: zaripovnikita139@gmail.com

¹ The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-78-10163 "Transformation of the executive's role in the legislative process of post-Soviet countries: a comparative study" (URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10163/>) at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

The results obtained complement the existing discussion about the institutional features of post-Soviet political systems. It can be concluded that the ideas about the work of parliamentary bodies, laid down at the stage of institutional transplantation thirty-five years ago, can still be preserved in the regulatory rules of the game and determine the properties of the decision-making process.

Keywords: legislative process; parliamentary committees; parliamentary procedure; post-Soviet space; parliament; political institutions.

For citation: Zaripov N.A. Institutional features of parliamentary committees functioning in post-Soviet countries. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 234–256. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.11>

References

- Berlov A.A., Pomiguyev I.A. The experience of the Supreme Soviet of Russia in the formation of the Federal Assembly: a case of "path dependence". *Rossiia i sovremennyyi mir*. 2025, N 1, P. 231–249. (In Russ.)
- Borisov N.A. Thirty years of post-Soviet studies in Russian political science: trends and prospects. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 15–55. (In Russ.)
- Chaisty P. Democratic consolidation and parliamentary reform in Russia, 1990–93. *The journal of legislative studies*. 1997, Vol. 3, N 4, P. 44–69.
- Crombez C., Groseclose T., Krehbiel K. Gatekeeping. *The journal of politics*. 2006, Vol. 68, N 2, P. 322–334.
- DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2010, Vol. 11, N 1, P. 34–56. (In Russ.)
- Helms L. Studying parliamentary opposition in old and new democracies: issues and perspectives. *The journal of legislative studies*. 2008, Vol. 14, N 1–2, P. 6–19.
- Longley L.D., Davidson R.H. Parliamentary committees: changing perspectives on changing institutions. *The journal of legislative studies*. 1998, Vol. 4, N 1, P. 1–20.
- Makarenko B.I. Twenty-seven years later: are there post-communist states? *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2019, N 1 (92), P. 97–113. (In Russ.)
- Martorano N.A. *Theories of legislative organization and the development of United States state legislative committee systems*. Houston: Rice University, 2002, 282 p.
- Medushevsky A.N. Trends of post-Soviet political regimes in the light of the latest wave of constitutional amendments. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2018, N 2, P. 49–66. (In Russ.)
- Meyer J., Rowan B. Institutionalized organizations: formal structure as myth and ceremony. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2011, Vol. 12, N 1, P. 43–67. (In Russ.)
- Meleshkina E.Yu. State capacity of post-Soviet territorial polities. *Sravnitel'naya politika*. 2012, N 1 (7), P. 118–132. (In Russ.)
- Mel'vil' A.Yu. Getting out of the "ghetto": on the contribution of post-Soviet / Russian studies to contemporary political science. *Polis. Political studies*. 2020, N 1, P. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03> (In Russ.)
- Mickler T.A. Committee autonomy in parliamentary systems – coalition logic or congressional rationales? *The journal of legislative studies*. 2017, Vol. 23, N 3, P. 367–391.

- Mickler T.A. *Parliamentary committees in a party-centred context: Looking behind the scenes*. London: Routledge, 2022, 290 p.
- Norton P. Playing by the rules: The constraining hand of parliamentary procedure. *Journal of legislative studies*. 2001, Vol. 7, N 3, P. 13–33.
- Norton P., Olson D.M. Post-communist and post-Soviet legislatures: Beyond transition. *The journal of legislative studies*. 2007, Vol. 13, N 1, P. 1–11.
- Pomiguyev I.A. The subject field of legislative studies in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 1, P. 16–41. (In Russ.)
- Pomiguyev I.A. The leadership of the State Duma: a return to the Soviet past? *Political science (RU)*. 2017, N 3, P. 105–120. (In Russ.)
- Pomiguyev I.A., Zaripov N.A. Between control and discipline: the political nature of changes to the rules of procedure of the State Duma of the 7th–8th convocations. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 161–184. (In Russ.)
- Pomiguyev I.A., Alekseev D.V. A conceptual model of government-parliament interaction in the legislative process: the case of post-Soviet countries. *RUDN journal of political science*. 2026, Vol. 28, N 1, P. 59–79. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-59-79> (In Russ.)
- Saulen N. The institution of parliamentarism in the context of Kazakhstan's constitutional reform. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2023, N 2, P. 129–147. (In Russ.)
- Shaw M. Parliamentary committees: A global perspective. *The journal of legislative studies*. 1998, Vol. 4, N 1, P. 225–251.
- Strom K. Parliamentary committees in European democracies. In: Longley L.D., Davidson R.H. (eds). *The new roles of parliamentary committees*. London: Routledge, 2012, P. 21–59.
- Zaripov N.A. The status of parliamentary committee chairs in the State Duma of the 6th–8th convocations: legislative activity and co-authorship networks. *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2025, N 3 (118), P. 32–57. (In Russ.)
- Zaznaev O.I. Modification of the classical model of parliamentarism in the context of the latest challenges of the 21st century. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 18–42. (In Russ.)
- Zubek R. Committee strength in parliamentary democracies: A new index. *European journal of political research*. 2021, Vol. 60, N 4, P. 1018–1031.

Литература на русском языке

- Берлов А.А., Помигуев И.А. Опыт Верховного Совета России в становлении федерального собрания: случай «зависимости от пути» // Россия и современный мир. – 2025. – № 1. – С. 231–249.
- Борисов Н.А. Тридцать лет постсоветских исследований в российской политической науке: тренды и перспективы // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 15–55.
- Димаджо П.Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11, № 1. – С. 34–56.

- Зазнаев О.И. Модификация классической модели парламентаризма в условиях новейших вызовов XXI века // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 18–42.
- Зарипов Н.А. Статус председателей парламентских комитетов в Государственной Думе VI–VIII созывов: законотворческая активность и сети соавторства // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2025. – № 3 (118). – С. 32–57.
- Макаренко Б.И. Двадцать семь лет спустя: есть ли посткоммунистические государства? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2019. – № 1 (92). – С. 97–113.
- Медушевский А.Н. Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок // Общественные науки и современность. – 2018. – № 2. – С. 49–66.
- Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. – 2011. – Т. 12, № 1. – С. 43–67.
- Мелешкина Е.Ю. Государственная состоятельность постсоветских территориальных политий // Сравнительная политика. – 2012. – № 1 (7). – С. 118–132.
- Мельвиль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 22–43. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03>
- Помигуев И.А. Предметное поле законодательных исследований в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 1. – С. 16–41.
- Помигуев И.А. Руководство Государственной Думы: возвращение к советскому прошлому? // Политическая наука. – 2017. – № 3. – С. 105–120.
- Помигуев И.А., Зарипов Н.А. Между контролем и дисциплиной: политическая природа изменений регламента Государственной думы VII–VIII созывов // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 161–184.
- Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Концептуальная модель взаимодействия правительства и парламента в законотворческом процессе: пример постсоветских стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2026. – Т. 28, № 1. – С. 59–79. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-1-59-79>
- Саулен Н. Институт парламентаризма в контексте конституционной реформы Казахстана // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2023. – № 2. – С. 129–147.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.Р. КАЩЕЕВА*

**ЛОКАЛЬНОСТЬ КАК МЕЗОУРОВЕНЬ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ¹**

Аннотация. В статье обосновывается теоретико-методологический статус локальности как самостоятельного уровня анализа политических процессов. Актуальность этой задачи обусловлена необходимостью преодоления статичных иерархий в социальных науках, где локальное традиционно рассматривалось как подчиненный элемент государственной или глобальной системы. Предложенная в статье модель опирается на теоретические достижения двух исследовательских направлений – политической географии и конструктивистских подходов к институтам. Сочетание этих направлений позволяет предложить исследовательскую оптику, в которой локальность рассматривается как активный мезоуровень анализа, где в процессе повседневного институционального творчества производятся местные институциональные порядки. Такая концептуализация помогает отойти от дихотомии «микро-макро» в институциональном анализе, а также добавляет к нему пространственное измерение, в котором локальное перестает быть периферией политики, и вместо этого, становится наиболее динамичным полем институциональных изменений. В рамках этой оптики локальный уровень рассматривается как гетерархичная среда, где формальные структуры и неформальные практики сосуществуют в горизонтальном режиме организации. Подход может быть применен в исследованиях административных реформ (таких как изменение границ или перераспределение полномочий) и локализации государственных политик. В рам-

* **Кашеева Александра Романовна**, стажер-исследователь, Центр социокультурных и этноязыковых исследований факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: sakashch@gmail.com

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-031).

Кашеева А.Р., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.12

ках предлагаемой оптики данные процессы предстают не как сугубо техническая оптимизация или пассивная адаптация, а как политическая борьба за перераспределение ресурсов и, что ключевое, за конструирование смыслов.

Ключевые слова: место; локальность; пространство; институциональный подход; мезоуровень; институциональный анализ.

Для цитирования: Кашеева А.Р. Локальность как мезо-уровень институционального анализа: теоретические основания // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 257–273. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.12>

Введение

В 2020 году в Мурманской области была проведена муниципальная реформа, призванная объединить четыре поселения Печенгского района – поселки городского типа Никель и Печенга, город Заполярный и сельское поселение Корзуново – в единый Печенгский муниципальный округ. Логика реформы состояла в том, что двухуровневая система управления создавала путаницу для жителей, дублирование функций вело к усложнению бюрократических процедур, а содержание депутатских советов требовало дополнительных расходов. Реформирование вызвало сопротивление на местном уровне, поскольку многие жители района были не согласны с новой окружной организацией, а также со статусом окружного центра у поселка Никель. На публичных слушаниях, состоявшихся в разгар пандемийных ограничений, критики указали на процедурные нарушения, а местные депутаты обратились к губернатору с требованием признать результаты недействительными. Несмотря на все эти обстоятельства, реформа в конце концов состоялась. Однако в процессе объединения появилась важная деталь: при сохранении формального центра в Никеле часть административных структур округа была размещена в Заполярном¹. Хотя в результате реформы должна была произойти централизация, т.е. создание единого округа с единым центром управления, на практике власть оказалась рассредоточена между двумя населенными пунктами. Иными словами, юридическое единство не означало географической концентрации.

Процессы централизации и децентрализации, перераспределения полномочий, возникновения новых форм территориальности, реорганизация управленческих уровней и локализации национальных политик требуют инструментов, которые способны уловить, как

¹ По мотивам собственных полевых исследований автора в 2024 г.

именно институциональные нормы интерпретируются и трансформируются в конкретных местах. Как демонстрируется в обзоре литературы [Wright et al., 2023], несмотря на растущее признание важности пространственного измерения, роль места и пространства в институциональных изменениях остается недостаточно теоретизированной. Исследования пространства и места в основном существуют отдельно от анализа институциональной динамики, хотя в [Ethington, McDaniel, 2007] отмечается высокий потенциал политической географии для институциональных подходов. Возникает потребность в аналитической рамке, которая может рассматривать институты не просто как существующие в пространстве, а как активно конструируемые через пространственные практики и отношения.

Эволюция исследований локальной политики за последние полвека демонстрирует переход от изучения формальных институтов местного самоуправления к осмыслению того, что означает «локальное» в условиях многоуровневого управления и усложнения сетей взаимодействия между разными видами акторов [Avellaneda et al., 2024, p. 971–972]. В этом контексте кейсы, подобные Печенгскому округу, демонстрируют, как универсальные институциональные проекты преломляются через локальные контексты, создавая новые гибридные формы политического взаимодействия.

В рамках настоящей статьи мы стремимся обосновать теоретико-методологический статус локального уровня как самостоятельного измерения институциональной динамики и предлагаем рассматривать локальность как «первый план» (а не как «задний план») институционального творчества. В процессе этого творчества проекты и дискурсы более крупного масштаба сталкиваются с местными практиками, идентичностями и конфигурациями власти, что приводит к возникновению новых институциональных форм и порядков. Опираясь на конструктивистские теории пространства и институтов, а также на два эмпирических примера локальных политических процессов, мы разрабатываем аналитическую рамку для исследований локальных пространственно-институциональных конфигураций.

Роль локального в политических процессах: политико-географические подходы

Во введении к антологии «Пространственный поворот: междисциплинарные перспективы» авторы отмечают: «География

имеет значение не только по простой и слишком заезженной причине, что все происходит в пространстве, а потому что там, где что-то происходит, чрезвычайно важно для понимания, *как* и *почему* это происходит» [Warf, Arias, 2008, p. 1]. На смену классическому пониманию *места* как статичной территории пришли более сложные и динамичные трактовки, которые раскрывают его как мезоуровень институционального анализа, где преодолевается дихотомия «микро – макро». Отчасти это схоже с тем, как глокализация соединяет в себе глобальные и локальные процессы.

Одним из первых фундаментальных различий, заложивших основу для этого пересмотра, стало предложенное Э. Гидденсом разделение между локацией как физическим местонахождением и *locale* (место действия) как социально организованной средой, наполненной смыслами, ресурсами, практиками и властными отношениями. Для Гидденса *locale* – это поле, где социальная жизнь не просто происходит, а активно структурируется и воспроизводится через практики взаимодействия, которые создают его контекстуальность [Giddens, 1985, p. 271]. Этот подход позволил сместить фокус с физической территории на социальный контекст, в котором разворачивается политика.

Значительный вклад в понимание «локального» внес Дж. Эгню, который выделил три взаимосвязанных компонента места, которые находятся в использовании представителей разных дисциплин: 1) локация (*location*) – географическая территория, охватывающая пространство социального взаимодействия, сформированное социальными и экономическими связями; 2) *locale* («место действия») – фокус социальной географии, организация социальной среды, где происходят повседневные взаимодействия; 3) чувство места (*sense of place*) – фокус культурной географии, субъективное и эмоциональное восприятие и идентичность, связанные с конкретным пространством [Agnew, 1987, p. 28]. Для политического анализа необходимо учитывать все три компонента, поскольку их сочетание формирует уникальный политический контекст места, определяя, например, как глобальные экономические силы (локация) преломляются через локальные институты (*locale*) и осмысливаются жителями (чувство места).

Д. Мэсси разработала концепцию «глобального чувства места», которая определяет идентичность места не через его изолированность и замкнутость, а напротив, через уникальное переплетение социальных отношений, простирающихся далеко за его видимые пределы [Massey, 2008]. Схожим образом, в [Amin, 2004]

предлагается нетерриториальное понимание места как «открытого образования», чья сущность определяется не границами – не закрепленной «сверху» территорией, – а внешними связями. По подобию с регионализмом, такая самостоятельность *местного* называется автором «локализмом» [Keating, 2018, p. 35].

Мы можем заметить, что в интерпретациях места Д. Мэсси и А. Амина уходит на второй план или вовсе отбрасывается его географическая, материальная составляющая. Однако для Дж. Эгнью понятие места равносильно социально-географическому контексту политического действия, в котором происходит взаимодействие процессов микро- и макроуровней [Agnew, 1996, p. 132]. Многокомпонентная концептуализация локального Дж. Эгнью и Э. Гидденса создает основу для контекстуального подхода к политическому исследованию пространства. Соответственно, территория является неотъемлемой частью, а также характеристикой политического процесса [Туровский, 2015, с.77].

Конструирование пространственных иерархий

В «нетерриториальных» концепциях локальности теряется еще один важный аспект: место как специфическая материальная арена, где власть приобретает пространственную форму и где управление осуществляется через *территориальность*. Территориальность, понимаемая как стратегический процесс закрепления и контроля социальных иерархий в пространстве возвращает внимание к этим материальным и политическим рамкам. Через территориальность абстрактные социальные отношения приобретают географическую специфику [Sack, 1983].

Пространственные иерархии и классификации, которые являются частью процесса территориальности, тоже предстают как продукт политической борьбы и арена стратегического действия [Delaney, Leitner, 1997]. Подобно тому как институты создают классификации, упорядочивающие и осмысляющие мир [Дуглас, 2012], политика масштаба служит инструментом для упорядочивания пространства и закрепления в нем определенных иерархий. А некоторые географы даже предлагают отбросить его как концепт, поскольку он закрепляет иерархичную концептуализацию пространства [Martson, Jones, Woodward, 2017]. Нил Смит раскрывает его динамику через противоречие между конкуренцией и кооперацией, где ключевыми стратегиями становятся «закрепление

масштаба» для удержания власти и «перемасштабирования» для ее обретения [Smith, 1995, p. 61–62].

Если масштаб социально производим, то институты не просто действуют на разных уровнях, а сами активно производят эти уровни. Как отмечается в [Панкевич, 2022, с. 47], все возможные альтернативы государству как центру анализа неизбежно вызывают внутри институциональных условий, создаваемых и контролируемых государством. В эпоху Модерна происходит фундаментальная реорганизация политического пространства, которую можно охарактеризовать как «национализацию». Автономные средневековые города, выступавшие центрами транслокальных торговых и культурных сетей, прошли процесс «приручения». Их экономические связи были перенаправлены через национальные столицы, правовые системы унифицированы, а политическая воля подчинена центральной власти [Flint, Taylor, 2018, p. 280–283]. Город таким образом превратился из самостоятельного политического актора в административный центр, проводник интересов национального, общегосударственного правительства. Процесс создания наций – «воображаемых сообществ» [Андерсон, 2016] – был проектом, в ходе которого активно изобретались традиции – символы, ритуалы, исторические мифы – которые были призваны легитимировать новые государства и сплотить население в рамках четко ограниченных территорий [Хобсбаум, 2017].

Становление национального государства можно рассматривать как исторический процесс закрепления пространственной иерархии, в ходе которого доминирующие социальные силы стремились стабилизировать национальный уровень как главную арену для накопления капитала, управления и формирования идентичности. Однако в эпоху глобализации этот монопольный контроль ослабевает, и мы наблюдаем «институциональное перемасштабирование»: возникают новые институциональные формы, которые «перескакивают» через традиционные иерархии. Следовательно, институциональный анализ, опирающийся на конструктивистские трактовки пространственных иерархий, фокусируется на конкуренции институциональных порядков за право определять архитектуру уровней управления (макро-, мезо-, микро-). В этих процессах могут производиться одни формы локальности, а другие при этом – маргинализироваться или подавляться.

Локальный уровень институционального анализа

Исследования локальной политики имеют давнюю традицию, в рамках которой институты понимались по-разному. Классический институционализм рассматривает институты прежде всего как формальные организации – административные структуры и процедуры, – не требующие проблематизации [Peters, 2019]. В сфере локальной политики эта традиция нашла выражение в сравнительных исследованиях местного управления, классификациях муниципальных структур и анализе отношений центра и места как иерархической вертикали управления. В рамках этой парадигмы «локальное» трактовалось прежде всего как уровень государственной иерархии, а локальная политика сводилась к взаимодействию между центральными и местными властями в рамках национальной системы [Cochrane, 2016, p. 3]. Такой подход позволил приобрести много знаний о разнообразии институциональных форм, но не учитывал неформальные практики и то, как они меняются в повседневной жизни.

Переход к «новому» институционализму (см. [March, Olsen, 1983]), ознаменовал сдвиг от описательных типологий к анализу того, как институты структурируют политические процессы и сами формируются под воздействием конфликтов и идей. Развитие институциональной теории привело к появлению социологических версий институционализма (см. [Hall, Taylor, 1996, p. 946–947]), которые рассматривают институты как культурные и когнитивные схемы, формирующие идентичности и легитимные практики. Вивьен Шмидт в своем дискурсивном институционализме показала, что институты существуют не только как формальные правила, но и как идеи и дискурсы, постоянно интерпретируемые и оспариваемые акторами [Schmidt, 2008]. Колин Хэй подчеркивает взаимное конструирование структуры и агентности: институты не просто ограничивают акторов, но и предоставляют им ресурсы для действия, а акторы, в свою очередь, осмысляют и трансформируют институты [Hay, 2011].

Современные исследования развивают эти идеи через понятие «институциональной работы» (institutional work) – повседневных практик, посредством которых акторы создают и трансформируют институты [Lawrence, Suddaby, Leca, 2011]. Такой подход позволяет анализировать локальный уровень как пространство, где формальные проекты сталкиваются с повседневными практиками и идентичностями, создавая новые институциональные формы.

Описанные подходы требуют дальнейшей работы с определением контекста исследования. Вслед за Дж. Эгнью мы считаем, что контекст подразумевает место – социальное место действия, которое также имеет и географические характеристики. Для начала обратимся к теории микрооснований институтов (*microfoundations*). Теоретической основой для такого подхода служит методологический индивидуализм, заложенный еще Максом Вебером. Его трактовки со временем трансформировались и расширялись, однако ключевым оставался императив о том, что объяснение социальных явлений необходимо выводить из анализа действий, намерений и интерпретаций индивидов [Udehn, 2002]. В [Barney, Felin, 2013] поднимается вопрос о микрооснованиях институтов. Ключевой вывод состоит в том, что институты постоянно создаются и трансформируются, через микровзаимодействия акторов. Однако авторы подчеркивают, что объяснение не сводится исключительно к индивидуальному уровню. Микрооснования признают обратное влияние макроструктур (институтов, культур, норм), формирующих контекст для индивидуального действия.

Таким образом, можно отметить, что уже теория микрооснований институтов видится как попытка сгладить острые углы индивидуализма и холизма. Дальнейшие усилия преодолеть ограничения дихотомии «микро – макро» приводят исследователей к концептуализации мезоуровня анализа. Это довольно устоявшееся понятие, однако исследователи отмечают недостаточную теоретическую проработку этого уровня, поскольку зачастую в текстах проводится только противопоставление микро- и макроуровней. С.Г. Кирдина-Чэндлер определяет мезоуровень как «пространство формирования правил, по которым действуют субъекты, порождая макроструктуры» [Кирдина-Чэндлер, 2015, с. 58]. Наиболее релевантной предпосылкой или подходом в изучении мезоуровня она называет «методологический институционализм». Это понятие первым в научный дискурс ввел П. Кейзер, однако С.Г. Кирдина-Чэндлер не полностью согласна с его концептуализацией [там же, с. 56–57]. Она развивает его как дополнение и методологического индивидуализма, и холизма, что тоже может вызывать возражения: определение подхода как развитие двух противоположных парадигм – индивидуализма и холизма – кажется парадоксальным.

Похожую тему поднимает Дэниел Литтл. Он, в свою очередь, вводит понятие «методологического локализма», которое призвано поддержать дискуссию о мезоуровне анализа. Его центральная идея состоит в том, что социальные факты укоренены в

локальных контекстах взаимодействия индивидов, которые обладают знаниями, сформированными этими же самыми институциональными контекстами. Д. Литтл называет свою концептуализацию усовершенствованием именно подхода методологического индивидуализма [Little, 2016]. Таким образом, вводится уровень, на котором происходит взаимопроникновение агентности и структуры. Мы видим, что трехкомпонентный подход к локальности Дж. Эгнью фактически предвосхищает понимание локального как мезоуровня, где пересекаются экономические, социальные и культурные аспекты.

Проведенный анализ показывает, что современные трактовки локального – от места действия до производства локальности – раскрывают его как мезоуровень социально-политической организации, где преодолевается дихотомия «микро – макро». Ключевым связующим звеном между институциональным анализом и географией выступает политика пространственных иерархий. Эта концепция, напомним, рассматривает уровни управления не как готовую иерархию, а как результат конструирования акторов.

Теория конструирования масштаба добавляет институциональному анализу пространственное измерение, показывая, как борьба за власть материализуется в создании новых арен (например, через административные реформы). П.В. Панов формулирует конструктивистское понимание локальной политики так: «деятельность, направленная на конструирование политического значения территориальных образований субрегионального уровня» [Панов, 2008, с. 21]. При этом политизация территории не всегда связана с ее формальным статусом. Источником политического значения могут стать сильная локальная идентичность и способность неформальных иерархий организовывать и мобилизовывать людей [Панов, 2008, с. 22].

В этом ключе территориально-административная сетка предстает как результат прошлых и текущих институциональных процессов, и наш подход требует от исследователя критического подхода к самой этой сетке. Подходы, предполагающие субъективный взгляд на определение единицы анализа (локальность, индивид, организация), как уже было упомянуто выше, требуют дополнительной оценки роли исследователя не только в проведении исследования, но и в выборе уровня и единицы анализа. Место имеет географическую очерченность, но его границы определяются исходя из контекста, а не принимаются как данность вместе с официальными административными линиями. Хотя полностью

отбрасывать формальные границы неправильно, исследователю необходимо учитывать и другие слои локальности – сетевые, символические, дискурсивные, – границы которых могут не совпадать с формальными. Эта методологическая установка перекликается с предостережением антропологов А. Гупты и Дж. Фергюсона против подмены «социальной локализации» (перспективы исследователя) локализацией как простым «выездом в поле» в его буквальном, территориальном смысле. Знание, как они отмечают, неизбежно бывает «как о чем-то, так и откуда-то» [Гупта, Фергюсон, 2013, с. 29], что требует активного размышления о выборе единицы анализа и роли самого ученого в его конструировании.

Выводы

Описываемый подход может применяться в ряде исследовательских полей. Например, исследования административно-территориальных преобразований – изменения границ, объединения регионов или муниципалитетов – по своей сути работают на мезоуровне. Анализ сопротивления, с которым сталкиваются реформы «сверху», позволяет выявить локальные политики, которые могут даже не иметь устоявшегося названия, но обладать собственной логикой, сформированной прежними формальными и неформальными практиками отношения с пространством [см. Zimmerbauer, Suutari, Saartenoja, 2012; Zimmerbauer, Paasi, 2013]. Другим полем может стать анализ распределения власти между уровнями управления. Вместо того чтобы видеть в передаче функций (например, социальных – с муниципального на региональный уровень) лишь техническую оптимизацию, предлагаемый нами пространственно-институциональный подход позволяет исследовать такие процессы как борьбу за перераспределение ресурсов и символического капитала, в ходе которой могут определяться понятия местного, регионального, государственного и т.д.

Примером применения мезоуровня институционального подхода может служить трехаспектная модель анализа локальной политики, предложенная в [Туровский, 2019]. Поселение рассматривается не только как административная единица, но и как активное локальное политическое сообщество, обладающее собственной субъектностью, и как уникальный локальный политический режим со специфической конфигурацией акторов и правил игры [Туровский, 2019, с. 28–29]. Также подход может быть применен

для изучения локализации государственных проектов и политик. Он позволяет проследить, как универсальные федеральные дискурсы на практике интерпретируются, адаптируются и трансформируются местными властями и сообществами. Задача исследователя здесь – не механически приписывать наблюдаемым практикам заранее заданные институциональные логики (рыночную, государственную и т.д.), а индуктивно реконструировать уникальную систему смыслов, возникающую в конкретной локальности [Панов, 2018, с. 143].

Возвращаясь к истории реформирования Печенгского округа Мурманской области, мы можем увидеть в ней, как локальный уровень контекстуализирует институты. Реформа спроектирована в логике централизации: единый округ, единый бюджет, единое управление. Но локальные условия – разная экономическая специализация поселений, сложившиеся практики взаимодействия жителей с администрацией, а также позиция самих управленцев во властной конфигурации в муниципалитете – привели к тому, что формально единая структура обрела пространственно распределенный характер. Решение разместить часть органов власти в Заполярном стало компромиссом, в котором проявилась локальная специфика.

В 2019 году в графстве Дорсет на юго-западе Англии произошло похожее событие. Оно привлекло внимание не только местных жителей, но и исследователей локальной политики. Три исторических города – Борнмут, Крайстчерч и Пул – были объединены в единый унитарный округ в рамках правительственной политики по оптимизации местного самоуправления. Укрупнение должно было сократить административные издержки, повысить эффективность предоставления услуг и создать более сильную единицу для привлечения инвестиций. Однако уже на стадии подготовки реформы возникло сопротивление. Жители и местные элиты Крайстчерча – небольшого города с богатой историей и сильной локальной идентичностью – восприняли объединение как угрозу своему статусу и самостоятельности. Развернулась борьба, в ход пошли петиции, публичные кампании, апелляции к исторической памяти и местным традициям. В результате был найден еще один уникальный компромисс: формально единый округ сохранялся, но административные функции были распределены между тремя городами, а не сконцентрированы в одном центре. Итоговая институциональная конфигурация вновь оказалась гибридной. Как и в Печенгском округе, формальная централизация

обернулась пространственно распределенной структурой, в которой локальный уровень не исчез, а напротив, обрел новые институциональные формы. Были сохранены церемониальные мэры для каждого города, а также планируется создание приходских советов, которые будут обеспечивать дополнительный уровень локального представительства [Baker, Gwinn, 2026, p. 18]. Парадоксальным образом унифицирующие реформы в обоих случаях, наоборот, только разнообразили политические процессы в конкретных местах.

Приведенные примеры служат иллюстрацией того, какие исследовательские вопросы позволяет ставить предлагаемая нами оптика. И хотя они взяты из разных институциональных контекстов, сама возможность их сопоставления демонстрирует универсальность проблематики, не сводимой к особенностям того или иного институционального дизайна. Обращение к теме реформ и административных преобразований так же не случайно. В моменты институциональных изменений привычный порядок нарушается, и то, что обычно не видимо, становится видимым. Конфликты, сопровождающие разного рода политические преобразования, для исследователей могут стать «окном возможностей». Они позволяют увидеть, как мобилизуются идентичности, оспариваются границы и порядки.

Мы приходим к выводу, что исследование локального уровня предполагает анализ трех компонентов. Первый – институциональный проект, то есть тот внешний импульс, который запускается на локальный уровень; предполагаемое распределение функций и полномочий. Второй компонент – локальный контекст, включающий сложившиеся практики взаимодействия жителей с властью, экономическую специализацию, историческую память, локальную идентичность и существующие неформальные иерархии. Третий компонент – институциональная работа, то есть практики акторов по интерпретации, адаптации и трансформации внешних правил: кто выступает ключевыми агентами, как артикулируются интересы и идентичности, какие новые субъекты возникают в процессе.

Не менее важным является пространственное воплощение политических институтов: где располагаются органы власти, как распределены их функции между разными точками пространства, какие неформальные центры сохраняются или возникают. В пространственной конфигурации материализуется результат столкновения проекта и контекста, структуры и агентности. Для описания возникающих гибридных форм подходит понятие гетерархии

(см. [Мартьянов, 2009; Кротков, 2024]), фиксирующее сосуществование множественных принципов организации в рамках единого института. Мы понимаем гетерархичность не как временное отклонение, а как постоянное свойство локального уровня, где одновременно могут действовать формальные структуры и неформальные практики, внешние проекты и локальные, внутренние идентичности.

Предложенная в статье концептуализация локального уровня как мезоуровня институционального анализа, а также наблюдение о его гетерархичности позволяет рассматривать место не как объект взаимодействия институтов, а как субъект институциональной работы. Сами институты в такой оптике предстают как живые структуры, создающиеся в конкретных местах и контекстах. Также отметим, что наибольшим потенциалом для сочетания институционального и политико-географического подхода обладает конструктивистский институционализм (см.: [Нау, 2011]). Его ключевой принцип – взаимное конструирование структуры и агентности через практики и интерпретации акторов – хорошо соответствует концепции места и локальности. В рамках конструктивистского институционализма локальность наиболее ярко предстает как контекст и мезоуровень – иначе говоря, как институциональная среда, формирующая политические процессы.

Перспективы дальнейшего развития исследований видятся в двух направлениях. Во-первых, необходима конкретизация методологии, направленной на изучение пространственного преломления институтов. Иными словами, требуется разработка инструментов для анализа того, как абстрактные нормы и логики воплощаются в конкретных местах, порождая уникальные режимы. Это предполагает развитие этнографических и кейс-стади подходов, способных уловить локальные практики и дискурсивные границы локальности, часто не совпадающие с формальными. Во-вторых, открывается обширная программа эмпирических исследований – от анализа локализации политик в разных контекстах до изучения новых форм территориальности как полей переопределения иерархий и роли акторов разных уровней.

A.R. Kashcheeva*

**Locality as a Meso-Level of Institutional Analysis:
Theoretical Foundations¹**

Abstract. The article substantiates the theoretical and methodological status of locality as an autonomous level of analysis in political processes. The relevance of this task stems from the need to overcome static hierarchies in the social sciences, where the local has traditionally been viewed as a subordinate element of state or global systems. The model proposed in the article draws on the theoretical advances of two research traditions — political geography and constructivist approaches to institutions. The combination of these traditions enables a research approach in which locality is conceived as an active meso-level of analysis, where local institutional orders are produced through everyday institutional work. Such conceptualization helps move beyond the micro-macro dichotomy in institutional analysis while adding a spatial dimension to it, in which the local ceases to be the periphery of politics and instead becomes the most dynamic field of institutional change. Within this optic, the local level is seen as a heterarchical environment where formal structures and informal practices coexist in a horizontal mode of organization. The approach can be applied to the study of administrative reforms (such as border reforms or the redistribution of competences) and the localization of state policies. In the proposed view, these processes appear not as mere technical optimization or passive adaptation, but as political struggles over the distribution of resources and, crucially, over the construction of meanings.

Keywords: place; locality; space; institutional approach; meso-level; institutional analysis.

For citation: Kashcheeva A.R. Locality as a meso-level of institutional analysis: theoretical foundations. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 257–273. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.12>

References

- Agnew J. Mapping politics: how context counts in political geography. *Political geography*. 1996, Vol. 15, N 2, P. 129–146.
- Agnew J. Place and politics: the geographical mediation of state and society. Boston; London: Allen; Unwin, 1987, 267 p.
- Amin A. Regions unbound: towards a new politics of place. *Geografiska annaler: series B, human geography*. 2004, Vol. 86, N 1, P. 33–44. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0435-3684.2004.00152.x>.
- Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 416 p. (In Russ.)

* **Kashcheeva Aleksandra**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: sakshch@gmail.com

¹ The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-031).

- Avellaneda C., Bel G., Durose C., Eckersley P., Esteve M., Lee S. Fifty years of local government studies: evolution, internationalisation, and the future of the field. *Local government studies*. 2024, Vol. 50, N 6, P. 967–979. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2024.2427845>
- Baker T., Gwinn I. Political resistance, representation, and identity during English local government re-organisation: a micro-case study. *Local government studies*. 2026, Vol. 52, N 1, P. 174–195. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2025.2568388>
- Barney J.A.Y., Felin T. What are microfoundations? *Academy of management perspectives*. 2013, Vol. 27, N 2, P. 138–155. DOI: <https://doi.org/10.5465/amp.2012.0107>
- Cochrane A. Thinking about the ‘local’ of local government: a brief history of invention and reinvention. *Local government studies*. 2016, Vol. 42, N 6, P. 907–915. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03003930.2016.1228530>
- Delaney D., Leitner H. The political construction of scale. *Political geography*. 1997, Vol. 16, N 2, P. 93–98. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0962-6298\(96\)00045-5](https://doi.org/10.1016/s0962-6298(96)00045-5)
- Douglas M. How institutions think. *Sociology of power*. 2012, N 4–5, P. 188–217. (In Russ.).
- Ethington P.J., McDaniel J.A. Political places and institutional spaces: The intersection of political science and political geography. *Annual Review of Political Science*. 2007, Vol. 10, N 1, P. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.080505.100522>
- Flint C., Taylor P.J. *Political geography: World-economy, nation-state and locality*. New York: Routledge, 2018, 376 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315164380>
- Giddens A. Time, space and regionalisation. In: Gregory D., Urry J. (eds). *Social relations and spatial structures*. London: Macmillan education UK, 1985, P. 265–295.
- Gupta A., Ferguson J. Discipline and practice: “The field” as site, method and location in anthropology. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2013, N 6, P. 3–44. (In Russ.)
- Hall P.A., Taylor R.C.R. Political science and the three new institutionalisms. *Political studies*. 1996, Vol. 44, N 5, P. 936–957.
- Hay C. Ideas and the construction of interests. In: Beland D. Cox R.H. (eds). *Ideas and politics in social science research*. Oxford: Oxford university press, 2011, P. 65–82.
- Hobsbawm E. *Nations and nationalism*. Saint Petersburg: Aletheia, 2017, 308 p. (In Russ.).
- Keating M. Rescaling the European state: A constructivist and political perspective. In: Detterbeck K., Hepburn E. (eds). *Handbook of territorial politics*. UK: Edward Elgar publishing, 2018, P. 17–29.
- Kirdina-Chandler S.G. Methodological institutionalism and the importance of meso-level of social analysis. *Sociological Studies*. 2015, N 12, P. 51–59. (In Russ.)
- Krotkov V.O. Heterarchies as socio- political proto- institutions of modern transformation. *Political expertise: POLITEX*. 2024, Vol. 20, N 3, P. 574–586. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.313> (In Russ.)
- Lawrence T., Suddaby R., Leca B. Institutional work: Refocusing institutional studies of organization. *Journal of management inquiry*. 2011, Vol. 20, N 1, P. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.1177/1056492610387222>
- Little D. *New directions in the philosophy of social science*. New York: Rowman & Littlefield, 2016, 279 p.

- March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life. *American political science review*. 1983, Vol. 78, N 3, P. 734–749. DOI: <https://doi.org/10.2307/1961840>
- Marston S.A., Jones J.P., Woodward K. Human geography without scale. In: Philo C. (ed.). *Theory and methods*. London: Routledge, 2017, P. 337–354.
- Martianov V.S. The state and heterarchy: subjects and factors of social change. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii imprava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*. 2009, N 9, P. 230–248. (In Russ.)
- Massey D. A global sense of place. In: Oakes T., Price P.L. (eds). *The cultural geography reader*. London: Routledge, 2008, P. 269–275.
- Pankevich N.V. The state in the political space and the spatiality of alternative political forms. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 41–66. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02> (In Russ.)
- Panov L.G. The political field and institutional logics. *Political science (RU)*. 2018, N 2, P. 136–150. (In Russ.)
- Panov P.V. Local politics in different dimensions. *Political science (RU)*. 2008, N 3, P. 9–31. (In Russ.)
- Peters, B. Guy. *Institutional theory in political science: The new institutionalism*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2019, 293 p.
- Sack R.D. Human territoriality: a theory. *Annals of the association of American geographers*. 1983, Vol. 73, N 1, P. 55–74.
- Schmidt V.A. Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse. *Annual review of political science*. 2008, Vol. 11, N 1, P. 303–326. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342>
- Smith N. Remaking scale: competition and cooperation in prenational and postnational Europe. In: Eskelinen H., Snickars F. (eds). *Competitive European peripheries*. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 1995, P. 59–74. Turovsky R.F. Geo-space and meta-space: geographical methods in political science. *Method: Moscow yearbook of proceedings from social science disciplines*. Moscow: INION RAN, 2015, Vol. 5, P. 71–89. (In Russ.)
- Turovsky R. F. Settlement as a subject of local policy: theoretical background of research. *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 13–30. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.01> (In Russ.)
- Udehn L. The changing face of methodological individualism. *Annual review of sociology*. 2002, Vol. 28, N 1, P. 479–507. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.140938>
- Warf B., Arias S. (eds). *The spatial turn: interdisciplinary perspectives*. London: Routledge, 2008, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203891308>
- Wright A. L., Irving G., Zafar A., Reay T. The role of space and place in organizational and institutional change: A systematic review of literature. *Journal of management studies*. 2023, Vol. 60, N 4, P. 991–1026. DOI: <https://doi.org/10.1111/joms.12868>
- Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide: Deinstitutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *Journal of rural studies*. 2013, Vol. 30, P. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.JRURSTUD.2012.11.004>

Zimmerbauer K., Suutari T., Saartenoja A. Resistance to the deinstitutionalization of a region: Borders, identity and activism in a municipality merger. *Geoforum*. 2012, Vol. 43, N 6, P. 1065–1075. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.GEOFORUM.2012.06.009>

Литература на русском языке

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева; под ред. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
- Гупта А., Фергюсон Д. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии / пер. с англ. С.В. Соколовского, О.А. Поворознюк // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 6. – С. 3–44.
- Дуглас М. Как мыслят институты // Социология власти. – 2012. – № 4–5. – С. 188–217.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 51–59.
- Кротков В.О. Гетерархии как социально-политические протоинституты современной трансформации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 574–586. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.313>
- Мартыанов В. С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – № 9. – С. 230–248.
- Панкевич Н.В. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 41–66. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>
- Панов Л.Г. Политическое поле и институциональная логика // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 136–150.
- Панов П.В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. – 2008. – № 3. – С. 9–31.
- Туровский Р. Ф. Геопространство и метапространство: Географические методы в политологии // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 71–89.
- Туровский Р. Ф. Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 13–30.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.

Д.А. КЛЕСТОВ*

**ТРОПА НАСИЛИЯ: ЛОВУШКА ГОББСА
И МЕХАНИЗМЫ ЭСКАЛАЦИИ В СТОЛКНОВЕНИЯХ
МЕЖДУ ПРОТЕСТУЮЩИМИ И ПОЛИЦИЕЙ**

Аннотация. Статья посвящена концептуализации эскалации протестного и полицейского насилия в ходе уличных акций. В качестве теоретической рамки используется модель ловушки Гоббса, описывающая ситуацию, при которой стороны конфликта действуют в условиях взаимного недоверия, ожидают худшего сценария и предпринимают упреждающие действия, тем самым повышая вероятность насильственного столкновения, а также формируя спираль насилия. На примере протестов в Швейцарии, Исландии и Финляндии демонстрируется, что резкая эскалация возможна даже в странах с высоким уровнем доверия к полиции, устойчивым правопорядком и низким уровнем политического насилия. В статье уточняется различие между протестным и полицейским насилием, а также подчеркивается их асимметричный характер.

Автор предлагает дополнить пазл ловушки Гоббса требуются дополнительные детали в виде механизмов эскалации насилия. Для этого выделяются три механизма эскалации со стороны государства и полиции: чрезвычайность, маргинализация и безопасность. Им соответствуют ответные механизмы со стороны протестующих: защитная мобилизация, снижение издержек насилия и радикализация флангов. В совокупности они образуют тропу насилия – последовательную модель перехода от неопределенности намерений к определению угрозы, превентивному действию, ответной мобилизации, подтверждению исходного прогноза, силовому вмешательству и закреплению опыта столкновения.

Ключевые слова: протесты; полиция; полицейское насилие; протестное насилие; эскалация; ловушка Гоббса; спираль насилия; механизмы.

Для цитирования: Клестов Д.А. Тропа насилия: ловушка Гоббса и механизмы эскалации в столкновениях между протестующими и полицией // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 274–300. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.13>

* Клестов Даниил Александрович, аспирант Аспирантской школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: klestov-57@mail.ru

© Клестов Д.А., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.13

Три (не)одинаковых протеста

В январе 2003 г. антиглобалистские группы попытались провести протестную акцию в связи с Всемирным экономическим форумом в Давосе. На пути к месту проведения форума была выстроена система проверок и полицейских патрулей; часть протестующих оказалась остановлена в районе Ландкварта, доступ к дороге в сторону Давоса был ограничен. С точки зрения полицейских, речь шла о защите безопасности чувствительной зоны, в которой находились представители политических и экономических элит разных стран. С точки зрения протестующих, блокирование маршрута означало невозможность выразить позицию именно там, где это выражение имело наибольший смысл. После многочасового противостояния часть протестующих переместилась в Берн, где начались столкновения: полиция резко начала применять слезоточивый газ, водометы и резиновые пули; фиксировались задержания и повреждение имущества в районе главного вокзала. Уже после событий руководитель полиции Берна назвал протестующих «террористами худшего порядка»¹.

В январе 2009 г. в Исландии после финансового кризиса и экономического шока в Рейкьявике усилились протесты против правительства. 20 января участники акции переместились к парламенту, требовали отставки кабинета министров, пытались пройти внутрь и окружили автомобиль премьер-министра. Полиция массово применила против протестующих перцовые баллончики. В ответ на это участники акции бросали яйца, снежки и петарды, а также вступали в противостояние с полицией². 22 января полицейские внезапно применили слезоточивый газ. Глава столичной полиции назвал эти действия «последней мерой», необходимой для предотвращения ущерба общественным зданиям и пространству, а также травм среди сотрудников полиции³.

В декабре 2024 г. в Хельсинки произошли столкновения вокруг факельного шествия «612» и контрдемонстрации антифашистских групп. Полиция заранее ожидала сближения конфликтую-

¹ Davos and Evian. – Mode of access: <https://www.statewatch.org/media/documents/subscriber/protected/sw13n1.pdf> (accessed: 27.04.2026). P. 20.

² Police fire pepper spray at Iceland protesters // Reuters. – 20.01.2009. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/technology/police-fire-pepper-spray-at-iceland-protesters-idUSLK121227/> (accessed: 27.04.2026).

³ Iceland police and protesters clash // Aljazeera. – 22.01.2009. – Mode of access: <https://www.aljazeera.com/news/2009/1/22/iceland-police-and-protesters-clash> (accessed: 27.04.2026).

щих групп в центре города¹. В день акции участники правого марша захватили и подожгли транспаранты антифашистов, а также отобрали у контрпротестующих палестинский флаг. После этого полиция резко вмешалась: были задействованы сотрудники спецподразделений, лошади и служебные собаки, задержан 41 человек. Журналист Helsingin Sanomat заявил, что «никогда не видел столько полицейских на демонстрации»². Логика действий полиции описывалась через необходимость разделить группы, удержать контроль над общественным пространством и предотвратить дальнейшие столкновения.

Все три эпизода различаются по времени, стране, политическому контексту, идеологическому составу участников и масштабу конфликта. Однако во всех случаях повторяется общая последовательность. Полиция интерпретирует протестные действия как потенциальную угрозу безопасности, усиливает контроль пространства, ограничивает движение или сближение участников, а затем переходит к резким насильственным действиям. Протестующие, в свою очередь, воспринимают усиленное присутствие полиции как давление и ограничение своих прав на выражение недовольства.

При этом выбор Швейцарии, Исландии и Финляндии в качестве примеров важен из-за общего институционального фона. Во всех этих странах образцовая полиция, и более того, одни из лучших полицейских структур в мире. В опросе OECD Trust Survey 2023 полиции доверяли 75% граждан Швейцарии, 73% граждан Исландии и 87% граждан Финляндии³; при этом Финляндия показала самый высокий уровень доверия к полиции среди исследуемых стран. В Глобальном индексе миролюбия (*Global Peace Index*), исходя из уровня внутренней и внешней агрессии, в 2025 г. Исландия заняла 1-е место, Швейцария – 5-е, Финляндия –

¹ Police detain counter-protesters at far-right march // Ylesradio. – 06.12.2024. – Mode of access: <https://yle.fi/a/74-20129751> (accessed: 27.04.2026).

² 612 march sparks clashes, arrests, and Nazi salute accusations // HELSINKI TIMES. – 08.12.2024. – Mode of access: <https://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/25848-612-march-sparks-clashes-arrests-and-nazi-salute-accusations.html> (accessed: 27.04.2026).

³ Trust Survey International Comparisons 2023 // CSO. – 2023. – Mode of access: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-trsic/trustsurveyinternationalcomparisons2023/results/> (accessed: 27.04.2026).

10-е¹. Кроме того, эти страны находятся в верхней группе Индекса верховенства права Всемирного банка: на 12-м, 5-м и 1-м месте соответственно².

Как видно из этих примеров, внезапная эскалация насилия возможна даже там, где ее вероятность, на первый взгляд, должна быть нулевой или низкой. Все три страны являются устойчивыми демократиями и ассоциируются с высоким доверием, а также сдержанностью и эффективным поддержанием порядка со стороны полиции. Однако во всех трех случаях полиция использовала силу против участников акции. Это подводит нас к теоретической проблеме: почему в демократиях, где протесты разрешены и вшиты в саму институциональную основу, между полицией и протестующими может резко вспыхнуть насилие?

Ловушка Гоббса в уличных протестах

Наша работа находится на пересечении ряда исследовательских направлений. Литературу о причинах государственного насилия в отношении протестующих и про переход от мирного протеста к насильственному можно условно поделить на три направления. Первое связано с изучением связи между репрессиями и протестной активностью (Protest-Repression Nexus): здесь центральным является вопрос о том, сдерживает ли государственное принуждение протест или, напротив, создает условия для его усиления [Lichbach, 1987; Moore, 1998; Davenport, 2007]. Второе направление рассматривает причины протестного насилия, включая организационную слабость движения, снижение относительных издержек от перехода к насильственным тактикам, включение радикальных флангов и эффект предшествующих репрессий [Haines, 1984; della Porta, 1995; Ives, Lewis, 2019; Chenoweth, 2023]. Третье связано с исследованиями по теме охраны общественного порядка (protest policing), где внимание сфокусировано на полиции как организации (или корпорации), их профессиональную культуру и практики

¹ Global Peace Index 2025. – Mode of access: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2025/06/GPI-2025-web.pdf> (accessed: 27.04.2026). P. 8.

² Rule of law – Country rankings // The global economy. – Mode of access: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_ruleoflaw/ (accessed: 27.04.2026).

поддержания порядка [della Porta, Reiter, 1998; Waddington, 1999; Reynolds-Stenson, 2017].

Отдельно стоит выделить вклад отечественных исследователей. Прежде всего речь идет о работах А.В. Коротаева и его соавторов, в которых рассматриваются демографические, социальные и экономические факторы возникновения насильственных и ненасильственных протестов [Коротаев, 2014; Коротаев, Сойер, Гринин, Шишкина, Романов, 2020; Романов, Мещерина, Коротаев, 2021; Устюжанин, Сумерников, Гринин, Коротаев 2022; Устюжанин, Гринин, Медведев, Коротаев 2022]. Существенное значение для данной проблематики имеют и исследования А.С. Ахременко и его соавторов, посвященные влиянию силового подавления на протестную мобилизацию и коммуникацию, а также долгосрочным эффектам репрессий [Ахременко, Филиппов, 2019; Ахременко, Беленков, Петров, 2021; Беленков, 2024].

Динамика насилия в приведенных выше случаях может быть описана через модель ловушки Гоббса (Hobbesian Trap), которая описывает столкновение полиции и протестующих как ситуацию взаимного недоверия, в которой действия каждой стороны усиливают худшие ожидания другой. Т. Гоббс описывал ее как часть естественного состояния: «из этого взаимного недоверия людей друг к другу нет более разумного пути для человека к обеспечению своей жизни, как принятие предупредительных мер, т.е. силой или хитростью держать в узде всех тех, кого он может, до тех пор пока не убедится, что нет другой силы достаточно внушительной, чтобы быть для него опасной» [Гоббс, 1936, с. 114].

В теории международных отношений эта логика получила развитие в концепции дилеммы безопасности (*Security Dilemma*). Г. Баттерфилд и Дж. Херц описывали ее как ситуацию, при которой меры самозащиты одного актора порождают страх у другого и запускают взаимное наращивание силы [Butterfield, 1951; Herz, 1950]. Р. Джервис показал, что ключевое значение здесь имеет неопределенность намерений: сторона может не иметь наступательных планов, но ее действия все равно будут интерпретированы как угроза, если у другой стороны отсутствуют надежные способы отличить оборону от нападения [Jervis, 1978]. К. Бут и Н. Уилер позднее подчеркнули, что дилемма безопасности связана не только с материальными возможностями сторон, но и с их интерпретациями, страхами, памятью прошлых конфликтов и ожиданиями от будущего поведения [Booth, Wheeler, 2008].

В протестном конфликте эта логика переносится с отношений между государствами на отношения между полицией и протестующими. Стороны также действуют в условиях неполной информации и взаимного недоверия.

На уровне полиции эта логика проявляется через усиление контроля. Перед акцией, особенно потенциально конфликтной, полиция выводит дополнительные подразделения, устанавливает барьеры, перекрывает маршруты, готовит транспорт для задержанных, использует защитное обмундирование, спецсредства, водометы, конные подразделения, служебных собак и т.д. В рамках полицейской логики все это может рассматриваться как профилактика: их задача – не допустить травмы, разрушения или оккупацию общественных пространств. Однако для протестующих такая подготовка может выглядеть как заранее принятое решение о силовом подавлении. Видимая готовность полиции к насилию становится сигналом, который способен поменять настроение толпы.

На уровне протестующих ответная логика может принимать разные формы. Часть участников начинает воспринимать полицию как источник угрозы и готовиться к защите: использовать маски, каски, плотные построения, импровизированные щиты, палки и т.д. Радикальные группы могут воспринять широкое присутствие полиции как доказательство невозможности мирных переговоров и перейти к насильственным тактикам. Даже если большинство протестующих не планирует использовать насилие, отдельные броски предметов, попытки прорыва оцепления или сопротивление задержанию подтверждают в глазах полиции предположения о потенциальной угрозе со стороны протеста.

Особое значение имеют *наличие и качество обратной связи* между полицией и протестующими. Там, где существуют переговорные каналы и коммуникация с организаторами, а также понятные и устоявшиеся маршруты движения протестующих, снижается неопределенность намерений и повышается доверие. Если же эти каналы отсутствуют или воспринимаются сторонами как фиктивные, любое действие легче воспринимается как угрожающее. Например, для полиции молчание со стороны организаторов, отказ от согласования или изменение маршрута могут выглядеть как подготовка к нарушению порядка. В свою очередь, для протестующих отсутствие объяснений со стороны полицейского руководства, внезапное оцепление или блокирование прохода выглядят как подготовка к силовому разгону.

Протестное и полицейское насилие: проблема понятий

Насилие относится к числу категорий, которые кажутся интуитивно понятными только до тех пор, пока мы не пытаемся исследовать его. В повседневном языке насилием могут называть широкий набор близких понятий, включая физическое нападение, принуждение, угрозу, административное давление, символическое унижение, разрушение имущества, а то и вовсе – существование устойчивого социального неравенства [Родионова, Смирнов, 2022]. Такая широта создает проблему – при чрезмерном расширении понятие размывается. Однако при излишнем сужении из определения могут выпасть важные формы принуждения.

Эта проблема отчетливо прослеживается в классической литературе о насилии. Х. Арендт предлагала жестко разделять власть и насилие: власть возникает из согласия в группе, тогда как насилие является последним инструментом подчинения, если все другие элементы власти больше не действуют [Arendt, 1970]. Для В. Бенямина, напротив, центральной была связь насилия и права: он различал правоустанавливающее и правоподдерживающее насилие, показывая, что право не только ограничивает силу, но и само воспроизводится через санкционированное принуждение¹. Й. Галтунг расширил поле анализа, предложив различать прямое и структурное насилие: первое связано с непосредственным причинением вреда, второе – с социальными структурами, систематически ограничивающими возможности людей [Galtung, 1969]. Ч. Тилли рассматривал коллективное насилие реляционно – как результат взаимодействия групп, организаций и политических предпринимателей, встроенных в конкретные конфигурации власти и мобилизации [Tilly, 2003].

В этом вопросе особенно важна работа Б.Г. Капустина «К понятию политического насилия», в которой показано, что политическое насилие нельзя рассматривать как внешнюю аномалию по отношению к политике, поскольку оно встроено в сами отношения власти, господства, сопротивления и подчинения [Капустин, 2003]. Ключевой тезис автора состоит в том, что насилие является нормативно нагруженным понятием: спор о насилии – это всегда спор о том, чьи действия признаются разумными, законными и не-

¹ Вальтер Бенямин. К критике насилия. – Режим доступа: https://intelros.ru/pdf/Kultivator_1/16.pdf?ysclid=moinhzbr47996890662 (дата посещения: 27.04.2026).

обходимыми, а чьи описываются как преступные, иррациональные и разрушительные. В протестном конфликте это особенно важно. Разгон толпы может быть представлен государством как восстановление порядка, а протестующими – как подавление. Прорыв оцепления может быть описан полицией как нападение, а участниками акции – как сопротивление незаконному ограничению движения. Следовательно, насилие в политике всегда существует в двойном измерении: как физическое действие и как борьба за его интерпретацию.

Мы опираемся на *минималистское* определение насилия как форму принудительного действия, связанную с причинением физического вреда людям, ограничением их телесной автономии, а также с целенаправленным материальным ущербом. Это определение занимает промежуточную позицию между узкой, чисто «физической» трактовкой и чрезмерно широким пониманием насилия как элемента психологии или структурного неравенства. Наше определение позволяет учитывать все разнообразие репертуара полиции и протестующих.

Однако принципиально важно различать протестное и полицейское насилие. Протестное насилие исходит от участников акции или связанных с ней групп. К нему относятся нападения на сотрудников полиции, бросание камней, бутылок, пиротехники и иных предметов, драки, поджоги, разрушение объектов, прорывы оцеплений, а также различные формы материального ущерба. При этом протестное насилие нельзя отождествлять со всей протестной кампанией. Даже в рамках особо конфликтных протестов насильственные действия часто совершаются меньшинством участников, радикальным флангом или ситуативными группами. Однако в восприятии полиции эти действия способны стать характеристикой всего протеста и заставить сотрудников перейти к жестким мерам.

Полицейское насилие, в свою очередь, является совокупностью принудительных действий полиции, направленных против участников протестной акции. Оно может выражаться в применении физической силы, дубинок, слезоточивого газа, перцовых баллончиков, водометов, резиновых пуль, служебных собак, конных подразделений, тактик окружения и вытеснения, массовых задержаний и иных средств подавления. В данном случае речь идет не только о незаконном или заведомо неправомерном насилии. Полицейское насилие может быть формально санкционированным, процедурно оформленным и оправданным аргументом о необхо-

димости сохранения общественного порядка и предотвращения беспорядков.

Такой подход позволяет избежать двух упрощений. Первое связано со сведением полицейского насилия исключительно к жестокости или превышению полномочий. Это сужает исследовательскую перспективу, поскольку в реальных протестных столкновениях значительная часть силовых действий полиции осуществляется внутри официального репертуара поддержания порядка. Жесткие тактики и применение спецсредств могут быть правомерными с точки зрения национального законодательства, но при этом способны усиливать конфликт, радикализовать протестующих и запустить ответную мобилизацию. Второе упрощение связано с представлением о протестном насилии как о простом отклонении мирного протеста. Насильственные тактики могут возникать спонтанно, но также быть следствием организационной слабости движения, отсутствия лидера, недавних репрессий, падения доверия к государству или ощущения, что ненасильственные действия больше не дают результата [Lichbach, 1987; Moore, 1998; Sullivan, 2018; Ives, Lewis, 2019; Chenoweth, 2023].

Отсюда следует важное различие между насилием как единичным действием и эскалацией насилия как процессом. Единичный эпизод насилия фиксирует факт применения силы или материального разрушения. Эскалация указывает на динамику, включая рост интенсивности, частоты, масштаба или жесткости насильственных действий. В протестной кампании эскалация может проявляться как количественно (через увеличение числа задержанных, раненых, пострадавших сотрудников полиции и разрушенных объектов), так и качественно (через расширение репертуара инструментов и тактик).

При этом между протестным и полицейским насилием существует асимметрия. Полиция обладает институциональным правом на легитимное применение силы и действует от имени общественного порядка. Ее насилие встроено в правовые процедуры, командные структуры, должностные инструкции и политические решения. Протестующие не обладают таким правом; их насилие часто описывается как нарушение порядка, даже когда сами участники объясняют его самообороной, ответом на действия полиции или общим произволом со стороны властей и нелегитимностью режима. Эта асимметрия означает, что одинаковые по физическому эффекту действия получают разный политический статус. Удар дубинкой, нанесенный полицейским, и удар палкой, нанесенный

протестующим, могут быть похожи как телесное воздействие, но различаются по институциональному положению субъекта, языку оправдания и последствиям для дальнейшей динамики конфликта.

При этом признание асимметрии не должно превращать полицию в безличный инструмент государства. Она является организацией со своими профессиональными нормами, представлениями об угрозе, корпоративной солидарностью и опытом прошлых столкновений [Reynolds-Stenson, 2017]. В классической формуле Э. Битнера полиция выступает институтом, которому общество поручает реагирование на ситуации, где может потребоваться применение силы [Bittner, 1970, p. 39]. Именно поэтому полицейское насилие встроено в саму функцию поддержания порядка. Данная мысль в дальнейшем раскроет понимание причин казалось бы внезапной протестной эскалации.

Эта асимметрия не отменяет ловушку Гоббса. Напротив, она делает ее более устойчивой. Поскольку полиция обладает правом на применение силы, ее превентивные действия легче получают официальное оправдание через язык порядка, безопасности и предотвращения ущерба. Поскольку протестующие лишены аналогичного институционального статуса, их ответное сопротивление чаще описывается как нарушение закона или беспорядки. Это различие способствует раскручиванию спирали.

Здесь возникает принципиальное ограничение модели. Ловушка Гоббса хорошо описывает форму эскалации: взаимное недоверие, ожидание худшего сценария, упреждающие действия, ошибочное чтение намерений и «самосбывающееся пророчество» об угрозе. Однако сама по себе она не объясняет, почему одни акции остаются конфликтными, но управляемыми, тогда как другие заканчиваются насилием.

Следовательно, ловушка Гоббса является необходимой, но недостаточной для объяснения динамики конкретных кейсов. Она показывает, как раскручивается спираль насилия, но требует уточнения через конкретные механизмы, запускающие и поддерживающие эту спираль.

Механизмы эскалации полицейского насилия

Таким образом, если ограничиваться моделью ловушки Гоббса, почти любое жесткое столкновение между протестующими и полицией можно описать как результат страха и взаимной подо-

зрительности. Такая трактовка полезна, но она оставляет открытым главный вопрос: какие именно звенья являются соединительными, ключевыми, в этой цепи?

Для ответа на него необходим, подход, фокусирующий на выявлении механизмов и процессов. В классической формулировке Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. МакАдама, механизмы представляют собой ограниченную совокупность событий, которые схожим образом изменяют отношения между определенными наборами элементов в разных ситуациях [McAdam, Tarrow, Tilly, 2001, p. 24; Tilly, Tarrow, 2015, p. 29]. Это определение важно по двум причинам. Во-первых, оно позволяет избежать поиска одной универсальной причины эскалации. Протестное и полицейское насилие редко возникают из одного источника. Во-вторых, оно переводит анализ с уровня отдельных факторов и триггеров на уровень последовательностей и помогает ответить на вопросы: какие события следуют друг за другом, как они меняют восприятие акторов и почему после этого насилие становится более вероятным? В-третьих, механизмы предполагают гибкость и универсальность. Авторы механистического подхода Исследователи, использовавшие данный подход, фиксировали новые механизмы в ходе изучения кейсов. Более того, они признавали, что их подход является концептуальным фундаментом для формулирования других механизмов, и призывали других исследователей делать это. Так, К. Раслер на основе кейса Египетской революции 2011 г. предложила два оригинальных механизма: *«социальное присвоение мобилизованных ресурсов»* и *«стратегия властей: кнут или пряник»* [Rasler, 2017]. Первый отражает то, как протестные группы используют старые или формируют новые сети и институты для координации действий, а второй – реакцию властей на протестную мобилизацию: репрессии (кнут) или уступки (пряник), либо их совмещение, где уступки предлагаются умеренным группам, а репрессии применяются по отношению к радикальным.

В нашей предыдущей статье, изучая кейсы экстраординарно-го насилия в ходе антиковидных протестов в Австралии (2020–2021) и Нидерландах (2021–2022), а также протестов против неравенства в Чили (2019–2020), мы сформулировали три механизма со стороны государства и полиции [Клестов, 2025]. Каждый из них действует на своем уровне. Однако, в отличие от прошлой работы, где механизмы в первую очередь были сформированы на основе анализа кейсов, в рамках этой мы существенно модифицируем их,

связем с теоретической литературой и дополним тремя новыми механизмами.

Первый механизм – *чрезвычайность*. Его суть состоит в том, что государство переводит протест или более широкий кризис в особый правовой режим. Это может происходить в рамках полноценного чрезвычайного положения или его элементов, включая комендантский час, особые санитарные ограничения, запрет массовых мероприятий, расширение полномочий полиции, специальные муниципальные указы или иные чрезвычайные меры. В таком режиме полиция получает больше возможностей для превентивного вмешательства, а сама акция легче квалифицируется как нарушение особых правил.

С точки зрения теории этот механизм связан с литературой о чрезвычайном положении. К. Шмитт видел в чрезвычайном положении предельную ситуацию, в которой суверен проявляет свою власть через способность приостанавливать обычный правовой порядок [Schmitt, 2005]. В дальнейшем Дж. Агамбен радикализовал этот тезис, считая, что чрезвычайность в современных демократиях имеет тенденцию из временной меры превращаться в нормальный парадигмальный способ управления, при котором право не исчезает, а начинает действовать через частичное самостоятельное приостановление, создавая зону неопределенности между законностью и насилием [Agamben, 2005]. Эта зона выгодна государству, поскольку позволяет не обременять себя существующими сдержками и противовесами. В полной мере это проявилось во время пандемии COVID-19, когда демократические европейские страны, пользуясь чрезвычайностью, активно создавали подобные зоны неопределенности для санитарного надзора и принуждения.

Однако другие современные авторы, анализирующие чрезвычайное право в либеральных демократиях, показывают более сложную картину: речь чаще идет не о полном выходе за пределы права, а о создании специальных правовых режимов, где расширение исполнительной власти и силовых полномочий получает процедурное оформление [Gross, Ni Aoláin, 2006; Lazar, 2009]. Механизм чрезвычайности также близок к теории секьюритизации, в рамках которой особые меры становятся возможными после того, как проблема начинает восприниматься государством как угроза, требующая срочного вмешательства [Buzan, Waeber, de Wilde, 1998].

В протестной динамике чрезвычайность меняет саму рамку политического действия. Участие в акции начинает оцениваться как нарушение кризисного режима. Протест превращается в сани-

тарную угрозу, нарушение комендантского часа или отказ подчиниться специальному распоряжению. Для полиции это снижает порог вмешательства: разгон или задержание могут быть обоснованы уже самим фактом присутствия людей в запрещенном месте или в запрещенное время.

Механизм чрезвычайности запускается не всякий раз, когда протест становится массовым или конфликтным. Чрезвычайность возникает там, где у исполнительной власти уже есть правовой или административный ресурс для расширения полномочий полиции (в том числе в силу иных внешних обстоятельств, например, санитарных ограничений или антитеррористических мер), а также политический интерес представить протестные действия как нарушение особого режима. Причины могут быть различны – от оправдания провальных решений до страха за устойчивость рейтингов популярности.

Так, во Франции после терактов 2015 г. чрезвычайное положение использовалось для ограничения климатических протестов, включая запрет массовых акций и помещение активистов под домашний арест¹. В Нидерландах в январе 2021 г. антиковидные протесты разворачивались вокруг комендантского часа, с чем были связаны жесткие разгоны первых акций в Амстердаме и Эйндове [Клестов, 2025]. В Чили в октябре 2019 г. введение чрезвычайного положения и комендантского часа после начала массовых протестов также сформировало правовую рамку для резкого расширения силового репертуара карабинеров [там же].

Второй механизм – *маргинализация*. Он действует на символическом уровне и связан с изменением публичного статуса протестующих. Исполнительная власть, политические лидеры и руководство полиции могут описывать участников акции как преступников, экстремистов, радикалов, мародеров, врагов общества и маргинальное меньшинство. Этот механизм особенно важен, поскольку политическое насилие нуждается в языке оправдания. Прежде чем применить силу, необходимо объяснить, почему ее использование допустимо.

В теоретическом отношении маргинализация близка к исследованиям фрейминга, стигматизации и делегитимации коллективных акторов. В литературе о социальных движениях фреймы пони-

¹ Paris climate activists put under house arrest using emergency laws // CSO. – Mode of access: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-trsic/trustsurveyinternationalcomparisons2023/results/> (accessed: 25.05.2026)

маются как схемы интерпретации, в рамках которых протестующие и социальные движения формируют смысл своих действий [Snow, Benford, 1988]. Власти также создают фреймы: они могут описывать протест как законное выражение интересов, случайное нарушение порядка, угрозу безопасности или в качестве преступного насилия. Здесь также проявляется логика стигмы И. Гоффмана, когда определенная группа получает публичную метку, снижающую ее моральный статус и позволяющую иначе обращаться с ее представителями [Goffman, 1963]. В исследованиях репрессий близкая логика видна у М. Джошуа, которая объясняла легитимацию репрессий в автократиях через стигматизацию политических оппонентов [Josua, 2021]. Авторитарная власть клеймит протестующих и оппонентов «террористами» и «агентами Запада», подавая репрессии против них как защиту государства и общества.

Механизм маргинализации запускается, если власть имеет возможность и цель ослабить легитимность и обоснованность недовольства протестующих протестующих и тем самым уменьшить политические издержки от силового вмешательства и протеста в целом. Запуску такого механизма способствуют несколько условий: наличие радикального фланга, отдельные эпизоды протестного насилия, идеология участников (особенно если это представители меньшинств и маргинальных течений), высокая политическая чувствительность требований, а также конъюнктурная возможность представить протест как угрозу большинству (например, в случае нарушений санитарных мер).

Так, в Нидерландах в 2021 г. премьер-министр Марк Рютте называл беспорядки против комендантского часа «преступным насилием»¹, а министр юстиции Фердинанд Грапперхаус называл погромщиков «мародерами» и «вандалами»². В Чили в 2019 г. президент Себастьян Пиньера в ходе протестов против неравенства заявил, что «мы находимся на войне с могущественным и беспощадным врагом»³, усиливая восприятие протестной мобилизации как угрозы государству и общественному порядку.

¹ Covid: Dutch PM Mark Rutte condemns curfew riots as 'criminal violence' // BBC. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-55796126> (accessed: 25.05.2026).

² Grapperhaus: 'We gaan schade verhalen op plundersaars en vernielers' // Media dpg. – Mode of access: <https://www.ad.nl/politiek/grapperhaus-we-gaan-schade-verhalen-op-plundersaars-en-vernielers~a28724c6/> (accessed: 25.05.2026).

³ Presidente Piñera: "Estoy seguro de que, con la unidad de todos los chilenos, vamos a derrotar a los violentistas y vamos a recuperar el país en paz y el país con

Маргинализация соответствует модели ловушки Гоббса, поскольку она заранее усиливает подозрения полиции в отношении протестующих. Если участники акции уже описаны как преступники или экстремисты, то их поведение будет интерпретироваться через эту рамку. Даже мирные граждане могут попасть под действие общей стигмы, если отдельные группы внутри акции совершают насильственные действия.

Для протестующих маргинализация имеет обратный эффект. Когда власть заранее отказывает им в статусе легитимного политического субъекта, то снижается доверие к переговорам и процедурам. Участники начинают воспринимать полицию и власть как сторону, которая уже сделала выбор в пользу репрессий. Это может укреплять солидарность внутри движения, усиливать радикальный фланг и снижать издержки конфронтационного поведения. Поэтому маргинализация меняет ожидания обеих сторон и тем самым увеличивает вероятность эскалации насилия.

Третий механизм – *безопасность*. Он является центральным. Его суть состоит в том, что полиция начинает рассматривать протест через призму предотвращения угрозы общественному порядку, контроля пространства и недопущения ущерба. В этой логике главной целью полиции становится удержание контроля над площадью, правительственными зданиями, транспортными маршрутами, городской логистикой и т.д.

Механизм безопасности связан с базовой функцией полиции. Напомним, что в классическом определении Э. Биттнера полиция является институтом, которому общество поручает реагирование на ситуации, где может потребоваться применение силы [Bittner, 1970]. Поэтому полицейское восприятие протеста неизбежно отличается от отношения к ним политических партий, судов, медиа или гражданских организаций. Полиция вступает в конфликт не только в момент преступления или явного насилия, но и тогда, когда с ее точки зрения порядок, управляемость и безопасность, могут быть утрачены. Именно поэтому механизм безопасности не требует предварительной криминализации протеста в строгом правовом смысле. В литературе по *public order policing* это связывается с тем, что полицейское управление протестами строится вокруг оценок угроз и рисков, причем сами эти оценки нередко оказываются шире, чем просто опасность физического вреда, и включают репу-

тационные издержки, угрозу утраты контроля и возможность подрыва легитимности полиции [della Porta, Reiter, 1998; Waddington, 1999; Reynolds-Stenson, 2017; Leach, 2023].

В модели ловушки Гоббса механизм безопасности работает через превентивность. Полиция действует до того, как «угроза» реализовалась, перекрывая улицу до прорыва, разделяя группы до массовой драки, вытесняя толпу до захвата здания и задерживая активных участников до широкого распространения беспорядков. В рамках полицейской логики это выглядит как предотвращение худшего сценария. Для протестующих же эти действия являются необоснованным применением силы и фактическим нападением, что в их восприятии легитимирует насильственный ответ.

В отличие от чрезвычайности и маргинализации, безопасность может срабатывать без жесткой риторики и без формального чрезвычайного режима. Полиция может действовать жестко просто потому, что видит угрозу порядку в конкретной ситуации. Так, в приведенном кейсе разгона антифашистского шествия в Хельсинки в 2024 г. логика безопасности проявилась в стремлении полиции разделить конфликтующие группы и удержать контроль над центральной площадью. При разгоне протестов в Давосе и Берне в 2003 г. полиция руководствовалась необходимостью ограничить доступ к чувствительной зоне у здания, где проходил Всемирный экономический форум. В Рейкьявике в 2009 г. полиция применила спецсредства для предотвращения ущерба правительственным зданиям и травм сотрудников полиции.

Именно поэтому механизм безопасности способен воспроизводиться вне зависимости от степени демократичности режима или эффективности и доброжелательности полиции. Любая полиция в рамках демократического режима в ходе протеста способна эскалировать насилие для активации механизма безопасности. Достаточно ситуации, в которой полиция воспринимает потерю контроля как недопустимый риск.

Однако безопасность часто усиливается чрезвычайностью и маргинализацией. Первая дает правовую базу для вмешательства и расширения полицейского репертуара, а вторая снижает моральные и политические издержки для применения силы. Безопасность превращает эти возможности в оперативные решения, включая силовой разгон, окружение, задержания и т.д. В этом смысле три механизма образуют последовательность, хотя в реальности их порядок может различаться. В одних случаях сначала вводится чрезвычайная рамка, затем протестующие маргинализируются,

после чего полиция действует из логики безопасности. Так произошло в Австралии и Нидерландах в ходе антиковидных протестов [Клестов, 2025]. В других случаях первым срабатывает механизм безопасности, а чрезвычайные меры и маргинализирующая риторика появляются уже после первых столкновений в качестве способа оправдания и закрепления жесткого ответа. Подобное наблюдалось в Чили во время протестов против неравенства [Клестов, 2025].

Механизмы протестной эскалации

Для полноты модели необходимо сформулировать ответные механизмы со стороны протестующих.

Первый из них – *защитная мобилизация*. Когда участники акции ожидают жестких действий полиции, они начинают готовиться к самообороне: используют маски, каски, защитные очки, плотные построения, средства связи, группы взаимопомощи и находят способы противодействия задержаниям [Moore, 1998; Kadi-var, Ketchley, 2018]. С точки зрения протестующих это способ снизить издержки от полицейского насилия.

При этом защитная мобилизация может выражаться и в росте количества участников. Чем больше численность протестующих, тем ниже становятся индивидуальные риски участия и выше видимость протеста и чувство коллективной защищенности. Однако с точки зрения полиции, рост числа участников может означать угрозу потери пространственного контроля и риск начала и распространения беспорядков. Поэтому вовлечение максимально возможного количества граждан в протест способно одновременно как его усилить, так и повысить вероятность того, что полиция начнет воспринимать акцию как угрозу порядку.

Второй ответный механизм – *снижение издержек насилия*. После первых задержаний, травм, разгонов или унижительных действий со стороны полиции часть протестующих может прийти к выводу, что мирное поведение является неподходящей тактикой. В этом случае насилие начинает восприниматься как менее дорогостоящее или более оправданное коллективное действие. Здесь важна логика Б. Айвса и Дж. Льюиса: вероятность перехода от мирной демонстрации к беспорядкам увеличивается, когда относительная цена насилия снижается по сравнению с ненасилием [Ives, Lewis, 2019]. Внутри «ловушки Гоббса» это означает, что полицей-

ская сила, примененная для восстановления порядка, может изменить расчет части протестующих в пользу конфронтации.

Третий ответный механизм – *радикализация флангов*. Группы радикалов внутри движения могут использовать полицейское насилие как доказательство бесперспективности умеренной тактики. В этой логике работает описанный Х. Хейнсом «эффект радикального фланга»: активное меньшинство способно менять восприятие всего движения внешними акторами и влиять на положение его умеренной части [Haines, 1984]. В исследовании о радикализации и взаимной эскалации в ходе протестов в Италии и Германии в 1960-х и 1970-х годах Д. делла Порты отмечала, что полицейское подавление и сокращение формальных и неформальных возможностей для выражения несогласия стали важными условиями радикализации активистов и перехода части движения к более жесткому набору действий [della Porta, 1995].

Важно подчеркнуть, что предложенные механизмы не предполагают автоматизма. Чрезвычайность, маргинализация и безопасность *повышают вероятность* эскалации, но *не гарантируют* ее. Многое зависит от рациональных расчетов властей, выгод и издержек насильственных действий, степени угрозы, профессиональной культуры полиции, уровня организованности протестующих, поведения радикальных флангов и памяти о прошлых столкновениях [Lichbach, 1987; Della Porta, Reiter, 1998; Paoline, 2003; Acemoglu, Robinson, 2006; Davenport, 2007; Ives, Lewis, 2019; Chenoweth, 2023].

Тропа насилия как последовательная модель

Рассмотренные механизмы позволяют представить ловушку Гоббса как последовательную модель перехода к взаимной эскалации насилия. Мы обозначаем ее как тропу насилия – цепочку событий, интерпретаций и ответных действий, в ходе которой каждая сторона получает основания считать собственное поведение вынужденным, а поведение другой стороны – угрожающим. Ее смысл состоит не в том, что насилие заранее предопределено, а в том, что после запуска механизмов каждый следующий шаг уменьшает вероятность мирного выхода из конфликта, пока он не дойдет до определенного пика. Тропа насилия представляет собой своеобразную операционализацию ловушки Гоббса для анализа

протестных столкновений, последовательность, в рамках которой она затягивает участников конфликта.

Исходной точкой, *первой стадией* тропы выступает *неопределенность намерений*. Полиция не знает, останется ли акция мирной, будут ли участники соблюдать заявленный маршрут, попытаются ли радикальные группы прорвать оцепление, атаковать политических оппонентов, заблокировать инфраструктуру или приблизиться к правительственному зданию. Протестующие, в свою очередь, не знают, будет ли полиция сопровождать акцию, ограничится ли регулированием движения или она заранее готовится к разгону, массовым задержаниям и применению спецсредств.

Вторая стадия связана с *определением угрозы*. Для полиции она может считываться по различным индикаторам. Среди них численность толпы, непредсказуемость маршрута, наличие радикальных групп, близость к правительственным зданиям и т.д. Для протестующих угроза проявляется в инструментарии полиции: усиленном присутствии, защитном обмундировании и наличии спецсредств, блокировании улиц, появлении спецтехники, конных подразделений и т.д.

Третья стадия – *первичное конфликтное действие*. Оно может исходить от полиции или протестующих. В первом случае полиция меняет маршрут, блокирует проходы или ограничивает доступ к чувствительным зонам, окружает площадь или другие открытые пространства, разделяет протестующих на группы, вытесняет участников и задерживает наиболее активных. В полицейской логике такие меры направлены на предотвращение более тяжелых последствий, включая давку, драки, повреждения имущества, прорывы к защищаемому объекту или потерю контроля над городским пространством. В другом сценарии первыми к насилию переходят протестующие в целом или отдельные радикальные группы. Они атакуют полицейскую линию, бросают предметы, пытаются прорвать оцепление, поджигают объекты или вступают в столкновение с политическими оппонентами. В этом случае насильственные действия протестующих становятся для полиции подтверждением угрозы и снижают порог для последующего силового вмешательства.

Четвертая стадия – *ответная мобилизация*. Если первичное конфликтное действие было совершено полицией, протестующие могут реагировать сопротивлением задержаниям, попытками отбить участников акции, бросками предметов или переходом к более жестким действиям. Если насилие было инициировано протестующими, то ответная мобилизация происходит уже на стороне

полиции, прежде всего это отражается в ужесточении тактик и расширении набора спецсредств. Важнейший элемент – *эффект групповой ответственности*, который происходит из-за изменения коллективного восприятия противоположной группы: насильственные действия со стороны отдельных сотрудников полиции или радикалов переносятся на всю полицию и всех участников протеста как коллективных субъектов. В обоих вариантах действия, воспринимаемые одной стороной как восстановление порядка или как вынужденная защита, другой стороной считаются как доказательство агрессивных намерений всей группы.

При этом ответная мобилизация усиливается формированием внутригрупповой идентичности. Это соответствует логике Б. Кландерманса, который писал, что участие в коллективном действии связано не только с расчетом выгод и издержек, но и с ощущением принадлежности к группе, которая переживает общий опыт несправедливости и противостояния [Klandermans, 2002]. В условиях полицейского давления такая идентичность может быстро распространяться: травмы, задержания, унижение и публичная стигматизация начинают восприниматься как опыт не отдельных участников, а всего движения. Все это повышает готовность к сопротивлению и облегчает переход к конфронтационным тактикам. Схожая логика работает и на стороне полиции. Нападения на сотрудников, повреждение полицейской собственности, включая автомобили, автобусы, спецтехнику, а в отдельных случаях также угрозы служебным собакам и лошадям усиливают корпоративную и организационную солидарность.

Пятая стадия – подтверждение исходного прогноза. Насильственные действия протестующих вызывают эффект переноса: поступки некоторых участников формируют отношение ко всему протесту. Даже если большинство не причастны к насилию, толпа начинает восприниматься как потенциально опасный коллективный субъект. Это центральный момент «ловушки Гоббса». Обе стороны подтверждают свои исходные прогнозы, в рамках которых противоположная сторона изначально была нацелена на эскалацию.

Шестая стадия – силовое вмешательство. Полиция применяет физическую силу и спецсредства, включая дубинки, газ, водометы, резиновые пули, служебных собак, конные подразделения, массовые задержания и т.д. Формально такое вмешательство вновь может быть представлено как восстановление порядка, пресечение правонарушений или защита граждан. Однако в таком случае насилие полиции становится аргументом в пользу дальнейшей про-

тестной мобилизации, а радикальные группы получают подтверждение собственных прогнозов.

Седьмая стадия – закрепление опыта столкновения. После завершения акции конфликт продолжается в публичном пространстве. Власть и полиция обращают особое внимание на насильственные действия протестующих, ущерб, травмы сотрудников и необходимость жесткого реагирования. Протестующие и сочувствующие им акторы распространяют кадры разгонов, задержаний, травм, применения спецсредств и непропорциональной силы. Каждая сторона создает нарратив, в котором ее собственные действия выглядят вынужденными, а действия противника – агрессивными. Этот опыт влияет на следующую акцию. Полиция и протестующие приходят на нее с более широким набором инструментов насилия и тактик. Подобный цикл может повториться, пока насилие не достигнет пика в рамках текущих протестных диспозиций, после чего начнется деэскалация.

В схематичном виде тропа насилия выглядит следующим образом: неопределенность намерений – определение угрозы – превентивное действие – ответная мобилизация – подтверждение исходного прогноза – силовое вмешательство – закрепление памяти столкновения. Эта последовательность не является универсальной в строгом смысле: отдельные стадии могут выпадать, меняться местами или происходить почти одновременно. Однако она позволяет увидеть, как именно реконструируется общий механизм «ловушки Гоббса».

Такая модель позволяет избежать двух крайностей. С одной стороны, она не сводит эскалацию к приказу сверху. Политические решения и правовые режимы имеют значение, но насильственная динамика часто формируется на уровне полицейских интерпретаций, пространственного контроля и ситуативных столкновений. С другой стороны, она не сводит насилие к хаосу протеста или случайной эмоциональной вспышке. Даже спонтанный эпизод обычно встроен в длинную цепочку событий.

Модель тропы насилия также показывает, почему насилие необходимо предотвращать на ранних стадиях. Когда конфликт перешел к стадии силового вмешательства и закреплению памяти о столкновении, влияние накопленного опыта взаимной враждебности увеличивает вероятность эскалации на следующей акции. Снизить вероятность эскалации значительно легче до запуска описанных механизмов. Для этого важно разрешать протестные акции, иметь каналы для переговоров с протестующими, отказываться от кол-

лективной стигматизации участников протестов, контролировать действия полиции и заставлять ее сотрудников отличать реальные действия от угроз. Подробно это было раскрыто на примере антиковидных протестов в австралийском Брисбене в 2020–2021 гг., где, в отличие от Мельбурна и Сиднея, механизмы эскалации не были запущены, благодаря чему все демонстрации прошли мирно [Клестов, 2025].

Заключение и дальнейшие направления исследований

В теории сформулированная нами модель позволяет рассматривать эскалацию протестного и полицейского насилия как взаимосвязанный процесс. Ее ядро составляет последовательность, в которой страх порождает упреждение, упреждение порождает ответное сопротивление, сопротивление подтверждает образ угрозы, а последующее применение силы закрепляет опыт конфликта, что повышает вероятность его воспроизводства. Именно поэтому анализ насилия во время протестов требует внимания не только к тому, кто первым применил силу, но и к тем шагам сторон, которые приводят к неизбежности насилия.

Ограничение же предложенной модели связано с ее априорными свойствами. Она описывает типовую траекторию эскалации, но не заменяет анализ конкретных кейсов. Для проверки модели необходимы дальнейшие исследования протестных кампаний с разными исходами: жесткая эскалация, умеренные действия, успешная деэскалация и отсутствие эскалации.

Однако проверка требует и соответствующей методологии, в рамках которой можно отличить ловушку Гоббса от других объяснений. На наш взгляд, наиболее подходящим для этого методом является отслеживание процессов (*process tracing*), поскольку речь идет именно о последовательности интерпретаций, решений и ответных действий. Для подтверждения тропы насилия необходимо показать, что стороны действовали в условиях неопределенности намерений, и поступки одной стороны были восприняты другой как угроза, а первичное конфликтное действие изменило коллективное восприятие другой стороны. В результате насилия становилось больше на основе взаимного подтверждения исходных ожиданий.

Еще одно направление дальнейших исследований связано с использованием булевой алгебры в рамках качественного сравнительного анализа (QCA). Предложенные нами механизмы могут

рассматриваться как сочетания условий, создающих разные траектории эскалации. В таком случае исследовательский вопрос будет состоять в том, какие конфигурации условий являются необходимыми или достаточными для полицейской и протестной эскалаций и взаимно раскручивающейся спирали насилия. Это особенно важно, поскольку один и тот же механизм может иметь разный эффект в зависимости от того, действует ли он изолированно или в связке с другими механизмами.

D.A. Klestov*

The path to violence: the “Hobbesian trap” and mechanisms of escalation in clashes between protesters and police

Abstract. The article conceptualizes the escalation of protest and police violence during street demonstrations. The theoretical framework is comprised by the model of the Hobbesian trap describing a situation in which conflict actors operate under conditions of mutual distrust, expect the worst-case scenario and take preventive actions, thereby increasing the likelihood of violent confrontation. Using protest episodes in Switzerland, Iceland and Finland, the article shows that sharp escalation may occur even in countries characterized by high public trust in the police, strong rule of law and low levels of political violence. The article clarifies the conceptual distinction between protest violence and police violence and emphasizes their asymmetric and relational character: the police possess an institutional right to use force, while protesters lack a comparable status, yet the actions of each side become signals, threats or justifications for the other. The central argument is that the Hobbesian trap requires a mechanistic specification. To this end, the article identifies three mechanisms of escalation on the side of the state and the police: emergency, marginalization and security. These mechanisms correspond to reactive mechanisms on the side of protesters: defensive mobilization, reduced costs of violence and radical flank radicalization. Together, they form the “path of violence” – a sequential model of transition from uncertainty of intentions to threat definition, preventive action, reactive mobilization, confirmation of initial expectations, coercive intervention and consolidation of the experience of confrontation.

Keywords: protests; police; police violence; protest violence; escalation; Hobbesian trap; cycle of violence; mechanisms.

For citation: Klestov D.A. The path to violence: the “Hobbesian Trap” and mechanisms of escalation in clashes between protesters and police. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 274–300. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.13>

* Klestov Daniil, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: klestov-57@mail.ru

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. *Economic origins of dictatorship and democracy*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 416 p.
- Agamben G. *State of exception*. Chicago: University of Chicago press, 2005, 95 p.
- Arendt H. *On violence*. New York: Harcourt, brace and world, 1970, 106 p.
- Belenkov V.E. Long-term influence of the strength of repression in online and offline environments on the number of participants in post-election protests: a cross-national empirical study. *Politeia*. 2024, Vol. 112, N 1, P. 164–186. DOI: <http://www.doi.org/10.30570/2078-5089-2024-112-1-164-186> (In Russ.)
- Bittner E. *The functions of the police in modern society: a review of background factors, current practices, and possible role models*. Washington, DC: National institute of mental health, center for studies of crime and delinquency, 1970, 122 p.
- Booth K., Wheeler N.J. *The security dilemma: fear, cooperation and trust in world politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008, 364 p.
- Butterfield H. *History and human relations*. London: Collins, 1951, 254 p.
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: a new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner publishers, 1998, 239 p.
- Chenoweth E. The role of violence in nonviolent resistance. *Annual review of political science*. 2023, Vol. 26, P. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051421-124128>
- Davenport C. State repression and political order. *Annual review of political science*. 2007, Vol. 10, P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.101405.143216>
- Della Porta D. *Social movements, political violence, and the state: a comparative analysis of Italy and Germany*. Cambridge: Cambridge university press, 1995, 270 p.
- Della Porta D., Reiter H. (eds). *Policing protest: the control of mass demonstrations in Western democracies*. Minneapolis: University of Minnesota press, 1998, 302 p.
- Galtung J. Violence, peace, and peace research. *Journal of peace research*. 1969, Vol. 6, N 3, P. 167–191. DOI: <https://doi.org/10.1177/002234336900600301>
- Goffman E. *Stigma: notes on the management of spoiled identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963, 147 p.
- Gross O., Ní Aoláin F. *Law in times of crisis: emergency powers in theory and practice*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 481 p.
- Haines H.H. Black radicalization and the funding of civil rights: 1957–1970. *Social problems*. 1984, Vol. 32, N 1, P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.2307/800260>
- Herz J.H. Idealist internationalism and the security dilemma. *World politics*. 1950, Vol. 2, N 2, P. 157–180. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009187>
- Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, forme and power of a common-wealth ecclesiastical and civil*. Moscow: Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1936, 503 p. (In Russ.)
- Ives B., Lewis J.S. From rallies to riots: why some protests become violent. *Journal of conflict resolution*. 2019, Vol. 64, N 5, P. 958–986. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002719887491>
- Jervis R. Cooperation under the security dilemma. *World politics*. 1978, Vol. 30, N 2, P. 167–214. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009958>

- Josua M. The legitimization of repression in autocracies. In: *Oxford research encyclopedia of politics*. Oxford: Oxford university press, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1988>
- Kadivar M.A., Ketchley N. Sticks, stones, and Molotov cocktails: unarmed collective violence and democratization. *Socius: sociological research for a dynamic world*. 2018, Vol. 4, P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1177/2378023118773614>
- Kapustin B.G. On the concept of political violence. *Polis. Political studies*. 2003, N 6, P. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.06.02> (In Russ.)
- Klandermans B. How group identification helps to overcome the dilemma of collective action. *American behavioral scientist*. 2002, Vol. 45, N 5, P. 887–900. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764202045005009>
- Klestov D.A. “(Not) sudden violence”: why democracies can violently suppress protests. *Politeia*. 2025, Vol. 119, N 4, P. 73–106. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2025-119-4-73-106> (In Russ.)
- Korotayev A.V. On possible economic and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2014, Vol. 7, N 1, P. 56–74. (In Russ.)
- Korotayev A.V., Sawyer P.S., Grinin L.E., Romanov D.M., Shishkina A.R. Socio-economic development and anti-government protests in light of new results of quantitative analysis of global databases. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2020, Vol. 26, N 4, P. 61–78. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642> (In Russ.)
- Lazar N.C. *States of emergency in liberal democracies*. Cambridge: Cambridge university press, 2009, 179 p.
- Leach I. “It’s on My Head”: Risk and accountability in public order policing. *The police journal: theory, practice and principles*. 2023, Vol. 96, N 1, P. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032258X211002597>
- Lichbach M.I. Deterrence or escalation? The puzzle of aggregate studies of repression and dissent. *Journal of conflict resolution*. 1987, Vol. 31, N 2, P. 266–297. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002787031002003>
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. *Dynamics of contention*. Cambridge: Cambridge university press, 2001, 387 p.
- Moore W.H. Repression and dissent: substitution, context, and timing. *American journal of political science*. 1998, Vol. 42, N 3, P. 851–873. DOI: <https://doi.org/10.2307/2991732>
- Paoline E.A. III. Taking stock: toward a richer understanding of police culture. *Journal of criminal justice*. 2003, Vol. 31, N 3, P. 199–214. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2352\(03\)00002-3](https://doi.org/10.1016/S0047-2352(03)00002-3)
- Rasler K.A. Dynamics, endogeneity, and complexity in protest campaigns. In: *Oxford research encyclopedia of politics*. Oxford: Oxford university press, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.321>
- Reynolds-Stenson H. Protesting the police: anti-police brutality claims as a predictor of police repression of protest. *Social movement studies*. 2017, Vol. 17, N 1, P. 48–63. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2017.1381592>
- Rodionova M.M., Smirnov N.M. The ship of Theseus: transformations of the concept of violence in political and social theory. *Politeia*. 2022, Vol. 106, N 3, P. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27> (In Russ.)

- Romanov D.M., Meshcherina K.V., Korotayev A.V. The share of youth in the total adult population as a factor in the intensity of nonviolent protests: a quantitative analysis. *Polis. Political studies*. 2021, N 3, P. 166–181. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11> (In Russ.)
- Schmitt C. *Political theology: four chapters on the concept of sovereignty*. Chicago: University of Chicago press, 2005, 70 p.
- Snow D.A., Benford R.D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization. *International social movement research*. 1988, Vol. 1, P. 197–217.
- Sullivan H. Sticks, stones, and broken bones: protest violence and the state. *Journal of conflict resolution*. 2018, Vol. 63, N 3, P. 700–726. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002718763932>
- Tilly C. *The politics of collective violence*. Cambridge: Cambridge university press, 2003, 276 p.
- Tilly C., Tarrow S.G. *Contentious politics*. Oxford: Oxford university press, 2015, 268 p.
- Ustyuzhanin V.V., Grinin L.E., Medvedev I.A., Korotayev A.V. Education and revolutions: why do revolutionary uprisings take violent or nonviolent forms? *Politeia*. 2022, Vol. 104, N 1, P. 50–71. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71> (In Russ.)
- Ustyuzhanin V.V., Sumernikov I.A., Grinin L.E., Korotayev A.V. Urbanization and revolutions: a quantitative analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022, N 10, P. 85–95. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8> (In Russ.)
- Waddington P.A.J. *Policing citizens: authority and rights*. London; Philadelphia: UCL press, 1999, 303 p.

Литература на русском языке

- Беленков В.Е. Долгосрочное влияние силы репрессий в онлайн- и офлайн-среде на численность участников поствыборных протестов: кросс-страновое эмпирическое исследование // *Полития*. – 2024. – № 1 (112). – С. 164–186. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-112-1-164-186>
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Социально-экономическое издательство, 1936. – 503 с.
- Капустин Б.Г. К понятию политического насилия // *Полис. Политические исследования*. – 2003. – № 6. – С. 6–26. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.06.02>
- Клестов Д.А. «(Не)внезапное насилие»: почему демократии могут жестко подавлять протесты // *Полития*. – 2025. – № 4 (119). – С. 73–106. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2025-119-4-73-106>
- Коротаяев А.В. О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года // *Историческая психология и социология истории*. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 56–74.
- Образование и революции: почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? / В.В. Устюжанин, Л.Е. Гринин, И.А. Медведев, А.В. Коротаяев // *Полития*. – 2022. – № 1 (104). – С. 50–71. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71>

- Родионова М.М., Смирнов Н.М.* Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории // *Полития*. – 2022. – № 3 (106). – С. 6–27. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27>
- Романов Д.М., Межерина К.В., Коротаев А.В.* Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа // *Полис. Политические исследования*. – 2021. – № 3. – С. 166–181. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>
- Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных / А.В. Коротаев, П.С. Сойер, Л.Е. Гринин, Д.М. Романов, А.Р. Шишкина // *Социологический журнал*. – 2020. – Т. 26, № 4. – С. 61–78. – DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642>
- Урбанизация и революции: количественный анализ / В.В. Устюжанин, И.А. Су-мерников, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // *Социологические исследования*. – 2022. – № 10. – С. 85–95. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8>

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

С.А. СЕРГЕЕВ*

СРАВНИВАЯ ЭТНИЧЕСКИЕ ФЕДЕРАЦИИ

Рец. на кн.: *Фарукшин М.Х.* Этнические федерации: сравнительное исследование / М. Х. Фарукшин. – М.: Директ-Медиа, 2025. – 460 с.

Для цитирования: Сергеев С.А. Сравнивая этнические федерации: рецензия // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 301–309. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.14>

В 1990-е и 2000-е годы, когда в России формировались основы современного федерализма, исследования федеративного устройства занимали заметное место в отечественной политической науке. Сегодня российские политологи обращаются к этой теме намного реже, но своей актуальности федерализм и связанные с ним проблемы не утратили. Несмотря на попытки пересмотра исторической роли империй и их места в историческом процессе [Миллер, 2008; Миллер, 2024], значение федерализма как важной формы государственного устройства для стран с большой территорией и культурным разнообразием, а также необходимостью поддерживать баланс между центром и регионами, остается неоспоримой. Более того, федерализм используется как средство урегулирования и смягчения политических конфликтов в небольших странах, но разнородных в этническом, религиозном и лингвистическом

* **Сергеев Сергей Алексеевич**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Казанский федеральный университет (Казань, Россия), e-mail: SASergeev@kpfu.ru

© Сергеев С.А., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.14

отношениях (например, Непал и Эфиопия). Впрочем, когда речь заходит об этническом федерализме – модели государственного устройства, предполагающей институциональное признание этничности как одного из оснований политической организации пространства, разногласия среди исследователей приобретают особенно острый характер. Эффекты этнического федерализма для политической стабильности и территориальной целостности государства оцениваются порой диаметрально противоположным образом.

Монография М.Х. Фарукшина «Этнические федерации: сравнительное исследование» представляет собой развернутое осмысление феномена этнофедерализма, в котором автор стремится выйти за рамки описания отдельных случаев и предложить более обобщенное понимание этнической федерации как особого типа политико-территориального устройства.

Методологической основой монографии выступает сравнительный анализ двенадцати современных федераций, среди которых Бельгия, Босния и Герцеговина, Канада, Индия, Испания, Малайзия, Непал, Нигерия, Пакистан, Россия, Швейцария и Эфиопия. Географический и институциональный разброс кейсов позволяет автору избежать евроцентризма и показать отличия и сходства этнофедеративных решений в различных политических режимах и социокультурных контекстах. Институциональный анализ сочетается в монографии с рассмотрением партийных систем, механизмов представительства и языковой политики.

В двух первых главах автор подобно анализирует доводы сторонников и оппонентов этнического федерализма. Автор поставил перед собой непростую задачу: в рамках академической дискуссии, попытаться объективно рассмотреть различные интерпретации этнического федерализма, поскольку в настоящее время он явно смещен, как отмечает М. Фарукшин, в сторону негативных оценок. Позитивные оценки этнического федерализма не исчерпываются апеллированием к большим возможностям сохранения и развития своей идентичности и культуры. Этнический федерализм предоставляет большие возможности для урегулирования и разрешения конфликтов. Наличие субъектов федерации, созданных по этнотерриториальному принципу, предоставляет этнической группе возможность самоуправления и не нарушает целостности государства. Однако возникают следующие вопросы: кому именно предоставляется возможность самоуправления? Насколько леги-

тимны претензии той или иной этнической элиты управлять от имени всей этнической группы?

В третьей главе М. Фарукшин продолжает доказывать продуктивность благотворность основного принципа этнического федерализма – выделения одного, нескольких или всех субъектов федерации по этнотерриториальному принципу. Это само по себе не способствует этническому сепаратизму. Этнический сепаратизм, подчеркивает автор, порождает не субъекты этнических федераций, а неприемлемые условия, в которых находится этнические группа (с. 108).

В третьей главе автор разворачивает перед нами панораму современных этнических федераций во всем их разнообразии: от Бельгии и Канады до Индии и Малайзии. Анализ институтов этнических федераций и те характеристики, которые дает им автор, интересны сами по себе и потому заслуживают более развернутого изложения ниже.

Бельгия определяется М. Фарукшиным как классическая и в тоже время уникальная этнофедерация (с. 161), что определяется ее биэтническим характером и возможностью паритетного участия в управлении как для фламандцев, так и для валлонов.

Этнофедеративное устройство Боснии и Герцеговины также оценивается достаточно высоко, но при этом отмечается, что оно не было сформировано с подачи граждан, а навязано международным сообществом (с. 173).

При обсуждении федеративного устройства Индии автор задается следующим вопросом: Индия – федерация этническая или этнолингвистическая? За этим вопросом – не схоластический спор о словах, а проблема корректного использования терминов в рамках различных подходов к этничности. Если считать, что этничность – это объективная, врожденная и неизменная реальность, а язык – неотъемлемый элемент и даже главный индикатор этничности, то между этнической и этнолингвистической федерациями можно поставить знак ~ («приблизительно равно»). К подобному же выводу склоняется и автор рецензируемой монографии.

Если же этничность рассматривается как социальный конструкт, созданный в определенных исторических, политических и культурных условиях, а язык в качестве инструмента или символа, который может использоваться для конструирования этнической идентичности и не является неперенным индикатором этничности, то различие между этнической и этнолингвистической федерациями выглядит более значимыми. Этнолингвистическая федерация

может рассматриваться как специфическая форма, где языковой фактор искусственно выделяется в качестве ключевого критерия для формирования субъектов, что может быть связано с политическими стратегиями, необходимостью легитимации власти или попыткой управлять межэтническими отношениями через языковые различия.

Включение Испании в список этнических федераций также может вызывать вопросы, хотя Испания полиэтническое государство автономных сообществ, обладающих значительной самостоятельностью. Формально Испания не является федерацией, хотя ряд исследователей, в том числе и М.Х. Фарукшин, считают, что фактически Испания – это этническая федерация (с. 189).

На наш взгляд, анализ спорных случаев в исследованиях федерализма не только допустим, но и продуктивен, поскольку расширяет представления о границах и возможностях этого феномена. При изучении федерализма в Азии обнаруживаются куда более спорные примеры, чем Испания, – в частности, Китайская Народная Республика, которая, по утверждению некоторых исследователей, является «де-факто» федеративным государством [Zheng, 2007]. Кроме того, Индонезия, Мьянма, Филиппины и Япония, рассматриваются как «приближающиеся» к федерализму или «квазифедеральные» государства [He, Galligan, Inoguchi, 2007].

Принадлежность Канады к этническим федерациям М. Фарукшиным не оспаривается, хотя отмечается, что не все признаки, присущие этническим федерациям, есть в ее государственном устройстве. (Забегая вперед, можно отметить, что из 12 случаев, рассмотренных в монографии, лишь 4 обладают полным набором признаков этнофедерации).

Достаточно спорным случаем является и Малайзия. Федеративный характер ее государственного устройства зафиксирован в Конституции, а также в принятых позже конституционных законах и соглашениях. Но насколько можно считать ее этнофедерацией? По мнению автора монографии, два штата, Саравак и Сабах, образованы по этническому принципу и обладают более широким кругом полномочий, чем другие субъекты Федерации Малайзия (с. 213). При этом в Малайзии нет «четкого выделения этнотерриториального принципа формирования субъектов федерации» (с. 221).

Как спорный случай этнической федерации в монографии рассматривается и Непал. Анализируя непальский федерализм, М.Х. Фарукшин констатирует, что ни одна из семи провинций

этой страны не образованы по этнотерриториальному принципу, и в собственном смысле слова Непал нельзя назвать этнической федерацией. Однако значительное представительство одной из этнических групп, Кхас Арья, в государственном аппарате, судах и местном самоуправлении тем не менее, считает автор монографии, позволяет говорить о частичном этническом федерализме в Непале» (с. 228–229).

Спорным случаем является и нигерийский федерализм. Это признается и автором: «Нигерийская Федерация явно не является и близко не подходит к тому, чтобы быть чисто этнической федерацией, но в ней явно присутствует значительный этнический компонент» (с. 229): в ряде штатов Нигерии количественно преобладает та или другая этническая группа, хотя с ареалом расселения этнических групп совпадают границы лишь одного из 36 штатов.

Обсуждая федерализм в Пакистане, М. Фарукшин склонен согласиться с мнением Э. Элбер и М. Дж. Брина [Alber, Breen, 2022], а также Г-и-Х. Шахзад [Shahzad, 2015] относительно этнического характера пакистанской федерации: Пакистан имеет если не все признаки федерализма, но важную часть из них (с. 258).

В число этнических федераций вполне обоснованно включается и Россия, поскольку бесспорным представляется «наличие у нее такого конституирующего признака этнической федерации, как нахождение в ее составе субъектов федерации», организованных в соответствии с этнотерриториальным принципом (с. 259).

Швейцария представляет собой еще один спорный случай этнофедерации. Можно выделить следующие точки зрения: швейцарские кантоны – не этнические образования, и Швейцария – моноэтническое, хотя и многоязычное государство; Швейцария – многонациональная федерация, но не этнофедерация; те обстоятельства, что границы кантонов примерно совпадают с ареалами этнолингвистических групп, а также более или менее пропорциональное представительство этнолингвистических групп в федеральных органах государственной власти, дает основание утверждать, что Швейцария обладает некоторыми признаками этнофедерации. Третью точку зрения разделяет и М.Х. Фарукшин.

Наконец, последней по списку, но не по значению среди выделенных в монографии этнофедераций является Эфиопия. Относительно этнического характера эфиопского федерализма среди исследователей нет больших разногласий, хотя определение Эфиопии как этнической федерации иногда вызывает возра-

жения [Gebrehiwot, Heftetsion, 2015]. Полярно противоположные точки зрения высказываются относительно эффективности эфиопского федерализма и его пригодности для Эфиопии. Согласно оценкам одних ученых, этнический федерализм способствует сохранению территориальной целостности Эфиопии, единству эфиопского народа, расширяет возможности самоуправления этнических групп. При этом комплиментарное отношение к эфиопскому федерализму, по мнению М. Фарукшина, порой выходит за границы допустимого (с. 279). Наряду с этим на ту модель этнического федерализма, что принята в Эфиопии, возлагается ответственность за сохранение неравенства этносов и обострение этнических конфликтов.

Но подробное описание этнических федераций для автора является скорее важной предпосылкой для построения идеального типа подобной федерации, называемой «классической моделью». Основные характеристики этого идеального типа описаны в пятой главе монографии. Трактовка термина «этническая федерация» как государства, имеющего в составе субъекты, созданные по этнотерриториальному признаку, является, по мнению автора монографии, крайне ограниченным. Это важный, но не единственный признак. У этнических федераций есть не один признак, а несколько, хотя далеко не все этнические федерации обладают полным набором этих признаков.

Среди других признаков этнических федераций:

- доминирующее положение в каждом субъекте одной или двух этнических групп (по имени которой или которых нередко, но не всегда называется и сам субъект);

- наличие этнических партий, т.е. партий, претендующих на представительство и защиту интересов определенных этнических групп;

- представительство этнических групп в федеральных и региональных государственных органах и деление власти (power-sharing) между ними;

- право вето этнических групп на решения, исходящие от исполнительной или законодательной ветвей власти.

Наличие или отсутствие того или иного признака в федерациях, рассматриваемых в монографии, наглядно показано в составленной автором сводной таблице. Итог несколько неожиданен: полным набором признаков обладают лишь 4 этнофедерации из 12. Речь о Бельгии, Боснии и Герцеговине, Малайзии и Эфиопии, названные автором «классическими этническими федерациями» (с. 337).

Среди наиболее распространенных значений слова «классический» – «являющийся образцом для подражания», «эталонный», «превосходный». Однако даже Бельгия не может быть образцом для всех этнических или многонациональных федераций. Ранее автор обращал внимание на ее уникальность и биэтничность (с. 161), а в ситуации, когда этнических групп не две и не три, бельгийская модель вряд ли воспроизводима. Существование федеративной модели Боснии и Герцеговины обеспечено поддержкой и давлением извне. Малайзия, с ее законодательно закрепленным доминированием малайского большинства, о чем пишет автор (с. 215–216), представляет собой явно недемократическую (или полудемократическую) разновидность федерации – «минималистский федерализм», по выражению У. Кейса [Case, 2007], который также вполне заслуживает определения «этнократического». Наконец, Эфиопия, ввиду противоречий и проблем эфиопского федерализма, также вряд ли может в ближайшее время стать эталоном. Поэтому обозначение «классический» ввиду нормативной коннотации данного слова для этих четырех этнофедераций представляется методологически значимым и одновременно дискуссионным. В общеязыковом употреблении слово «классический», как отмечалось выше, обычно имеет нормативную окраску и нередко воспринимается как обозначение образцовой или предпочтительной модели. В рассматриваемом случае, однако, речь идет скорее об «идеальном типе» в веберовском смысле – аналитической конструкции, позволяющей упорядочить и сопоставить эмпирический материал. Поэтому использование термина «классический» не обязательно предполагает оценку этих случаев как нормативных или рекомендуемых. Скорее, речь идет о попытке зафиксировать предельную конфигурацию признаков этнической федерации, которая может служить удобной точкой отсчета для сравнительного анализа.

Возвращаясь к таблице, нетрудно заметить, что первый признак (наличие субъектов или субъекта федерации, выделенного по этническому признаку) характерен для 11 федераций из 12, второй (доминирующее положение в субъекте федерации одной или двух этнических групп) и четвертый (представительство этнических групп в органах власти и power-sharing) – для 9 федераций из 12, третий (существование этнических партий) – для 8 из 12 и пятый (право вето) – всего для 4 федераций. Возможно, третий и пятый признаки носят факультативный характер, отражая более высокую степень институционализации этничности, но не являясь необходимыми для типологической классификации?

Пятая глава монографии посвящена этнолингвистическим проблемам этнических федераций. В ней рассматриваются функции языков в этнофедерациях, в частности, их роли при определении границ субъектов и организации федерации в целом, при формировании органов власти, а также проблема двуязычия, связанная с сосуществованием официального языка и языков субъектов федерации. Обсуждение проблемы двуязычия органично переходит в обсуждение проблемы реализации языковой политики, поскольку все этнические федерации вынуждены так или иначе учитывать складывающуюся в них языковую ситуацию, характеризующуюся необходимостью использования двух или более языков.

Языковая же политика, в свою очередь, неотрывна от проблемы изучения государственного и региональных языков в системе образования. В монографии приводится ряд примеров того, что практически ни одна из этнофедераций не избежала споров по поводу использования различных языков в преподавании и обучении: доминантных и недоминантных, общегосударственных и региональных. Конфликты возникают даже в федерациях с давними демократическими и либеральными традициями: в Бельгии оказалось невозможным создание школ с нидерландским языком обучения в Валлонии и с французским – во Фландрии. В Каталонии единственным языком обучения объявлен каталонский язык, в Швейцарии недовольство вызывает увеличение часов изучения английского за счет немецкого во франкоязычных кантонах и за счет французского в германоязычных кантонах.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что монография М. Фарукшина «Этнические федерации: сравнительное исследование», являющаяся продолжением предыдущих исследований автора по проблемам федерализма, этнических автономий и языковой политики, без сомнения, достойна внимания уже в силу широкого охвата материала и богатства эмпирической базы. И хотя не все утверждения автора бесспорны, новая монография М. Фарукшина побуждает анализировать проблемы этнических федераций, размышлять над достоинствами и недостатками той или иной модели государственного устройства, предлагать новые методологические инструменты и аналитические схемы.

S.A. Sergeev*
Comparing ethnic federations: review

For citation: Sergeev S.A. Comparing ethnic federations: review. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 301–309. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.14>

References

- Alber E., Breen M.G. Federalism and ethnic relations. In: Cremades J., Hermida C. (eds). *Encyclopedia of contemporary constitutionalism*. Springer: Cham, 2022, P. 1–26. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-31739-7_212-1
- Case W. Semi-democracy and minimalist federalism in Malaysia. In: He B., Galligan B., Inoguchi T. (eds). *Federalism in Asia*. Chettenham: Edward Elgar Publ., 2007, P. 124–143.
- He B., Galligan B., Inoguchi T. (eds). *Federalism in Asia*. Chettenham: Edward Elgar Publ., 2007, 329 p.
- Gebrehiwot M., Heftetsion E. The politics of naming the Ethiopian federation. *Journal of Ethiopian studies*. 2015, Vol. 48, P. 89–117.
- Miller A. The history of empires and the politics of memory. *Russia in global affairs*. 2008, Vol. 6, N 4, P. 189–202. (In Russ.)
- Miller A. The Russian empire and the Soviet Union: the dialectics of rupture and continuity. *Quaestio Rossica*. 2024, Vol. 12, N 1, P. 339–352. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.882>. (In Russ.)
- Shahzad G.-i.-H. *Ethno-federalism, nationalization of parties and the dynamics of local government: the case of Pakistan*. Budapest: CEU, 2015, 64 p.
- Zheng Y. China's de facto federalism. In: He B., Galligan B., Inoguchi T. (eds). *Federalism in Asia*. Chettenham: Edward Elgar Publ., 2007, P. 213–241.
- Weber M. «Objectivity» of Knowledge in Social Science and Social Policy. In: M. Weber. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, P. 345–415. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345–415.
- Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т.6, № 4. – С. 118–134.
- Миллер А. Российская империя и Советский Союз – диалектика разрыва и преемственности // Quaestio Rossica. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 339–352. – DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.882>.

* **Sergeev Sergey**, Kazan Federal University (Kazan, Russia), e-mail: SASergeev@kpfu.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

2026 № 3

В журнале представлены результаты научных исследований, в том числе дискуссионного характера, поэтому их содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редколлегии:
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka1997@gmail.com

Оформление обложки О.Е. Максимов
Техническое редактирование и
компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Подписано к печати 26 / VIII – 2026 г.
Формат 60 x 84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 19,6 Уч.-изд. л. 18,6
Тираж 800 экз. Заказ №

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6